БОЛЬШЕВИК

№ 1—(17)

15 ЯНВАРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

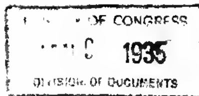
Bol'shevik.

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 1 (17)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 30601 Москва Тираж 46.000
Типогр. из-ва „Правда" и „Беднота". Яузский м., Серебряническая наб. д. 23а.

И. Сталин.

Октябрьская революция и тактика русских коммунистов.

(Предисловие к книге И. Сталина „На путях к Октябрю").

Внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции.

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистской войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьезнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное оружие мира, облегчило ей возможность соедивения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, ввиду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но кроме обстоятельств внешнего порядка Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главным из этих условий нужно считать следующие:

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку у крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где она могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контр-революцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых рессурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

Это не значит, конечно, что Октябрьская революция не имела своих минусов в смысле внешней и внутренней обстановки. Чего стоит, например, такой минус, как известная одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле нее и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например, в Германии оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьезную по своей силе советскую страну, как наш Советский Союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране. Но эти минусы лишь подчеркивают громадное значение того своеобразия внутренних и внешних условий Октябрьской революции, о которых говорилось выше.

Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 г. О нем прежде всего должен помнить тов. Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки.

«России,—говорит Ленин,—в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирномогущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р. партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом;—таких специфических условий в Западной Европе теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим,—помимо ряда других причин,—начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам» (см. „Детскую болезнь", том XVII, стр. 153).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

О двух особенностях Октябрьской революции, или Октябрь и теории перманентной революции т. Троцкого.

Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции. Что это за особенности? Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенности не только потому, что они отчетливо выражают сущность Октябрьской революции, но и потому, что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории «перманентной революции».

Рассмотрим вкратце эти особенности.

Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата,—от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революции 48 и 71 года во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, что она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата, что пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни.

Кто не понял этого, тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти.

Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега», и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат.

Речь идет здесь, таким образом, не о том, чтобы «немножечко» недооценить, или «немножечко» переоценить революционные возможности крестьянского движения, как любят теперь вы-

ражаться некоторые дипломатические защитники «перманентной революции». Речь идет о природе нового пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Речь идет о характере пролетарской власти, об основах самой диктатуры пролетариата.

„Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма“ (см. т. XVI, стр. 241).

И далее:

„Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов“ (см. т. XVI стр. 248).

Такова теория диктатуры пролетариата, данная Лениным.

Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто «русской» теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян, но и трудящиеся элементы окраин Советского Союза, недавно еще представлявших колонии России. Ленин неустанно твердил, что без союза с этими инонациональными массами пролетариат России не сможет победить. В своих статьях по национальному вопросу и в речах на конгрессах Коминтерна Ленин неоднократно говорил, что победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетенными народами порабощенных колоний. Но что такое колонии, как не те же угнетенные трудовые массы, и прежде всего трудовые массы крестьянства? Кому не известно, что вопрос об освобождении колоний является по сути дела вопросом об освобождении трудовых масс непролетарских классов от гнета и эксплоатации финансового капитала?

Но из этого следует, что ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто «русская» теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. «Большевизм»,—говорит Ленин,—есть «образец тактики для всех» (см. «Пролетарская революция», стр. 89).

Таковы характерные черты первой особенности Октябрьской революции.

Как обстоит дело с теорией «перманентной революции» тов. Троцкого с точки зрения этой особенности Октябрьской революции?

Не будем распространяться о позиции т. Троцкого в 1905 году, когда он «просто» забыл о крестьянстве, как революционной силе, выдвигая лозунг «без царя, а правительство рабочее», т. е. лозунг о революции без крестьянства. Даже тов. Радек, этот дипломатический защитник «перманентной революции», вынужден теперь признать, что «перманентная революция» в 1905 г. означала «прыжок в воздух» от действительности (см. «Правда» от 14 декабря 1924 г.). Теперь, видимо, все признают, что с этим «прыжком в воздух» не стоит больше возиться.

Не будем также распространяться о позиции т. Троцкого в период войны, скажем, в 1915 г., когда он в своей статье «Борьба за власть», исходя из того, что «мы живем в эпоху империализма», что империализм «противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации», пришел к выводу о том, что революционная роль крестьянства должна убывать, что лозунг о конфискации земли не имеет уже того значения, какое он имел раньше (см. «1905 год», стр. 289—292). Известно, что Ленин, разбирая эту статью т. Троцкого, обвинял его тогда в «отрицании» «роли крестьянства», говоря, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию!» (см. «Против течения», стр. 307—308).

Перейдем лучше к более поздним трудам т. Троцкого по этому вопросу, к трудам того периода, когда пролетарская диктатура успела уже утвердиться, и когда т. Троцкий имел возможность проверить свою теорию «перманентной революции» на деле и исправить свои ошибки. Возьмем «Предисловие» т. Троцкого к книге «1905 год», писанное в 1922 году. Вот что говорит тов. Троцкий в этом «Предисловии» о «перманентной революции»:

«Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции“. Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничивать себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во *враждебные столкновения* не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и *с широкими массами крестьянства*, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только* в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (см. упомянутое выше „Предисловие“ к книге т. Троцкого „1905 год“) *).

Так говорит тов. Троцкий о своей «перманентной революции».

Стоит только сличить эту цитату с вышеприведенными цитатами из сочинений Ленина о диктатуре пролетариата, чтобы понять всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию диктату-

*) Курсив мой. И. Ст.

ры пролетариата от теории т. Троцкого о «перманентной революции».

Ленин говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются «враждебные столкновения» «пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства».

Ленин говорит о руководстве трудящихся и эксплоатируемых масс со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения».

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено притти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Тов. Троцкий не дает никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства... смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая «во враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения «противоречий» лишь «на арене мировой революции пролетариата».

Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» т. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции.

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции?

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит не равномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шла все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой,—а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистских стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать об Японии, по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая—Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того, что:

1) «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства земли» (см. предисловие к французскому изданию «Империализма» Ленина);

2) «Дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну, из-за дележа своей добычи всю землю» (см. там же);

3) «Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран—вероятным»;

4) «Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистского фронта слабее, т.-е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться»;

5) «В виду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически,—вполне возможна и вероятна».

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чем состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймет ни интернациональной природы этой революции, ни ее колоссальной международной мощи, ни ее своеобразной внешней политики.

«Неравномерность экономического и политического развития,—говорит Ленин,—есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, под-

нимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств"...Ибо „невозможно свободное об'единение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами" (см. „Против течения", стр. 130).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться—если вообще она должна где-либо начаться по их теории—лишь в промышленно развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, при чем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с «перманентной революцией» т. Троцкого с точки зрения ленинской теории пролетарской революции?

Возьмем брошюру т. Троцкого «Наша революция» (1906 г.). Тов. Троцкий пишет:

„Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты" (см. „Наша революция", стр. 278).

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, невозможна «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата», т. е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой «теорией» и положением Ленина о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра т. Троцкого, изданная в 1906 году, когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам т. Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру т. Троцкого, его «Программу мира», появившуюся в свет перед Октябрьской революцией 1917 г. и переизданную теперь (в 1924 г.) в книге «1917». В этой брошюре т. Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединенных Штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), об'единяющихся в Соединенные Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что «победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии и наоборот». (см. «1917», т. III сочинений тов. Троцкого ч. 1, стр. 89).

„Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение,—говорит т. Троцкий,—против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском „Социал-Демократе" (тогдашний центральный орган большевиков. И. Ст.) в следующей фразе: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма". Отсюда „Социал-Демократ" делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую „Европу", созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна „дожидаться" других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать—так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения,—что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире" (см. том. III соч. т. Троцкаго, часть I стр. 89—90).

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающее ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для полной победы социализма, для полной гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западно-европейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить планы империалистов насчет интервенции,—есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие или убывает? Безусловно, растет. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы в свою очередь оказать поддержку как западно-европейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой под'ем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление тов. Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, т. Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, тов. Троцкий не понимает неоценимого значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, т. Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая разъедает ныне империализм.

Увлекшись критикой ленинской теории пролетарской революции, т. Троцкий нечаянно разбил себя на голову в своей брошюре «Программа мира», вышедшей в 1917 г. и переизданной в 1924 г.

Но, может быть, устарела и эта брошюра т. Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды тов. Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в о д н о й с т р а н е, в России. Возьмем, например, «Послесловие» тов. Троцкого к новому изданию брошюры «Программа мира», написанное в 1922 г. Вот что он пишет в этом «Послесловии»:

„Несколько раз повторяющееся в „Программе мира" утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным т о л ь к о п о с л е п о б е д ы *) пролетариата в важнейших странах Европы" (см. том III соч. т. Троцкого, часть I, стр. 92—93).

Так говорит тов. Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти «перманентную революцию» от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только «не пришли», но даже «не подошли». Была, оказывается, кое у кого надежда на «соглашения с капиталистическим миром», но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как ни вертись, а «подлинного подъема социалистического хозяйства» не получишь, пока не победит пролетариат «в важнейших странах Европы».

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром тов. Троцкий говорит вот уже два года о «перерождении» нашей партии.

---

*) Курсив мой. И. Ст.

Недаром тов. Троцкий пророчил в прошлом году «гибель» нашей страны.

Как согласовать эту странную «теорию» с теорией Ленина о «победе социализма в одной стране»?

Как согласовать эту странную «перспективу» с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность «построить фундамент социалистической экономики»?

Как согласовать эту «перманентную» безнадежность, например, со следующими словами Ленина:

„Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет,—все мы вместе, и не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая" (см. том XVIII, часть 2, стр. 108).

Как согласовать эту «перманентную» беспросветность, например, со следующими словами Ленина:

„В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения" (см. „О кооперации", стр. 5).

Ясно, что тут нет, да и не может быть никакого согласования. «Перманентная революция» т. Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот—ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории «перманентной революции».

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата,—такова подпочва теории «перманентной революции».

До сего времени отмечали обычно о д н у сторону теории «перманентной революции»,—неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить д р у г о й стороной,—неверием в силы и способности пролетариата России.

Чем отличается теория тов. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции «в основных странах Западной Европы»?

По сути дела—ничем.

Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» тов. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

В последнее время в нашей печати развелись гнилые дипломаты, старающиеся протащить теорию «перманентной революции», как нечто совместимое с ленинизмом. Конечно, говорят они, эта

теория оказалась непригодной в 1905 г. Но ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он забежал тогда вперед, попытавшись применить к обстановке 1905 г. то, чего нельзя было тогда применить. Но впоследствии, говорят они, например, в октябре 1917 года, когда революция успела назреть полностью, теория тов. Троцкого оказалась-де вполне на месте. Нетрудно догадаться, что самым главным из этих дипломатов является тов. Радек. Не угодно ли послушать:

> „Война вырыла пропасть между крестьянством, стремящимся к завоеванию земли и к миру, и мелкобуржуазными партиями; война отдала крестьянство под руководство рабочего класса и его авангарда— партии большевиков. Стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство. То, что Роза Люксембург и Троцкий в 1905 г. выдвигали против Ленина (т.-е. „перманентную революцию“. И. Ст.), оказалось на деле вторым этапом исторического развития“. (см. „Правду“ от 21 февраля 1924 г. № 42).

Тут что ни слово, то передержка.

Неверно, что во время войны «стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство». На самом деле Февральская революция 1917 г. была осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии.

Неверно, что теорию «перманентной революции», о которой т. Радек стыдливо умалчивает, выдвинули в 1905 г. Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким. Теперь, спустя десять месяцев, т. Радек поправляется, считая нужным ругнуть Парвуса за «перманентную революцию» (см. его статью о Парвусе в «Правде»). Но справедливость требует от тов. Радека, чтобы был обруган и компаньон Парвуса—тов. Троцкий.

Неверно, что «перманентная революция», отброшенная революцией 1905 года, оказалась правильной на «втором этапе исторического развития», т.-е. во время Октябрьской революции. Весь ход Октябрьской революции, все ее развитие показали и доказали полную несостоятельность теории «перманентной революции», полную ее несовместимость с основами ленинизма.

Сладенькими речами да гнилой дипломатией не прикрыть зияющей пропасти, лежащей между теорией «перманентной революции» и ленинизмом.

О некоторых особенностях тактики большевиков в период подготовки Октября.

Для того, чтобы понять тактику большевиков за период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся именно эти особенности.

Что это за особенности?

Первая особенность. Послушать тов. Троцкого, можно подумать, что в истории подготовки Октября существуют всего два периода, период разведки и период восстания, а что сверх

того, то от лукавого. Что такое апрельская манифестация 1917 года? «Апрельская манифестация, взявшая «левей», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством» (см. т. III, ч. 1-я, соч. т. Троцкого, стр. XXVII). А что такое июльская демонстрация 1917 года? По мнению тов. Троцкого, «по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения» (см. там же, стр. XXXII). Нечего и говорить, что июльская демонстрация 1917 года, устроенная по требованию нашей партии, тем более должна быть названа по представлению тов. Троцкого «разведкой».

Выходит, таким образом, что у большевиков уже в марте 1917 года имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали ее в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь «разведкой», то это потому, и только потому, что «данные разведки» не давали тогда благоприятных «показаний».

Нечего и говорить, что это упрощенное представление о политической тактике нашей партии является ничем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись, прежде всего, результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавших выступлений масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к Октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики.

Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а ее естественным результатом.

Анализируя события перед восстанием в Октябре и сравнивая их с событиями апреля-июня, Ленин говорит:

> „Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение*, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформляли в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы *еще* не наши, что крестьяне *еще* верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно восстание преждевременно“ (см. т. XIV, ч. 2-я, стр. 284).

Ясно, что на одной лишь «разведке» далеко не уедешь.

Дело, очевидно, не в «разведке», а в том, что:

1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный под'ем массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный под'ем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября в свою очередь привела к тому, что в результате октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии, партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство одной партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября,—такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией.

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии, партии большевиков. Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции соглашательских партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков.

В чем состоит основное стратегическое правило ленинизма? Оно состоит в признании того, что:

1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии;

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому, что она была партией соглашательской, партией соглашения между царизмом и большинством народа, т.-е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на разрыв крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, нельзя было рассчитывать на победу революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской стратегии и обвиняли большевиков в излишнем «кадетоедстве», утверждая, что борьба с кадетами «заслоняет» у большевиков борьбу с главным врагом—с царизмом. Но обвинения эти, будучи лишены почвы, изобличали прямое непонимание большевистской стратегии, требующей изоляции соглашательской партии для того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом.

Едва ли нужно доказывать, что без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна.

В период подготовки Октября центр тяжести борющихся сил переместился на новую плоскость. Не стало царя. Партия кадетов из силы соглашательской превратилась в силу правящую, в господствующую силу империализма. Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелко-буржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на разрыв трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции.

Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование трудящихся масс крестьянства, их разочарование в эсерах и меньшевиках, их отход от этих партий, их поворот в сторону прямого сплочения вокруг пролетариата, как единственной, до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изоляции эсеров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября,—такова вторая особенность тактики большевиков.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства повис бы в воздухе.

Характерно, что об этой особенности большевистской тактики т. Троцкий ничего, или почти ничего, не говорит в своих «Уроках Октября».

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть советов, под лозунгом «вся власть советам», путем борьбы за превращение советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности.

Почему большевики ухватились именно за советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое советы?

„Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежняя; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение. Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат несомненно удержать власть не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя“ (см. „Удержат ли власть большевики“ т. XIV, ч. 2, стр. 228—230).

Вот почему ухватились большевики за советы, как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Лозунг «вся власть советам» с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии, первую (до июльского поражения большевиков, во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т.-е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс. Июльское поражение большевиков прервало, однако, это развитие, дав перевес генеральско-кадетской контр-революции и отбросив эсеро-меньшевиков в об'ятия последней. Это обстоятельство вынудило партию снять временно с очереди лозунг «вся власть советам» с тем, чтобы вновь выставить его в условиях нового под'ема революции.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «вся власть советам» вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата.

Неоценимое значение тактики превращения советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эсеров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата.

Итак, политика превращения советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата,—такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Четвертая особенность. Картина была бы неполная, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс, двигающие вперед революцию, как и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы,—недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством

2*

второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

Наглядным примером проявления этой особенности большевистской тактики является опыт с созывом и разгоном Учредительного Собрания.

Известно, что большевики выдвинули лозунг Республики Советов еще в апреле 1917 года. Известно, что Учредительное Собрание является буржуазным парламентом, в корне противоречащим основам Республики Советов. Как могло случиться, что большевики, идя к Республике Советов, требовали вместе с тем от Временного Правительства немедленного созыва Учредительного Собрания? Как могло случиться, что большевики не только приняли участие в выборах, но и созвали сами Учредительное Собрание? Как могло случиться, что большевики допускали за месяц до восстания, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания?

А «случилось» это потому, что:

1) идея Учредительного Собрания была одной из самых популярных идей среди широких масс населения;

2) лозунг немедленного созыва Учредительного Собрания облегчал разоблачение контр-революционной природы Временного Правительства;

3) чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного Собрания, необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного Собрания с их требованиями о земле, о мире, о власти советов, столкнув их, таким образом, с действительным и живым Учредительным Собранием;

4) только таким образом можно было облегчить массам убедиться на своем собственном опыте в контр-революционности Учредительного Собрания и в необходимости его разгона;

5) все это естественно предполагало возможность допущения временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания, как одного из средств изживания Учредительного Собрания;

6) такая комбинация, если бы она осуществилась, при условии перехода всей власти к советам, могла означать лишь подчинение Учредительного Собрания советам, превращение его в придаток советов, его безболезненное отмирание.

Едва ли нужно доказывать, что без такой политики большевиков разгон Учредительного Собрания не прошел бы так гладко, а дальнейшие выступления эсеров и меньшевиков под лозунгом «вся власть Учредительному Собранию» не провалились бы с таким треском.

„Мы участвовали, — говорит Ленин, — в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное Собрание, в сентябре—ноябре 1917 года. Верна была наша политика или нет?... Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года больше, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно имели, ибо не в том ведь дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько **готовы** (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать или допустить разгон буржуазно-демократического парламента. Что в России в сентябре—ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики **не** бойкотировали Учредительного Собрания, а участвовали в выборах и до и **после** завоевания пролетариатом политической власти (см. „Детская болезнь“ т. XVII, стр. 148—149).

Почему же они не бойкотировали Учредительное Собрание? Потому, говорит Ленин, что:

„Даже за несколько недель до победы Советской Республики, даже **после** такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность **доказать** отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, **облегчает** успех их разгона, **облегчает** „политическое изживание“ буржуазного парламентаризма“ (см. там же).

Характерно, что т. Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на «теорию» сочетания Учредительного Собрания с советами, как на гильфердинговщину.

Он не понимает, что допущение такого сочетания **при** лозунге восстания и вероятной победе советов, связанное с созывом Учредительного Собрания, есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения советов в придаток Учредительного Собрания, что ошибка некоторых товарищей в **этом** вопросе не дает ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии о «комбинированной государственности» **при** известных условиях (сравни т. XIV, ч. 2, стр. 275).

Он не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным Собранием, им не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они не смогли бы превратить октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Интересно, что т. Троцкий фыркает даже на слово «народ», «революционная демократия» и т. п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста.

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, даже в сентябре 1917 года, за месяц до победы диктатуры, писал о «необходимости немедленного перехода всей власти в руки **революционной демократии**, возглавляемой революционным пролетариатом» (см. т. XIV, ч. 2-я, стр. 139).

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, цитируя известное письмо Маркса к Кугельману (апреля 1871 года) о том, что слом бюрократически-военного государственного аппарата является предварительным условием всякой действительной **народной** революции на континенте, пишет черным по белому следующие строки:

„Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является „предварительным условием всякой действительной **народной** революции“. Это понятие „народной“ революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, об'явить такое выражение у Маркса „обмолвкой“. Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции, для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими до-нельзя мертвенно. В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. „Народная“ революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, **лишь** охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда „народ“. Оба класса об'единены тем, что „бюрократически-военная государственная машина“ гнетет, давит, эксплоатирует их. Разбить эту машину, **сломать** ее — таков действительный интерес „народа“ — большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково

„предварительное условие" свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование" (см. „Государство и революция" т. XIV, ч. 2-я, стр. 327—328).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Итак, уменье убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся,—такова четвертая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Я думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе характерные черты этой тактики.

Октябрьская революция, как начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране,—оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема, как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получающих возможность в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она дает стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента «всеобщей развязки», ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчет того, что «а вдруг другие не поддержат». Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением» (см. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 38).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции [1]). Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше, до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося «кануном социалистической революции». Ибо появился такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился такой новый фактор, как огромная советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплоатации мира и ареной колониального гнета, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

[1]) См. мою брошюру «О Ленине и ленинизме» И. Ст.

Все это такие факторы (я не говорю о других, менее важных факторах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путем равномерного «вызревания» элементов социализма, прежде всего в более развитых, в «передовых» странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

„Система международных отношений,—говорит Ленин,—сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-поработителями, это—Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам,—уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира".

„В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п. в силу именно последней империалистической войны оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому, капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма".

„В виду этого и в связи с этим „западно-европейские капиталистические страны завершают свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения" (см „Лучше меньше, да лучше", 1924 г. стр. 33—34).

Если к этому добавить тот факт, что не только побежденные страны и колонии эксплоатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплоатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что кроме этих противоречий существуют еще и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов,—если все это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной.

Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами вообще других стран. Без этой поддержки она не смогла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что самое развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу

дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что **окончательная** победа социализма в первой освободившейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чем должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна «проводила максимум осуществимого в одной стране **для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах**» (см. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 68).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы «победивший пролетариат» одной страны, «экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... **против** остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (см. «Против течения», стр. 130).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает **окончательную** победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, на ряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всем мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире, при чем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции.

„Ибо,—говорит Ленин, —невозможно свободное об'единение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами" (см. „Против течения", стр. 130).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.

Не правы, поэтому, не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, об'являют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Не правы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию, как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле, не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма.

17/XII

Н. Бухарин.

К критике экономической платформы оппозиции.

(Уроки октября 1923 г.).

В настоящее время нам представляется далеко не лишней попытка критически подытожить прошлогоднюю **экономическую** дискуссию. «Подытожить», т.-е. проанализировать экономическую платформу оппозиции с точки зрения общих ошибок оппозиционных товарищей, общих ошибок, которые вскрыты нами в предыдущих статьях. Это тем более необходимо, что ряд вопросов частного характера, поставленных прошлым годом, еще не решен. С другой стороны, как-будто для всех более или менее ясно, что критики ЦК ошибались. В самом деле, вспомним хорошенько, что они писали, говорили, пропагандировали.

В известной записке 46-ти утверждалось, например, следующее:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас... сказать вам открыто, что **продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии**. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, и в том числе и внутрипартийными, последствиями, **безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией**, как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, **не сводящего концов с концами в области хозяйства**, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, **не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство**, или, вернее, на отсутствие всякого руководства, **не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым обще-экономическим кризисом**.

Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью **необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности**».

Никаких «полных параличей» «нашей активности и дееспособности», как известно, не получилось. Вышло «все наоборот»: и в хозяйстве, и в партии, и во внешней политике. В хозяйстве, как и в других областях, успехи были достигнуты отнюдь не на основе той линии, которая предлагалась оппозицией. Но все же из этих ошибок ряда людей, которые, по-своему искренно, хотели «спасать» нашу партию от страшных ужасов гибели, нужно вывести кое-какие уроки. Уроки октября 1923 года тоже подлежат критическому анализу. Этот анализ мы и предлагаем вниманию наших читателей.

1. Диктатура пролетариата и классы.

(Основная стратегическая линия пролетариата).

В статье о «перманентной революции» тов. Троцкого мы, между прочим, показали, как конкретно в действительности изменялось соотношение между классами в ходе нашей революции, и как, в конце-концов, стала на ноги диктатура пролетариата. Формально осуществилось то, чего хотел и тов. Троцкий (но к чему он не умел и не мог вести, ибо не видел промежуточных ступеней процесса). По существу это все же «Федот, да не тот», ибо тов. Троцкий совсем неправильно понимает соотношение между рабочим классом и крестьянством и в период пролетарской диктатуры (теория «гибели» и проч.).

Мы попытаемся здесь в положительной форме дать, вернее, наметить общее решение вопроса о классах в переходный период, так как вопрос этот вовсе не так ясен, как это представляется с первого взгляда.

«...В нашей Советской Республике,—писал тов. Ленин,—социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому (т.-е. сотрудничеству. Н. Б.), теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен; но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола.......

...в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской Республики» («Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. соч. 1923 г., т. XVIII, часть 2, стр. 124).

В этой коротенькой выписке дана вся сущность постановки вопроса. Но эту сущность нужно расшифровать до конца или, по крайней мере, в ее основных линиях.

Прежде всего, свалившегося из капиталистического мира марксиста поразили бы в этом рассуждении слова о сотрудничестве классов; еще больше его поразили бы, вероятно, слова о том, что к этому сотрудничеству допущена и буржуазия. Мы имеем, следовательно (о, ужас!—о, позор!) «даже» сотрудничество с буржуазией. Как это понять? И как же быть с классовой борьбой? И как все это увязать с нашими общими взглядами? Что означает, в самом деле, этот спорный «переход» от теории классовой борьбы к теории (буржуазной) классового сотрудничества? Не есть ли уже это начало нашего «перерождения».

Рассуждающий так, не понимал бы основного: того, что у нас уже произошло завоевание власти пролетариатом, уже налицо пролетарская диктатура, а потому целый ряд вопросов не может стоять так, как он стоит для пролетариата в буржуазном обществе.

Генеральная линия пролетариата при капитализме, это—линия на взрыв общественного целого, на раскол общества, на разрушение государства.

Генеральная линия пролетариата при его диктатуре, это—линия на укрепление общественного целого, линия против раскола общества, линия за упрочнение государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его).

При капитализме пролетариат за революцию против данного порядка вещей.

При пролетарской диктатуре рабочий класс за эволюционное движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает».

При капитализме пролетариат стоит за гражданскую войну внутри общества.

При своей собственной диктатуре, при ее укреплении он—за гражданский мир. Он карает за нарушение этого гражданского мира.

Но если диктатура пролетариата служит оболочкой для известного «сотрудничества классов», которое выражает единство общественного целого, то это вовсе не значит, что прекращается классовая борьба. Она принимает, однако, иную форму; она, с другой стороны, имеет совершенно иную тенденцию развития, чем при капитализме (ибо при капитализме она обостряется, пока все общество не расколется и не распадется, при успешном продвижении к социализму с известного пункта она начинает «отмирать»).

Диктатура пролетариата, т.-е. пролетарский класс, организованный, как государственная власть, имеет совершенно неодинаковое отношение к классам, живущим под этой «политической надстройкой».

Обычно всеми нашими учителями государственная власть пролетариата рассматривалась почти исключительно, как инструмент подавления классового противника, как «карающий меч революции», если говорить высоким стилем. Это и понятно. Ибо нельзя было заглянуть за историческую завесу дальше, чем это сделали творцы научного коммунизма и их великий русский продолжатель. Однако, Ленин, формулируя свое положение о сотрудничестве, тем самым уже поставил дальнейший вопрос о всей сложности функций пролетарского государства в период, если так можно выразиться, «пролетарского гражданского мира». Поставив этот вопрос, мы увидим без труда все различие в отношении к классам. В самом деле.

По отношению к белогвардейским, буржуазно-помещичьим, мятежным слоям и их остаткам функция диктатуры состоит в подавлении и только в подавлении.

Иным является отношение пролетариата и его государственной власти к *новой буржуазии*, которая, при данном соотношении общественных сил является общественно-необходимым слоем, выполняющим—в *известной мере*, в *известных пределах*, в *известном* отрезке времени общественно-полезную функцию; по отношению к ней дело отнюдь не ограничивается одним подавлением. Тут есть и *сотрудничество* пролетариата, и в этом сотрудничестве—классовая борьба. Общая линия у рабочего класса—какая? Использование этой буржуазии, с определенного пункта—*преодоление* ее. Преодоление, главным образом, путем ее экономического *вытеснения* с *параллельной* заменой стоящих за нею людей и аппаратов *своими* людьми, учреждениями, аппаратами и т. д. Частный капитал не конфискуется однократным актом, не отрубается механически одним взмахом революционного меча. Он именно *преодолевается* в процессе хозяйственной борьбы на основе роста наших госучреждений и кооперации; он *вытесняется* ими, хозяйственно (и с помощью госуд. давления, постольку и где это целесообразно) *выдавливается* из своих позиций, уступая место более совершенным видам хозяйства. Здесь есть и подавление—но не в нем центр тяжести. Здесь есть и сотрудничество. Здесь есть и классовая борьба. Здесь эта классовая борьба приводит (при успехе социализма) к преодолению на основе *вытеснения*, *уничтожения* классового противника и хозяйственной формы, носителем коей он является. Мы, в конце концов, *выживаем* «нэпманов».

Диктатура пролетариата, т.-е. государственная власть, *опосредствует* все эти типы отношений. Но, если она делает возможным сотрудничество с нэпманами, в *обществе* это совсем не значит, что государственная власть есть не пролетарская, а пролетарско-нэпманская. Всякое относительно-устойчивое общество (за исключением коммунистического) есть «единство противоположностей», единство разных классов. Но это не значит, что государственная власть во всяком обществе есть блоковая, общенародная власть, в коей принимают участие все классы населения. На этом элементарном смешении покоятся рассуждения г.г. Отто Бауэров и К°.

Иное отношение при диктатуре пролетариата складывается *между рабочим классом и крестьянством*. Есть здесь элемент подавления? Есть, но в гораздо *меньшей* мере (в скобках заметим, что принуждение может быть и по отношению к пролетариату, ибо иногда авангард *давит на свой же* арьергард). Есть здесь сотрудничество? Есть, но в неизмеримо *большей* мере, при *меньшей* мере классовых разногласий и классовых трений. Общая тенденция развития здесь (при успехе социализма) тоже *преодоление* и хозяйственных форм, и социально-классового типа. Но это «преодоление» не означает здесь вытеснения или *уничтожения*. «Преодоление» заключается здесь в медленной *переработке* и индивидуального хозяйства и индивидуалистического социального типа.

Государственная власть пролетариата опосредствует и этот тип сотрудничества. Но и здесь она не перестает быть пролетарской властью, которая *опирается* на крестьянство и *руководит* им.

Итак, мы имеем разные отношения:

1) подавление;

2) сотрудничество и борьба; преодоление через *вытеснение*;

3) гораздо большее сотрудничество и гораздо меньшая борьба; преодоление через *переработку* в *противоположность* вытеснению.

Разумеется, вышеприведенные рассуждения схематичны и с этой точки зрения в известной мере условны. Так, они предполагают развитие к *социализму*. Если этого не будет (а этот вопрос решит конкретная практика, конкретная борьба, конкретная линия партии и рабочего класса), тогда раскол между рабочим классом и крестьянством приведет к руководству буржуазии над крестьянством против пролетариата. «Сотрудничество» под гегемонией пролетариата лопнет, и диктатура пролетариата будет опрокинута. Может быть и так, что блок рабочего класса и крестьянства будет по временам подвергаться большой опасности, но все же общая линия будет выравниваться и, в общем и целом, этот блок будет укрепляться, а буржуазия будет отступать. Но, во всяком случае, та линия, за которую мы должны бороться, которую мы должны защищать, это—линия рабоче-крестьянского блока под гегемонией рабочего класса, как руководящей, ведущей силы этого блока. Эта борьба, в конце концов, решит, каков будет *действительный* исход, какая из половинок ленинского «двоякого исхода» будет реализована в действительности.

Поставим теперь вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством с другой стороны.

В капиталистическом строе руководящим классом являлась буржуазия. До определенного времени (т.-е. поскольку она играла исторически-прогрессивную роль) буржуазия была «представительницей нации». Когда буржуазная социология, исследуя «социальный порядок» капиталистического общества, выставляет буржуазию как руководящую силу *всего* общества, то в этом утверждении есть известная доля истины. Ошибка, ложь, апологетика начинается там, где ученые капитала скрывают *классовый характер* «иерархии», когда они лгут, будто «всякий рабочий» может стать капиталистом, когда они прячут основной факт, что в пределах капитализма рабочий класс, как целое, осужден на положение наемного раба и не может подняться, не сломав всей капиталистической системы.

Иное соотношение при диктатуре пролетариата. Рабочий класс и крестьянство—два разные класса. Рабочий класс ведет общество в целом. Но рабочий класс *так* руководит крестьянством, что стремится на деле, перерабатывая его по-своему, *поднять его до себя*. Крестьянство отнюдь не обречено на свое «крестьянское» существование. Наоборот, оно постоянно будет (если мы будем итти вперед) «вывариваться в кооперативном котле» и, таким образом, сходить с своей индивидуалистической «кучи навозу». Соотношение между господствующей буржуазией и пролетариатом постоянно *обостряется*—такова основная тенденция капитализма. Соотношение между *руководящим* пролетариатом и *руководимым* крестьянством, вопреки теории тов. Троцкого, меняется в *противоположном* смысле.

Противопоставление пролетариата и крестьянства, как *классов*, с известного пункта уже не будет оправдываться: крестьянство все более будет становиться периферией, отстающим слоем,

арьергардом работников социалистического общества, арьергардом трудящихся «вообще».

Разумеется, было бы глупейшей маниловщиной и сантиментальным отрицанием марксизма, если бы мы это будущее целиком перенесли в настоящее, и проглядели бы классовую борьбу теперь, различные формы классовых трений между рабочими и крестьянами, дифференциацию внутри крестьянства и проч. Но точно так же было бы отрицанием марксизма и ленинизма, если бы мы упустили из виду свою основную генеральную перспективу. Задача сложна и трудна, ибо конкретное развитие крайне противоречиво. Однако, нужно уметь и зацепиться каждый раз за конкретную действительность, и вести свою линию, которая определяется общей постановкой вопроса, общим стратегическим планом господствующей пролетарской партии. Вот почему Ленин говорил, определяя в апреле 1922 года нашу общую линию:

> «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед.
>
> Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедленного и архиосторожного движения,—эти голоса будут одиноки» (Заключ. слово на XI с'езде. Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 70).

2. Проблема хозяйственной смычки и общая постановка вопроса оппозицией. Т. н. „диктатура промышленности“.

«Политика есть концентрированное выражение экономики». То, что мы проанализировали выше с точки зрения классовых соотношений, относится поэтому и к соответствующим хозяйственным формам, которые и определяют социально-классовые типы с их специфическими особенностями.

Нужно раз навсегда понять, что у нас сейчас некое, об'ективно существующее, экономическое «целое», т. н. «народное хозяйство». Его части противоречивы; здесь есть много антагонизмов. Эти антагонизмы идут по тем же линиям, что и антагонизмы трех классовых сил, соотношение между которыми мы рассматривали выше. Но в то же время есть и взаимозависимость этих частей, их «сотрудничество». Другими словами, они суть функции общественного целого, хотя и находятся во взаимной борьбе. Классовая борьба, классовое сотрудничество и классовые блокировки как раз и проходят теперь в виде борьбы разных хозяйственных форм, живыми носителями которых выступают определеные общественные группировки. Удельный вес крестьянского хозяйства в общей экономике страны находит свое выражение в социальном весе крестьянства, но не «прямо пропорционально», ибо опять-таки в силу хозяйственной структуры крестьянство раздроблено по деревенским дворам. Пролетарская промышленность может добиться руководящей хозяйственной роли, лишь опираясь на крестьянский рынок. Накопление в социалистической промышленности длительно не может происходить без накопления в крестьянском хозяйстве. Одно зависит от другого. И основной проблемой нашей экономики как раз и является проблема наиболее быстрого взаимного оплодотворения обеих решающих половинок нашего народного хозяйства. Поэтому заранее обречены на неудачу все попытки решить тот или иной крупный хозяйственный вопрос, если при этом исходят из одного круга хозяйства. Ибо важнейшие проблемы экономики неизбежно выводят за пределы промышленности. Точно так же, как основные, кардинальные, решающие вопросы нашей политики решаются пролетариатом, но не состоят в вопросах, так сказать, «внутрипролетарского характера», так и решающие проблемы экономики лежат в соотношении между экономикой города и экономикой деревни. Именно поэтому проблема рабоче-крестьянского блока вполне соответствует проблеме экономической смычки между социалистической госпромышленностью и миллионами крестьянских хозяйств.

> «Надо помнить, что основная, решающая, все себе подчиняющая задача новой экономической политики: это— установление смычки, между той новой экономикой, которую мы начали строить... и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо всеподчинить». (Том XVIII, ч. 2, стр. 28).

Так говорил Ленин на XI с'езде партии. Нужно доказать крестьянину, что мы сумеем ему помочь.

> «Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо... Это надо знать и, получивши кредит (от крестьянина. Н. Б.) все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными» (ibid., стр. 29).

Отсюда шли лозунги: «учитесь торговать». Ибо через торговлю и идет «смычка», взаимодействие между новой экономикой города и крестьянским хозяйством. И когда осенью 1923 года у нас остановился товарооборот между городом и деревней, то это было кризисом смычки.

Как же подходили к вопросу товарищи из оппозиции? Как хотели они решать мучительную проблему дня? Куда, в какую сторону они тогда глядели? Где искали ответа?

Вот как отвечает на этот вопрос резолюция, предложенная оппозиционными экономистами на собрании московского партийного актива:

> «Необходимо не только ставить вопрос об основном и решающем значении смычки национализированной промышленности и крестьянского хозяйства, но и раз'яснить, почему эта смычка не наладилась за истекший период и почему смычка деревни с кустарной частной промышленностью и торговым частным капиталом развивалась успешнее. Основными причинами являются: отсутствие плана, об'единяющего работу всех отраслей государственного хозяйства» и т. д. («Правда», 1 января).

Тов. Пятаков на XIII партконференции, раз'яснив, что речь идет о плане по отношению только к госхозяйству, говорил о том, что в центре стоят два вопроса: «как мы будем управлять нашим госхозяйством» и «как нужно проводить план».

> «Если мы,—продолжал он,—не выпятим со всей силой, со всей энергией, именно эти два вопроса, то мы не решим проблемы смычки». (XIII конф. РКП (б). «Кр. Н.» 24 г. стр. 23).

Тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК (от 8 октября, 1923 г.) определял «реальное экономическое содержание» лозунга смычки так:

«Плановое хозяйство, жесткая концентрация промышленности; жесткое снижение накладных расходов промышленности и торговли».

Перед XII с'ездом партии, где докладчиком по вопросу о промышленности выступал тов. Троцкий, была упорная борьба за вставку о значении крестьянского хозяйства. Тов. Троцкий возражал, указывая, что этой, самой по себе правильной, вставке не место в резолюции по промышленности. После долгих переговоров вставка была сделана по настоянию большинства членов ЦК.

О чем говорят эти выписки и эти факты? Все товарищи на словах признают значение крестьянского хозяйства. Но на деле они этого вопроса не продумывают до конца, и именно здесь лежит корень большинства ошибок бывшей оппозиции.

В самом деле, разве не ясно, что оппоненты ЦК искали решения вопроса, не выходя за пределы государственного хозяйства?

Разве все их формулировки не показывают, что они проблему смычки «решали» «изнутри» госхозяйства, а иногда даже «изнутри» одной промышленности?

Разве не видно, что они эту промышленность брали изолированно, отрывая ее от крестьянского хозяйства?

Разве не видно, что «реально-экономическое содержание» лозунга смычки у них шло мимо действительного «реально-экономического содержания» этого лозунга?

В чем заключалась «размычка» между городом и деревней? Высокие цены на продукты промышленности; противоречие между ними и емкостью внутреннего (крестьянского) рынка; падающая валюта при росте товарных отношений, крах денежной связи, которая есть условие товарооборота вообще, товарооборота между городом и деревней в частности; вместе с тем невозможность или крайняя затруднительность накопления в крестьянском хозяйстве (невозможность продажи и покупки, накопления в денежной форме)—полная размычка.

При таких условиях искать решения проблемы смычки в рамках госхозяйства или—еще хлеще—в рамках промышленности, это значит обнаруживать полное непонимание сути вопроса.

Разницу между позицией Центрального Комитета партии и «позицией оппозиции» можно, примерно, формулировать следующим образом:

Позиция ЦК: болезнь—в соотношении между госпромышленностью и сельским хозяйством, т.-е., главным образом, в сфере обращения (невозможные цены, агония совзнака). Здесь гвоздь вопроса. Только сдвинув с места процесс обращения, мы сможем как следует, лечить и госпроизводство (заставить снизить себестоимость, рационализировать производство и т. д.), что, в свою очередь, усилит «обмен веществ» («смычку») между городом и деревней.

Позиция оппозиции: болезнь—в отсутствии плана, это, так сказать, госплановая болезнь. Она, следовательно, заложена в кругу хозяйства, а то и в кругу госпромышленности. Здесь—суть вопроса. Вылечив промышленность через «Госплан», затем, само-собой, решим и задачу смычки.

ЦК шел, таким образом, от обращения (деньги, цены, торговля) к производству, оппозиция (как это «по-марксистски» звучит) от производства (рациональный план) к обращению.

Конечно, это разграничение не нужно понимать в плоском, абсолютном смысле слова. Речь идет лишь о центре тяжести всей проблемы в ее целом. С этой оговоркой, мы думаем, наша постановка вопроса является единственно правильной.

Если это так, а это безусловно так, то увидят и своеобразную логику «оппозиционных ошибок»: она коренится все в той же «недооценке крестьянства», от которой (на словах) так открещиваются товарищи-критики.

Этот основной порок имеется и в концепции «диктатуры промышленности», которую защищал тов. Троцкий.

«...внутри государственного комбината,—писал т. Троцкий,—«диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности. Разумеется, слово «диктатура»—как я пояснял—имеет здесь очень ограниченный и условный характер,—в противовес той «диктатуре», на которую претендовали финансы. Другими словами, не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности. Само собой разумеется,—продолжал тов. Троцкий, отвечая на удары критики,—что это нимало не направлено против смычки, т.-е. правильных взаимоотношений всего государственного «комбината» и крестьянского хозяйства. Наоборот, только при такой постановке дела «смычка» из области парадной фразеологии может быть переведена постепенно в область хозяйственной действительности». (Троцкий, «Новый курс», стр. 71—72).

Тов. Троцкий ссылается далее на факт, что он отнюдь не стоял за форсированный рост промышленного накопления. Факт этот верен: сам тов. Троцкий за этот форсаж не стоял—другие стояли. Но эти «другие» лучше, как нам кажется, связывали концы с концами. Ибо из «диктатуры промышленности», даже в том виде, как тов. Троцкий излагает ее в «Новом курсе», вытекают не те выводы, которые делает тов. Троцкий.

В самом деле, посмотрите, как определяет тов. Троцкий отношение между Наркомфином и госпромышленностью. Он стоит за диктатуру промышленности над Наркомфином. Расшифруем, что это значит.

Прежде всего, одно небольшое замечание. Наш Наркомфин нельзя считать тем же самым учреждением, что министерство финансов буржуазных государств. Строение нашего государственного бюджета в корне и принципиально отличается от строения буржуазного бюджета, ибо наше «государственное хозяйство» принципиально отличается от «государственного хозяйства» классической «финансовой науки» любого из буржуазных университетов. Оно включает всю крупную промышленность, весь транспорт, госторговлю, советские хозяйства и т. д., т.-е. изрядную долю «народного хозяйства». Поэтому такого противоречия между

«интересами народного хозяйства» и «интересами ф и с к а» у нас быть не может (мы не говорим уже о классовой характеристике бюджета, что само собою разумеется).

Итак, что же означает утверждение тов. Троцкого?

Во-первых, тов. Троцкий совершенно напрасно думает, что Наркомфин такая же часть «госкомбината», как транспорт и т. д. (см. «Новый курс», 71).

Во-вторых, тов. Троцкий упускает из виду, что Наркомфин обнимает своею деятельностью не только всю госпромышленность, не только весь сектор госхозяйства, но и всю сферу частного хозяйства (хотя и «по-другому»).

В-третьих, тов. Троцкий не учитывает, что распределение финансовых средств для разных отраслей народного хозяйства (бюджет), а равно (косвенно, через Госбанк) вопросы кредитования, идут через Наркомфин, т.-е. здесь и происходит в значительной мере основной капитал страны. Количество готовых хлоп- между различными сферами народного хозяйства (а не только промышленности).

В-четвертых, тов. Троцкий недооценивает тот факт, что непосредственно в связи с Наркомфином стоит денежная система, эта элементарная предпосылка всей совокупности товарного хозяйства, которая имеет значение для всех звеньев народного хозяйства, а равно система кредита и банки.

Если говорить, что должна существовать диктатура промышленности над Наркомфином, это и значит не понимать реальных связей между этой промышленностью и внегосударственным хозяйственным кругом, т.-е. в первую очередь крестьянским хозяйством.

Как рационалистически, обще, абстрактно ставит вопрос тов. Троцкий, видно из его рассуждений насчет валюты (это в самый «разгар» денежной проблемы!)

Разумеется, «в конечном счете» все «соподчинено» проблеме развития крупной промышленности, ибо она есть база социализма, ведущее начало и т. д. и т. п. Опять-таки, не в этом дело, не в этих политико-экономических «азах». А дело в том, что в определенное, конкретное время при определенных, конкретных условиях, вопросы денежной системы могут стать «звеном». И тогда этой проблеме должно быть «соподчинено» все. Но это уже другая тема, которой нам придется коснуться ниже.

Итак, мы видим здесь основную ошибку («методологическую» ошибку) оппозиционных теоретиков-экономистов: они брали промышленность изолированно, «гвоздя» проблемы они не видели. Поэтому на основе своей постановки вопроса они и не в состоянии были предложить систему правильных мероприятий: они смотрели не туда, куда нужно было смотреть.

Интереснее всего то, что эта ошибка по типу буквально повторяла профсоюзную ошибку Троцкого, Бухарина и прочих. В самом деле, как тогда рассуждали.

«Нэп», раскрепощение хозяйства и т. д.—очень хорошо. Все это приемлем. Но какое это отношение имеет к профсоюзам? И какое это отношение имеет к госпромышленности? Это—«особый вопрос» (как у Троцкого перед XII с'ездом «особенность вопроса» о промышленности была аргументом против абзаца о роли крестьянского хозяйства).

Так рассуждали тогда и рассуждали, действительно, как эклектики, которые не видели общей связи крупных проблем, ставших на очередь дня.

Та же ошибка в виде изолированного анализа промышленности, ее, так-сказать, лабораторно-уединенного лечения, повторилась и в прошлом году. Нетрудно понять, что—отрицают или не отрицают это сами авторы ошибки—она связана с непониманием роли крестьянского хозяйства. Это подтвердится еще более в последующем изложении.

3. Вопрос о „плане“.

Вопрос о плане, как мы видели, играл в дискуссии совершенно исключительную роль. Оппозиция видела в «плане», «плановом начале», «маневренном плане» и т. д., универсальное средство от всех экономических, а следовательно, и всяких иных, зол.

Само собою разумеется, что никто и не спорил против планового хозяйства и плана вообще. Мы уже в прошлом году настолько далеко ушли вперед от такой детски-примитивной постановки вопроса, что нелепо было тащить партию назад, к рассуждениям о «пользе стекла». Не в этом был вопрос. А вопрос был в том, как реально подойти хоть немножечко поближе к тому «плановому хозяйству», имя которому—социализм.

Нужно еще раз вспомнить, как обстояло дело, какова была конкретная «хозяйственная кон'юнктура» в широком смысле этого слова.

Основной факт—почти полная размычка промышленности с крестьянским хозяйством. Невозможность и бесперспективность товарооборота между городом и деревней. Крестьянин не может развивать свое хозяйство, так как он заинтересован в росте его товарности; цены на продукты крестьянского хозяйства страшно низки, и ему невыгодно продавать; цены на продукты промышленности очень высоки, и ему невозможно покупать. Запродажи со стороны крестьянского хозяйства для покупок тоже, следовательно, перестают иметь смысл. Этакое положение невероятно обострятся катастрофически-падающей валютой, совзнаком, который становится положительно опасно держать у себя: он падает по своей покупательной способности не только со дня на день, но чуть ли не с часу на час. Денежное «накопление» становится исключенным, а следовательно, застопоривается и реальное накопление вместе с ростом помех к расширению товарного хозяйства вообще. Становится невозможным даже ограниченный индивидуальный «план» крестьянского хозяйства, ибо нельзя даже элементарно рассчитать и подсчитать хозяйственные элементы, не говоря уже о налогах и т. д.

Так в общем, в самых грубых очертаниях, обстояло дело с крестьянским хозяйством.

А с промышленностью? Прежде всего, возможность сбыта. Промышленность уперлась в тупик, она натолкнулась на крупнейшее препятствие, а именно на слабость внутреннего крестьянского рынка. Процесс реализации застопорился. Застопорилось, следовательно, и воспроизводство и накопление. Падающая валюта, бесконечное количество «индексов», судорожные попытки решить задачу квадратуры круга, т.-е. найти точные измерители при всеобщей неустойчивости хозяйственных элементов, делали и

здесь невозможным точный расчет, калькуляцию, исчисление себестоимости, балансов и т. д. Элементарнейшая основа элементарнейшего плана отсутствовала даже для отдельного предприятия, треста или для любой еще более низовой производственной единицы.

Таким образом, по основной линии смычки между двумя громаднейшими частями народного хозяйства получилось полное и категорическое расхождение. А в любой из производственных ячеек и на стороне крестьянина, и на стороне госпромышленности—отсутствовала элементарная возможность «плана» в условиях товарного хозяйства, ибо бился в агонии многострадальный советский знак.

Как же в таких условиях предлагали итти к плановому хозяйству оппозиционные товарищи?

В своем докладе на XIII партконференции тов. Пятаков говорил:

«Если подходить к вопросу о плановом хозяйстве так, как подошел т. Рыков, т.-е. к созданию плана всего народного хозяйства Союза Республик, включая и крестьянское, то, разумеется, мы должны сказать: такого плана создать в настоящий момент, при наличии колоссальнейшего по размерам крестьянского хозяйства, нельзя...

Когда мы говорим о плане и управлении хозяйством, то в первую очередь и в первую голову (а во «вторую»? Н. Б.) встает вопрос об управлении государственным хозяйством, о внесении сознательности и систематичности, т.-е. планомерности, в это управление» (Протоколы, стр. 20).

«Второй вопрос состоит в том, что, если мы построим такую систему управления государственным хозяйством (подчеркиваю: всем государственным хозяйством, не крестьянским, не частным, а именно той частью народного хозяйства, которая находится в собственности у пролетарского государства), то совершенно ясно, что мы должны подойти к этому нашему хозяйству с каким-то планом работы» (Ibid., стр. 22).

К этим, невинным на первый взгляд, формулировкам стоит присмотреться. В самом деле, казалось бы, что в них—вся бездна марксистской премудрости насчет плана. А вот при ближайшем рассмотрении мы увидим, насколько они односторонни, недиалектичны, мертвы, жизненно-«подозрительны».

Тов. Пятаков издевается над планом всего народного хозяйства теперь. Но эта издевка годится лишь в том случае, если «план» понимать в соответствующем его «чистой» идее виде. Но такой идеальный план исключен и для госпромышленности, взятой даже только «в себе и для себя», т.-е. вне всякой связи с частно-хозяйственным кругом народного хозяйства. Мы и здесь имеем лишь известную степень рационализации (внесения сознательности) хозяйственного процесса. Лежит ли вне этой тенденции вопрос о соотношении между крестьянским хозяйством и госхозяйством? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы увидеть, что и этот вопрос включается в вопрос о «плане», включается уже теперь. Возьмем дело конкретнее. Можно ли строить хозяйственный план, не учитывая налогов? Нет. Можно ли учитывать налоги, не учитывая вероятного урожая (хотя бы вчерне)? Нет. Можно ли строить планы в промышленности, не учитывая емкости крестьянского рынка? Нет. Можно ли ставить вопрос о емкости рынка вне вопроса о ценах? Нет. И так далее и тому подобное.

В отличие от тов. Пятакова, тов. Троцкий в одном месте почти подошел к верной постановке вопроса, но тотчас от нее отскочил. В «Новом курсе» он писал:

«Разумеется, предварительный учет крестьянского рынка... ни в каком случае не может быть точным. Здесь неизбежны серьезные просчеты уже хотя бы в виду колебания урожая и пр. Просчеты эти будут обнаруживаться через рынок же, в виде частичных и даже общих нехваток, заминок, кризисов. Однако же, совершенно ясно, что кризисы эти будут тем менее острыми и длительными, чем серьезное плановое руководство проникает во все отрасли государственного хозяйства, сочетая их непрерывно между собой» (стр. 70).

Тов. Троцкий поставил проблему «просчетов»—в области (тоже «планового», поймите же, товарищи!) учета и соотношении между городом и деревней, но тотчас же убежал к рассуждениям об отраслях государственного хозяйства, взятого «само по себе»!

Вся эта постановка вопроса смазывает главнейшую проблему нашей экономики и нашего планового (не в абсолютном, не в идеальном, а в конкретно-практическом значении этого слова) руководства. Разверните формулу нашего «плана» даже только в отношении к госпромышленности. Что есть план»? План состоит по Троцкому в «непрерывном сочетании» производственных отраслей между собою. На языке политической экономии это есть «уничтожение диспропорциональности», или «анархии». Но только Туган-Барановский и его сторонники не понимали, что в понятие пропорциональности входит и «сочетание» с потреблением, т.-е. в данном случае с совокупностью крестьянского рынка. По Троцкому выходит примерно так: ну, просчеты в отношении к крестьянскому рынку будут, но центр-то тяжести заключается в соотношении частей «госхозяйства». А реально? А реально дело обстоит так, что само это соотношение («сочетание») внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком. Тот «план», который бьет мимо этого соотношения, не есть план, ибо это соотношение и есть база всего плана. Вот что нужно продумать до конца, понять и усвоить раз навсегда.

Никакое самое «расправильное» «сочетание» между отраслями нашей промышленности не освободит от крупнейших потрясений, если будут ошибки в учете основного соотношения, т.-е. соотношения между госпромышленностью и крестьянским хозяйством.

В своей книжке «Хозяйство и цена» известный буржуазный идеолог П. Б. Струве говорил об «основном дуализме» хозяйства, т.-е. о том, что во всяком хозяйстве обязательны два «начала»: начало стихийности и начало сознательности («плана», «рационализации»). Он считал исключительным общую рационализацию хозяйства, т.-е. социализм. Мы этого отнюдь не считаем. Но в то же время мы видим, что рационализация есть процесс, что «плановое начало» растет. В известном смысле всякое наше государственное вмешательство в стихийный ход экономической жизни есть внесение этого рационального начала, этого «плана». Но нужно практически уметь делать здесь такие шаги, которые реально способствовали бы росту рациональных элементов обще-

ственного хозяйства. Тут есть *разные* типы: регулирование дробного крестьянского хозяйства (*очень* слабое, ибо только такое и возможно теперь)—это один тип; учет на основании статистики вероятной суммы урожая, как основы для построения суммы налога—это, скажем, *другой* тип; более или менее точные производственные программы госпромышленности — это третий тип «увязки» и т. д. У нас дело с «планом» обстоит как раз *очень* сложно. Но при всей сложности построения плана, все же, нам кажется, ясно, что вопрос учета *крестьянского рынка* есть одна из основных работ по построению плана.

Если это так, то да позволено будет спросить: ну, а может быть *такая* обстановка в экономике страны, чтобы этот вопрос, вопрос о *соотношении* между городом и деревней, точнее вопрос о *процессе обращения и условиях* этого процесса, всплыл как *решающий*, как ленинское «звено», как проблема, которая (в относительном смысле слова, конечно) *покрывает* собой все остальные вопросы, проблемы, задачи? Может это быть или нет?

Конечно, может. И такую обстановку мы и имели осенью 1923 года. Именно *здесь* был заколочен «гвоздь» нашей народнохозяйственной жизни, и именно *сюда* нужно было смотреть, чтобы увидеть правильный подход к лечению болезни.

Как иногда смутное сознание этого появлялось и у оппозиционных теоретиков, показывает, например, такое место в их резолюции («Правда», № от 1 янв. 1924 г.):

> «Если развитие государственной промышленности совершается стихийно, не уравновешенно с развитием сельского хозяйства, то это является результатом отсутствия плана и руководства».

Это чересчур сильно сказано: «отсутствием». Но что просчеты здесь были—кто же это отрицает? Что были крупнейшие недостатки—кто же против этого спорит? Но где: «здесь»? Где это «*здесь*»—вот в чем гвоздь вопроса.

На это нельзя было ответить с кондачка. И если оппозиция говорила: план, план, еще раз план и еще раз Госплан, то большинство партии утверждало: основа в *неправильной политике цен и в отсутствии твердой валюты*—сюда смотри, здесь чини, исправляй и улучшай, таким образом, смычку. Это и будет *реальным продвижением к плану*.

Эти вопросы мы рассмотрим более конкретно ниже. А тут мы приведем еще одно место из резолюции оппозиционных экономистов, которое социалистическую добродетель видело не в усилиях ошибку.

> «Резолюция (имеется в виду резолюция, предложенная политбюро ЦК Н. Б.) связывает возможность планового руководства с введением устойчивой валюты и, таким образом, отсрочку выполнения решений XII съезда (!! Н. Б.) объясняет необходимостью предварительно провести денежную реформу. Такая постановка неправильна и опасна, ибо вне общего и непрерывного согласования финансов с другими элементами государственного и народного хозяйства *немыслимо обеспечить действительно устойчивое денежное обращение*».

Как странно выглядят все представления о «плановом руководстве». Сперва—его полное отсутствие. Потом, как deus ex machina,

его полное наличие. Никаких ступеней. Все абсолютно, категорично, «жестко». Но, ведь, теории проверяются жизнью. Не так ли? Что же мы видим под *этим* углом зрения?

«Плановые» предложения оппозиции не были приняты. Был принят другой «план». И что же? У нас улучшилось положение дел и вообще в народном хозяйстве, у нас укрепилась и твердая валюта, т.-е. «действительно устойчивое денежное обращение».

Позвольте, но ведь оно было «немыслимо»?

Да, оно было бы «немыслимым», если бы была «мыслимой» предпосылка о правильности взглядов оппозиции.

«Устойчивое денежное обращение» делает, таким образом, абсолютно-неустойчивой экономическую платформу оппозиции и опрокидывает ее без всякого труда «на обе лопатки».

Таким образом, ко всем оппозиционным рассуждениям о плане можно было бы поставить эпиграфом следующее место из Ленина:

> «Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор на основании подобного изучения предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь». (Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 86—87).

А в другом месте (в письме тов. Кржижановскому) тов. Ленин писал:

> «О плане М. пишет вздор. *Самая большая опасность* (слушайте! Н. Б.), это—*забюрократизировать* дело с планом государственного хозяйства. *Это опасность великая*. Ее не видит М. Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, и вы не видите ее... Целый, цельный настоящий план для нас теперь «бюрократическая утопия». Не гоняйтесь за ней». (Г. М. Кржижановский. «Товарообмен и плановая работа» М. 1924. Изд. Госплана, стр. 16).

Эти слова нужно будет помнить еще долгое время, чтобы избежать той «великой опасности», о которой говорил тов. Ленин.

4. Политика цен.

Выше мы видели, что промышленность натолкнулась на слабость внутреннего, т.-е. в первую голову крестьянского, рынка. (Другой вопрос, а именно, о ценах на продукты крестьянского хозяйства и экспорта хлеба, как методе «леченья», ясен и без дальнейшего анализа). *Следовательно, нужно было «в первую голову» посмотреть, в каком отношении стоят фактические цены к действительным нуждам промышленного развития*. В дискуссии не раз, при обсуждении вопроса о характере кризиса, некоторые товарищи с возмущением протестовали против «кризиса перепроизводства». Какой, мол, кризис перепроизводства, когда крестьянин до зарезу

нуждается в таких-то и таких-то товарах, но не может их *купить*!?! В резолюции «четырех евангелистов» кризис был охарактеризован, как кризис, который «в значительной мере является кризисом несогласованности и непредусмотрительности». Точно не *всякий* кризис является кризисом несогласованности! Точно, если бы была полная «согласованность» (т.-е. полная рационализация и всесторонний план), то можно было бы говорить о кризисах!

Эти протесты против «перепроизводства» основываются на весьма наивном представлении обо всем механизме рыночного хозяйства. Этак, ведь, нельзя было бы говорить и о кризисах перепроизводства во времена классического капитализма, ибо никогда насыщение продуктового спроса не являлось реальностью, и капитализм в этом смысле всегда *недопроизводил*. Когда речь идет о перепроизводстве, то всегда речь идет о *платежеспособном* спросе, всегда речь идет об *определенных ценах*. Только так и можно ставить вопрос. Но это, однако, не решает еще *другого* вопроса, а именно вопроса о *строении* цен в условиях монопольного хозяйства, о высоте картельной сверхприбыли, о возможности отказаться от части этой сверхприбыли или от всей сверхприбыли для того, чтобы ускорить товарооборот, расширить рынок и с *этого* конца вести политику промышленного под'ема.

Этот вопрос в его общей формулировке был поставлен и проанализирован нами в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» т. Е. А. Преображенского.

Поэтому повторять здесь всю аргументацию мы отнюдь не собираемся. Посмотрим лишь, как «подводили базу» экономические лидеры оппозиции против рекомендовавшейся ЦК политики снижения цен.

Вот, напр., теоретическая предпосылка т. *Преображенского*:

«Мы не должны, товарищи,—усовещевал партию тов. Преображенский,—принижать теорию в нашей партии, и поэтому мы, вступившие в эпоху строительства социализма, должны осмыслить все тенденции в нашем хозяйстве, которые перед нами проходят... Уже теперь, на опыте нашего советского хозяйства, мы можем констатировать различие между законами социалистического накопления и законами капиталистического накопления. Сущность капиталистического накопления заключалось в том, что *каждое отдельное предприятие*, более крупное, технически более высокое, в *конкурентной борьбе* побивало ремесло и кустарную промышленность. И *потребитель-покупатель решал судьбы того и другого способа производства, покупая более дешевые товары*. Это происходило в обстановке чаще всего манчестерского отношения государства к этому процессу, хотя оно и поддерживало в других формах промышленность.

У нас, товарищи, *другое положение*. Наши отдельные предприятия, даже отдельные тресты, в обстановке чисто конкурентной борьбы могут подвергаться всем опасностям постепенного их перерождения и рассасывания в предприятия капиталистической формы. И их сила не в том заключается,

что они *таким путем* (т.-е. путем конкуренции и дешевых цен, очевидно. Н. Б.) могут одержать победу, а в том, что все государственное хозяйство, весь его комплекс будет выступать, как единое целое. И весь в целом окажется сильней нэп'а». (Протоколы XIII конф., стр. 34, все курсивы наши. Н. Б.).

Как тут все «ядовито»! Даже «манчестерское отношение государства» припущено для тех, кто не согласен с точкой зрения тов. Преображенского.

В чем чудовищность его положений? Да в том, что он *противопоставляет* «плановость», т.-е. относительное единство нашего государственно-хозяйственного комплекса, политике дешевых цен. Вот что странно, вот что действительно чудовищно.

Вместо того, чтобы рассуждать:

Так как наша социалистическая промышленность имеет преимущество перед капиталистической, ибо она выступает или может выступать относительно сжатым единым кулаком, то нам нужно *использовать* это обстоятельство для всемерного *удешевления* товаров, чтобы этой *дешевизной* бить частного промышленника, торговца и т. д.—

вместо этого т. Преображенский разводит такую «теорию»: *так как* частный капиталист действовал в раздробь, конкурировал, бил конкурента, завоевывая покупателя *дешевой ценой*;

и так как у нас не должно быть индивидуализма, манчестерства и проч., то... давайте продавать *не* дешево,—это, ведь, капиталистический метод.

Ну и логика! Ну и «метод»! Ну и понимание задач социалистического пролетариата!

Оппозиция не только не видела того, что нужно было видеть: она *упиралась*, когда ее толкали на правильный путь. Суверенное презрение к крестьянскому хозяйству приводило к тому, что люди не могли «заметить» такого реального «слона» экономической политики, как возможность и необходимость *снижения цен*, без которого нельзя было приступить к оздоровлению промышленности по настоящему.

Любопытна дальнейшая аргументация тов. Преображенского. На той же тринадцатой конференции он говорил:

«Мы получаем ценности извне путем прямых налогов или путем определенной политики цен. Каждый, конечно, скажет, что путь прямых налогов—путь наиболее опасный, который ведет к размычке с крестьянством. Возьмем конкретный пример: если крестьянство дает возможность накопить 300 милл. путем налогов и, допустим, 200 милл. путем получения прибыли от госпромышленности, то мы, таким образом, накопляем 500 милл.

А не ясно ли, что раз мы имеем эту сумму, как *определенно данную сумму*, не выгодней ли политически сделать так, чтобы крестьянство... дало 200 милл. путем налогов и 300 миллионов путем определенной политики цен» (Стр. 35 Протоколов).

Эта, на первый взгляд, убедительная арифметическая выкладка страдает, однако, тем «маленьким» недостатком, что она предполагает какие-то раз навсегда данные величины.

А не слышал ли тов. Преображенский, что можно выиграть на быстроте оборота?

А не слышал ли тов. Преображенский, что можно выиграть ценах, но большей массе продаваемых товаров (т.-е. при расширении рынка) можно получить большую сумму прибыли?

И где у тов. Преображенского хоть тень доказательства того, что быстрота оборота не может быть увеличена (что она «дана»), что количество сбываемых товаров останется тем же?

При такой простоте рассуждений, какая есть у тов. Преображенского, дело безвыходно. Но счастье в том, что одно дело—сознание оппозиционных экономистов, а другое—реальное бытие советской экономики. Тов. Преображенский находится в плену монополистских предрассудков,—вот в чем его беда.

А между тем даже некоторые буржуазные экономисты видят в чем суть проблемы. Так, например, в октябрьском № «Journal des Economistes» помещена статья Ива Гюйо (Yves Guyot: L'Augmentation du pouvoir d'achat par la baisse des prix на тему об «увеличении покупательной силы путем низких цен», где этот либеральный автор выставляет положение (терминология не-марксова, разумеется), что «снижение (réduction) цены единиц (продукта) увеличивает их общую ценность (la faleur totale), потому что оно вызывает спрос» (144). В этом г. Гюйо видит настоящее завоевание рынков. Не скажет ли тов. Преображенский, что г. Гюйо стремится подкузмить французских капиталистов?

Ускорение оборота, расширение рынка, на этой базе расширение производства, отсюда—возможность дальнейшего снижения цен, дальнейшего расширения рынка и т. д. Вот путь нашего производства. Эта политика для нас обязательна, ибо мы во что бы то ни стало должны осуществлять смычку с крестьянством. Эта политика для нас возможна именно потому, что мы имеем преимущество в относительной плановости нашего государственного хозяйства.

Тов. Пятаков, на той же XIII конференции говорил:

> «Вопрос о смычке есть в значительной мере, вопрос о соотношении цен (Слава те господи! Н. Б.)... И вот как мы подходим к вопросу о регулировании цен? Это чрезвычайно показательный пример того, как не нужно вести наше государственное хозяйство. Мы думали (и в резолюции это сказано), что просто соответствующим распоряжением мы цены понизим, заставим тресты снизить накладные расходы, снизить прибыль, улучшить производство, и цены падут. Я утверждаю, что так дело не выйдет, потому что дело не только в этом, а и в количестве товаров, поступающих на рынок»... (стр. 25).

Указывая на то, что частный торговец продает по дорогим розничным ценам, даже если отпускные цены трестов низки, тов. Пятаков делал такой вывод:

> «Мы таким регулированием цен добьемся не смычки крестьянства с нашей промышленностью, а добьемся накопления частного капитала и смычки частного предпринимателя с крестьянством» (там же).

Если тов. Пятаков жаловался на малое количество товаров, то тов. В. М. Смирнов в свою очередь гневался на то, что к осени

> «резко зажали кредит и заставили наши торговые органы выбросить на рынок всю массу товара, которая скопилась за лето, выбросить как раз в тот момент, когда крестьянин сдавал максимальное количество сельскохозяйственного налога» (Протоколы, стр. 70).

Итак, прежде всего вопрос о «количестве товаров» и еще раз вопрос о характере кризиса.

Если говорить о потребностях крестьянского хозяйства, было резкое недопроизводство.

Если говорить с точки зрения платежеспособного спроса, то было перепроизводство.

Но как же кризис сбыта, так сказать, сам не повлек снижения цен?

А очень просто: в силу стопроцентной монополии в промышленности, которая имела до тех пор гарантированный государственный кредит и поэтому не имела достаточных стимулов к завоеванию рынка путем более дешевых цен.

Это привилегированное положение, уже породившее явления монополистского загнивания и застоя, и нашло своих апологетов в лице оппозиционных товарищей. Чтобы ликвидировать этот застой, нужно было разбить партийную оппозицию с ее цеховой и узкой точкой зрения, мешавшей заглянуть за пределы госхозяйства и, следовательно, вредной и для этого самого госхозяйства.

Довод о наживе частного капитала явился уж поистине жалким софизмом, придуманным для того, чтобы не снижать цен. Ибо именно, исходя из того, что разницу может класть в карман частный «посредник», и нужно было расширять кооперативную агитацию и пропаганду, срывая маску с частного посредника, как с грабителя, хозяйственно его разоблачая и строя свою торговлю, укрепляя кооперативную и т. д. Только так и можно итти вперед. А бояться этой борьбы, значит «волков бояться, в лес не ходить».

Ряд товарищей из оппозиции говорили, что из признания «перепроизводства» вытекает свертывание промышленности. Так было бы, если бы перепроизводство это не было бы связано с безумными ценами. Эту связь они упускали. Наоборот, совершенно правильная точка зрения ЦК, заставлявшая госпромышленность не жить на готовенькое, а зашевелиться и поискать рынка, привела к безусловному успеху. Сломлено было монополистское чванство, которое чрезвычайно наглядно и выпукло обнаруживает их по улучшению смычки с крестьянином, а в административных прерогативах, позволяющих брать что угодно, как угодно, а в случае затора и торгового главзапора итти в госкассу и получать кредиты за заслуги перед социалистическим отечеством.

Практика всецело оправдала политику снижения цен. Товарооборот увеличился, промышленность сдвинулась с места, началась гораздо более быстрая мобилизация хозяйственных факторов, более интенсивное использование капитала, то-есть создались условия для дальнейшего развертывания производства. Насколько можно было с пользой для промышленности снизить цены, показывает следующая сравнительная табличка.

1. Снижение отпускных цен с 1/X—23 г. по 1/XI—24 г.—30—35%

Отрасли производства.	Цены в % к довоенным.		
	1/X—23 г.	1/X—24 г.	Снижен. в %
Кожевенная	322	218	33
Пищевая	325	211	35
Силик.-строит	304	208	32
Металлическая	207	177	15 [1]
Текстильная	271	177	35
Топливная	210	173	18
Электрическая	176	160	9
Бумажная	179	141	21
Химическая	175	124	29
Нефтяная	117	101	28
Вся промышленность	247	177	29

Интересно отметить снижение цен на некоторые отдельные товары. Так, например, цена на гвозди была снижена на 47%, подошву на 48, краски—52, сукно тонкое—61, махорку—71, продукты шерстяной промышленности—46,5.

Погибла при таком снижении цен наша промышленность? Ничего подобного. Она впервые стала быстро развертываться. Конечно, было бы нелепо приписывать это **только** снижению цен. Но эта политика безусловно дала толчок к **быстроте оборота**, устранила застойно-гнетущий момент монополистского **извращения** экономической политики нашей государственной промышленности, помогла справиться с «кризисом сбыта». Уже после первых ударов по высоким ценам и провинциальные и московские биржи отметили оживление товарооборота. А к осени 1924 года предложение отставало от спроса.

[1] Или 30—35%, если учесть снижение цен в октябре и ноябре.

Развертывание товарооборота видно из следующей таблицы (по материалам ВСНХ).

Обороты синдикатов по продаже 1923—24 г.

(В тысячах рублей).

Наименование синдикатов.	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Всего
В. Т. С.	28.755,2	50.768,0	74 528,6	99.927,7	253.979,5
в процентах	100	176	259	347	—
В. К. С.	9.166,9	9.941,0	11.014,0	14.407,9	44.529,8
в процентах	100	108	120	158	—
Сольсиндикат	7.885,2	9.177,7	11.082,0	8.850,0	36.994,9
в процентах	100	116	140	112	—
Нефтесиндикат (керосин)	7.562,6	6.873,4	3.218,8	9.293,8	26.948,6
в процентах	100	90	42	123	—
Продасиликат	3.156,8	3.351,1	3.954,4	4 972,6	15.434,9
в процентах	100	106	125	157	—
Металосиндикат	1.654,4	3.294,9	5.393,5	7.749,5	18.092,0
в процентах	100	193	326	468	—
Сельмаш	281,4	2.690,3	964,1	776,6	4.712,4
в процентах	100	960	344	276	—
Ремаслосиндикат	861,7	280,0	618,5	1.205,3	2.965,5
в процентах	100	32	71	140	—
Махорочный	397,7	855,5	1.597,4	1.975,2	4.822,8
в процентах	100	217	405	501	—
Спичечный	855,9	52,4	—	—	908,3
в процентах	100	6	—	—	—
Жировой	121,3	426,4	377,0	664,[illegible]	1.588,7
в процентах	100	352	311	548	—
Крахмалпатбюро	44,1	26,7	—	—	70,8
в процентах	100	60	—	—	—
Консервбюро	31,4	—	—	—	21,4
в процентах	100	—	—	—	—
Уралмет	11.061,5	11.895,7	18.106,7	17.590,1	58.651,0
в процентах	100	108	164	159	—
Итого	71.832,8	99.633,1	130.855,0	167.412,7	469.732,6
в %%	100	138	182	233	—

При снижении цен на 30% продукция промышленности увеличилась с 1.191 миллионов довоенных рублей до 1.548 милл., т.-е. уже на 30%. При этом сдвинулась не только легкая промышленность, но стала подниматься и тяжелая, производящая в значительной мере (по директивам СТО и т. д.) реальная увязка хлопчато-бумажных тканей (счет в продукте) увеличилось на 43,8%, железной руды—на 109,5%, чугуна—на 121,5%, стали—на 69,7%, прокат—на 51,9% [1]).

Это было сделано не «вопреки ЦК», а вопреки (в условном смысле) оппозиции т.-е. при поддержке ЦК. Ибо его руководящее большинство видело проблему там, где ее нужно было видеть.

Теперь запоздало признается, кажется, почти всеми, что политика снижения цен дала сильнейший толчок и к реальному снижению себестоимости. В качестве иллюстрации этого процесса могут служить следующие цифры, взятые из области текстильной промышленности, где снижение цен было особенно значительно (разумеется, дело здесь не только в снижении цен, но никто не может оспаривать очень значительного влияния этого фактора):

Снижение себестоимости (за год) [2]).

	%
Хлопчато-бумажн. промышлен.	49
Грубо-шерстян „	40
Тонко-суконн. „	70
Камвольная „	53
Льняная „	50

Этот процесс, в свою очередь, будет облегчать дальнейшее снижение цен и тем самым наиболее прочное завоевание рынка, в том числе и в первую очередь, рынка крестьянского. Используя все преимущества единства нашего государственного хозяйства, используя все возможности того (не абсолютного, не «цельного», не совершенного) плана, который у нас имеется, мы должны и на этой основе удешевить себестоимость и понижать цены, все мощнее и мощнее ускоряя товарооборот, все интенсивнее используя единицу капитала, все ускоряя темп хозяйственного взаимодействия между городом и деревней и тем самым укрепляя во много раз «смычку» между рабочим классом и крестьянством, а равно и развертывание нашей госпромышленности.

Нужно понять, что наши «казенные» фабрики и заводы не должны ни в коей мере страдать ни бюрократизмом «казенных заводов» буржуазного государства, ни иметь ограничивающие рост производительных сил тенденции, что есть у монополистического капитализма. Ибо наша задача—максимум развития производительных сил, покрытие потребностей широких масс, неустанное стремление к развертыванию производства. В условиях рынка метод дешевых цен можно в такой же степени считать «буржуазным», как метод гражданской войны в условиях пролетарской революции.

---

[1]) Предварительные итоги работы госпромышленности за 1923/24 операционный год. (Доп. к ежем. стат. бюлл. Ц. О. С. В. С. Н. Х. № 9).

[2]) Цифры взяты из докладной записки ЦУГПРОМ'а председателю ВСНХ тов. Дзержинскому.

5. Денежная реформа.

Выше мы видели, как обстояло дело у оппозиционных элементов с денежной реформой. Они, по сути дела, отвергали денежную реформу, как необходимую предпосылку нарастания «плановости» хозяйства.

Таковой она у них не являлась.

Если вдуматься в это обстоятельство и найти здесь самую глубокую причину такого отношения к делу, то и здесь обнаружится основной порок оппозиционной платформы: непонимание связи госпромышленности с крестьянским хозяйством. В самом деле, тут перед нами два момента:

Во-первых, недооценка рынка, типа рыночной связи и твердой валюты, как непременного условия здорового рыночного товарооборота rsp. товарного производства.

Во-вторых, желание, чтобы и дальше нас «спасал» совзнак. Это желание стоит, в свою очередь, в связи со всей теорией «социалистического накопления», развитой тов. Преображенским. Бумажно-денежная эмиссия есть, ведь, скрытый вид налогового обложения (кстати, совершенно напрасно т. Преображенский в «Вестнике Комм. Академии» утверждает, что эту истину он впервые открыл). А так как социалистическое накопление должно в значительной мере (и это есть, по Преображенскому, основа политики) итти именно таким путем, а уж никак не через буржуазные дешевые цены, то появляется велий соблазн удержать этот милый, добрый совзнак.

Можно сказать, что оба эти пункта стоят в связи с некоторыми пережитками военного коммунизма, с непониманием специфических методов нашей политики в условиях товарного хозяйства, где быстрота оборота должна быть величиной, пренебрегать которой может только провинциальный скряга и скупердяй, а не расчетливый «хозяин».

Вся премудрость сводится здесь, следовательно, к такой вырисовывающейся «линии»: следует с денежной реформой потерпеть: государственное хозяйство вылезет на плане, ибо можно здесь прибегать к безденежному расчету, а с другой стороны, к расчету в червонцах; накопление же будет происходить за счет «третьих лиц»: 1) путем эмиссионного налога (для чего нужно сохранение совзнака), 2) путем политики высоких цен. Логика—правда, своеобразная—вскрывается, таким образом, и тут. И тут происходит «увязка» между общими взглядами на основы хозяйственной политики—с одной стороны, и частной проблемой, в данном случае проблемой денежной реформы,—с другой. Если принять во внимание, что падение советского знака ударяло в первую очередь по крестьянскому хозяйству и благодаря своему общему воздействию (ибо советский знак гулял в деревне, а для крупных сделок уже был червонец), то картина становится еще более ясной и еще более яркой.

Таким образом, об'ективное положение и политика рабоче-крестьянского блока делали настоятельно необходимой денежную реформу, смелую попытку упорядочения денежного хозяйства. А в это время «плановая» логика оппозиционных товарищей тормозила проведение этой реформы и предрекала всяческие ужасы и напасти, если мы эту денежную реформу быстро и решительно стали бы проводить.

Следует вспомнить, как оценивал тов. Ленин вообще вопрос о стабилизации рубля. На IV конгрессе Коминтерна (предпоследняя публичная речь Владимира Ильича) он говорил:

> «Что действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем *решающее* экономическое значение. *Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать этот рубль, значит, мы выиграли*». (Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 91).

Вл. Ильич говорил здесь о стабилизации соврубля. Вышло по-другому. Но это ни капли не опровергает ленинского утверждения. Для того, чтобы провести денежную реформу, требовалась, конечно, известная смелость: нужно было отграниться от «диктатуры промышленности», нужно было апеллировать к рабочим массам с призывом временно потерпеть, принести новую жертву, пока будет проходить наиболее острый период реформы. *Если* задача навязывалась всем ходом событий, то ее *нужно* было решить, и *этой* задаче, ее решению нужно было соподчинить все остальное. А наши оппоненты не только не понимали всей *важности* задачи, не только протестовали против подчинения ее решению, решение других задач и проблем, но и идейно саботировали реформу, пугая партию и гибелью страны, и гибелью червонца, тогда еще маленького и ходившего «под столом».

Уже на сессии союзного ЦИК, при обсуждении доклада Наркомфина во фракции, тов. В. *Смирнов* говорил:

> «Когда, при таком тяжелом финансовом положении... наше денежное обращение стараются поставить на основу червонца, который нельзя эмитировать произвольно... то это *вызывает величайшее опасение*... Когда осеннее оживление закончится... когда наступит обычное сжатие оборота, то оно прорвет тонкую оболочку советских знаков. Это будет *критическим моментом для червонца*». (Доклад т. Кржижановского от Госплана о проблеме «ножниц» и прении по докладам Госплана, Наркомфина и ВСНХ на заседании фракции РКП (б) III сессии ЦИК Союза ССР, стр. 33).

11 сентября 1923 года тов. *Смирнов* в записке, поданной в политбюро, анализируя создавшееся положение, приходил к такому выводу:

> «Мы должны при таких обстоятельствах уже *сейчас* иметь в виду неизбежность ликвидации советского рубля и превращение *банкноты в падающую валюту со всеми вытекающими отсюда последствиями*».

В другой записке тот же товарищ говорит о *катастрофической* обстановке

> «в ближайшее же время для нашего советского рубля, а в дальнейшем и для самой банкноты», что—как об этом говорится в другом месте той же записки—«обозначало бы, конечно, величайшую катастрофу как для народного хозяйства вообще, так и для государственного бюджета, в частности».

То же—в третьей записке тов. Смирнова. Словом, по всему фронту—«положение катастрофическое».

Основное соображение, которое выдвигалось, как деловой аргумент, товарищами из оппозиции, заключалось в том, что при *бюджетном дефиците* неизбежно *придется* прибегнуть к «ненормальной» эмиссии червонца и таким образом превратить его в новую падающую валюту, так сказать, «другой манеры». Это соображение, конечно, имело довольно крупный логический вес. Однако, оно имело *серьезный* логический вес *только* при некоторых оппозиционных предпосылках.

А именно: *если* справедливы были протесты против «диктатуры Наркомфина», т.-е., *если* справедливы были те, кто защищал «диктатуру промышленности» против «самодовлеющего», как это называл тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК, «характера нашей финансовой политики», *тогда*, конечно, денежная реформа потерпела бы неизбежный крах.

Здесь нужно было, конечно, выбирать. Проведение денежной реформы предполагало «жесткий финансовый план», беспощадное «зарезывание» по отдельным сметам, сокращение до минимальнейшего минимума всех расходов и т. д. Против этого, естественно, поднимались протесты, как против финансового самоуправства. Но это «самоуправство» *предполагалось*, поскольку нужно было брать всерьез всю денежную реформу. Ибо, иначе, действительно, осуществилась бы та самая перспектива, которую предрекал тов. Смирнов, а равно и товарищи Преображенский, Пятаков и другие. (В связи с этим стоит и производный вопрос об активном балансе, который мы здесь отдельно не рассматриваем; достаточно указать, что протесты против активного баланса в известной степени были связаны со взглядами на денежную реформу).

И здесь *практика* показала, что товарищи из оппозиции вульгарно выражаясь, «сели в калошу».

Уже на XIII конференции, где оппозиция вообще давала отбой (стоит вспомнить, что тов. Пятаков говорил здесь в общем о *«правильной»* экономической политике ЦК, тогда как в записке 46 эта политика выглядела «совсем наоборот»), тов. Преображенский поспешно отступал.

> «Мы в дискуссии,—говорил тов. Преображенский,—не выступали против финансовой реформы, ибо мы стихийно (!) подошли к необходимости ее проведения». (Протоколы, 37).

Не выступали *против*. А *за* выступали? А неизбежного провала не предрекали? А эти пророчества *как* можно было оценить? «Ни за, ни против»? Конечно, товарищи, об'ективно были *против* реформы.

> «Еще летом,—продолжает тов. Преображенский,—ЦК был предупрежден целым рядом товарищей, относительно того... что существование двух валют несовместимо, что червонец будет выпирать совзнаки, и мы можем стихийно (!) оказаться перед необходимостью перейти на твердую валюту тогда, когда у нас имеется бюджетный дефицит, что ставит под известный (!!) риск проведение реформы» (там же).

Дело, как видели читатели, шло *тогда* не об «известном риске», а о «величайшей катастрофе». А по существу: как же можно было в *тогдашних* условиях добиться бездефицитного бюджета *без* жесткой *финансовой* политики, *без* преодоления кризиса, *без* начала оздоровления нашей промышленности и торговли. И как же можно было установить «нормальный» без-

дефицитный бюджет без проведения денежной реформы? «Дать» тогда, когда мы подошли вплотную к полной размычке между городом и деревней,—это действительно означало бы загубить дело нашего хозяйственного возрождения наверняка.

Но тов. Преображенский еще на конференции все же не сдавался окончательно. Он еще утешал себя:

«Может случиться, что события на нашем хозяйственном фронте развернутся таким образом, что мы выйдем из этого затруднения, и мы избегнем всех подводных камней. В основном (!) же риск перехода на твердую валюту при дефиците в бюджете остается». (37).

И—уже конечно!—

«самый метод проведения денежной реформы показывает всю стихийность, бесплановость в нашем хозяйстве» (там же).

Теперь-то не осталось уж никакого утешения. Да не то что утешения, самого малюсенького утешеньица не осталось. Даже Уркарты, даже злейшие враги, «всё отрицая», не могут отрицать успеха денежной реформы в нашем Союзе.

Это теперь есть непререкаемый факт. Выходит так: «стихийная» политика Цека привела к твердой валюте на деле, а «плановые» предсказания о катастрофе банкнот оказались настолько же верными, как и «плановые» предсказания о всеобщей гибели при поддержке «не сводящего концов с концами» Центрального Комитета нашей партии.

В самом деле. Коротенькая цифровая справка скажет нам довольно много.

На апрель месяц 1922 г. золотая ценность всех советских денег равнялась всего-на-всего 40 миллионам рублей. На 1 января 1924 г. было в обращении денег на 302 милл. руб., на 1 октября—622 милл. руб. [1]). На 11 декабря 1924 года эта сумма уже составляла 725 слишком миллионов» [2]).

Рост денежной массы в связи с ростом товарооборота указывает на резко выраженный процесс хозяйственного оздоровления. Покупательная сила рубля не падает, отношение его к доллару и золоту стабилизовано, червонец является «нормальной» валютой и «нормально» котируется на иностранных биржах и т. д и т. п.

Расширение товарооборота, в свою очередь, дает возможность расширять эмиссию без подрыва «твердости» валюты. Вместе с тем происходит изменение во всех порах хозяйственной жизни. В сфере промышленности появляется возможность калькуляции, вычисления себестоимости, прибыли, подведения балансов предприятия—смет, производственных программ и т. д.; исчезают потери на курсе, делается возможной действительная ориентация на хозяйственном поле; упорядочивается выплата зарплаты и уничтожаются потери на курсе со стороны рабочих. В крестьянском производстве становится возможным точно так же учет всех факторов, дается стимул к расширению производства, ибо делается возможной дальнейшая «товаризация» крестьянского полунатурального хозяйства; крестьянство избавляется от эмиссионного налога. В сфере обращения, перекидывается мост между городом и деревней. Впервые создается возможность нормального кредита всех видов и сортов, становится возможной деятельность банков и даже использование частно-капиталистических вкладчиков; подводится основа под будущие вклады

[1]) См. Сокольников: Бюджет и валюта: Изд. „Эк. Жизни" 1924, стр. 52

[2]) Коньюкт. Бюлл. Совета С'ездов, № 9.

со стороны крестьянства и форсирование процесса накопления под руководством пролетарского государства. Наконец, упорядочивается наш государственный бюджет.

В другой связи, при обсуждении вопроса о «плане», мы указывали уже на громаднейшую роль нормализации нашего государственного бюджета; именно потому, что у нас особое строение государственного бюджета, он и представляет своего рода центральную бухгалтерию народного хозяйства. До того времени, пока мы не имели упорядоченного госбюджета (а мы его не могли иметь без проведения денежной реформы), нечего было и думать о действительном плане даже в том условном смысле, в каком мы его принимаем. Ибо какие бы производственные программы не принимались, как бы ни «увязывались» друг с другом, они неизбежно должны были «лететь», ибо их опрокидывал стихийный развал денежной системы.

Так мы, вопреки оппозиции, устанавливая смычку с крестьянством, тем самым сделали и дальнейший шаг к плановому хозяйству.

6. Социалистическое накопление и борьба с частным капиталом.

При рассмотрении споров о политике цен мы уже касались отчасти и разногласий по вопросу о социалистическом накоплении. С другой стороны, этой же проблемы мы касались в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» тов. Е. А. Преображенского. Этот вопрос теперь практически стоит не только в связи с политикой цен, но и в связи с проблемой основного капитала. Не трудно видеть, что все эти проблемы связаны одна с другой, и их решение будет различно, если будут различны общие исходные взгляды на соотношение между государственным хозяйством и хозяйством индивидуально-крестьянским. Не подлежит сомнению, что в известной мере промышленность должна быть поддержана общегосударственной казной. Но даже если отвлечься от того, в какой мере это должно происходить, есть здесь основной спор о стержне нашей промышленной политики. Перед нами два метода социалистического накопления: оппозиционный и ортодоксальный. Здесь нам, прежде всего, и хочется дать их характеристику, ибо эти «методы» и выражают собой две политические линии. Можно сказать, что:

1) оппозиция, в общем, ориентировалась на высокую прибыль на единицу товара;

ЦК, наоборот, ориентировался на минимальную прибыль на единицу товара, что—при расширении рынка—дает большую сумму прибыли в целом;

2) то же можно выразить и так: оппозиция ставила свою ставку на картельную сверхприбыль, тогда как ЦК заботился о низкой цене и расширении емкости крестьянского рынка;

3) то же самое можно формулировать еще иначе; а именно: можно сказать, что оппозиционная политика есть политика, переносящая центр тяжести на монополистско-государственную поддержку вместо мобилизации всех хозяйственных факторов, технических улучшений, развития производительных сил, тогда как позиция ЦК смотрела в первую голову именно сюда;

4) в области финансирования у оппозиции центр тяжести в государственных дотациях, у ЦК в переходе на банковый кредит;

5) у оппозиции ставка на возможность немедленно заполучить куш для промышленности на основе высоких цен, у ЦК— ставка на мобилизацию хозяйственных факторов, на быстроту оборота, на интенсивность использования капитала.

В этом разница двух «промышленных политик», которые боролись в прошлогодней дискуссии. Часто определяли, что оппозиция стояла за высокую прибыль и за быстрый темп социалистического накопления, тогда как ЦК был за минимальную прибыль и за медленный темп социалистического накопления. Эти ходячие формулировки страдали тем недостатком, что они были и верны, и неверны: они были вульгарны, ибо не выражали сути дела, оставаясь лишь на поверхности явлений и рассматривая лишь то, что находится непосредственно под самым носом. ЦК стоял не вообще за минимальную прибыль, а за минимальную прибыль на единицу товара. ЦК стоял не вообще за медленный темп накопления, а за то, чтобы не отрываться от крестьянского хозяйства и в конечном счете получить более быстрый, максимально быстрый темп накопления.

Люди часто не отдают себе отчета в том, что задача стоит отнюдь не под углом зрения одного оборота капитала, а о ряде лет и целой цепи капитальных оборотов, где один оборот общественного капитала или совокупного капитала госпромышленности есть лишь звено этой цепи. Люди не понимают часто и того, что время оборота капитала, которое есть сумма «времени производства» и «времени обращения», не есть какая то определенная, заранее данная, навек установленная величина. А из непонимания этих обстоятельств вытекает совершенно неправильное представление о мероприятиях, обеспечивающих, так сказать, оптимум социалистического накопления. Если мы набираем высокую прибыль за счет высоких картельных цен и в то же время сокращаем емкость внутреннего рынка или тормозим его развитие; если мы тем самым тормозим ускорение оборота капитала или даже замедляем этот оборот (скажем, удлиняем время обращения, когда товар дольше чем нужно, лежит на складах, ждет покупателя, увеличивает «издержки хранения» и т. д.); если мы опять-таки тем самым уменьшаем энергию, направленную на техническое улучшение и на поиски разнообразных методов снижения себестоимости,—то в конечном счете, как много ни загребли бы в начальную фазу наших экономических выступлений, мы бы проиграли, ибо темп накопления неизбежно бы замедлился. Наоборот: если мы берем на единицу товара меньше, но зато расширяем из года в год емкость крестьянского рынка, обратно влияющего на производство; если мы, беря меньше, в то же время всемерно ускоряем оборот капитала, сокращая и «время производства» и «время обращения»; если мы ускоряем таким путем взаимное влияние города и деревни, госпромышленности и сельского хозяйства, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства, то, идя вначале медленнее, мы с лихвой догоняем, перегоняем и оставляем далеко позади тот темп накопления, который предполагается первым («оппозиционным») вариантом нашей экономической политики. Но для того, чтобы увидеть это, нужно смотреть дальше своего носа, что не всякий, ведь, может. И нужно при этом выйти из своей «промышленной» скорлупы и видеть элементы всего народного хозяйства и в их связи и взаимозависимости, и в их взаимно обусловленном движении.

Эту мысль в иной форме выражал Ленин, когда на XI с'езде нашей партии говорил:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики» (т. XVIII, ч. II, стр. 29—30).

Разве это не есть политическое выражение тех экономических положений, которые защищал по сути дела ЦК в прошлогодней дискуссии?

Так обстоит дело с «темпом накопления». В связи с этим вопросом стоит и вопрос о воспроизводстве основного капитала. И здесь прошлогодние споры уже прямо и непосредственно смыкаются с вопросами очередной практики текущего дня.

Но любопытно, что и тут мысль товарищей из оппозиции часто сбивается, путается, спотыкается «на эфтом самом месте».

Тов. Пятаков, напр., так формулирует общие рамки процесса восстановления основного капитала:

«Скажу заранее—совершенно гладкое решение этого вопроса мы едва ли найдем, или, вернее вполне гладкое решение его лежит в другой плоскости, в плоскости включения СССР в социалистическое хозяйство всего мира. При условии господства капитализма в других странах, для нас остается только весьма тяжелое, трудное, полное внутренних противоречий решение поставленной проблемы своими средствами, своими силами» (Ю. Пятаков «К вопросу о воспроизводстве основного капитала». Проблема основного капитала, сборник статей. Изд. ВСНХ, стр. 5).

Что у нас решение проблемы будет трудным и далеко не гладким, это верно. Но замечательная мысль, что при включении в социалистическую систему всего (обязательно сразу всего!) мира дело будет совсем, совсем гладко,—эта мысль вполне соответственна теории перманентной революции т. Троцкого, который решает, что «в мировом масштабе» противоречия между рабочим классом и крестьянством сразу исчезают (см. нашу статью о теории перманентной революции).

Что либо одно из двух: или речь идет об укрепившейся социалистической «системе» «всего мира»,—тогда самая проблема исчезает, ибо само «укрепление» предполагает, что эта проблема в общем уже решена; или речь идет о периоде, близком к захвату власти, т. е. о периоде «молодой» диктатуры. Но тогда (т. е., когда проблема действительно еще возможна) нужно было бы задуматься и о самой «загранице». А там для нее, этот вопрос не будет стоять? А там не произошло разрушения основного капитала? А там не будет еще добавочного разрушения в периоде гражданской войны?

Как тов. Троцкий по социально-классовой линии не додумывал вопроса до конца, так и тов. Пятаков откладывает

вопрос, а не решает его, ибо всякому, ведь, ясно, что *смешно* говорить о «гладком», да еще «вполне» решении вопроса, как только упоминаешь о «мировом масштабе».

«Провал» в процессе воспроизводства основного капитала был и у нас и в меньшей мере—за границей. И «загранице» этот вопрос *приходится* решать. Упускать это—значит, действительно, витать в эмпиреях и прибегать к абстракциям от таких вещей, от которых никак не «абстрагируешься».

А все-таки социалистическая «заграница» нам помогла бы, это не подлежит никакому сомнению. В чем *основа* этой помощи? В чем *основа* перспективы ускоренного роста социалистического европейско-азиатского (а, может быть и мирового) хозяйства? В том, что будет *более тесная смычка между* теми об'ективно дополняющими друг друга хозяйственными частями, которые были разделены, *разгорожены* буржуазным способом производства и его государственными организациями. Ускорение, облегчение *обмена веществ*, возможность ускорения экономического *оборота*,—вот на *этом* мы догоним старое, и перегоним его, и пойдем все быстрее и быстрее к мощному развитию производительных сил. Этому будут в высокой мере помогать элементы планового хозяйства, и в свою очередь это будет помогать росту плана и рациональных элементов хозяйственного процесса.

Но—увы!—до самого последнего времени оппозиционные товарищи не понимали именно этой стороны дела.

Характерно, что тов. Пятаков берет всю проблему чисто *статически*. У него есть четыре «мыслимых источника пополнения недостающей (ибо не производившийся основной капитал, как известно, «проедался» в годы войны и революции Н. Б.) ценности»:

1) Накопление амортизационных фондов на основе отчислений, вс переходящих уровня обычной амортизации основного капитала.

2) Усиление производства и накопление прибавочной стоимости рабочего.

3) Присвоение добавочной стоимости крестьянина.

4) Иностранный заем» (ibid. 7).

Другой оппозиционный хозяйственник, т. И. *Бык*, присоединяясь к этим «четырем источникам», присовокупляет тут же:

«Но совершенно прав тов. Преображенский, что у нас эти источники могут быть *меньше всего* на производственной основе (автор, очевидно, хочет сказать: «на производственной основе госуд. промышленности» Н. Б.) и *больше всего* (курсивы автора. Н. Б.) «вне комплекса производственного процесса» (опять та же чудовищная терминология, за которую мы, разумеется, не отвечаем. Н. Б.) (тот же сборник: И. *Бык*: «Контроль над фондом амортизации»).

Ни слова о *быстроте оборота*! Ни слова о более интенсивном использовании единицы капитала! Ни слова о самой важной, *исключительно важной*, проблеме! Даже то, что социалистическая промышленность получает и будет получать со стороны, должно употребляться под углом зрения *интенсификации* использования капитала. Но авторы даже не замечают этой центральной проблемы!

Еще бы им заметить, раз у них—царство *статики* и *изолированной* промышленности. Они, черпая из «другого источника», и не подумают о том, что и этот «источник» нужно оживлять, что речь идет о *взаимооплодотворении*, и при том нарастающем, а не о простом дележе. Их точка зрения, практически вредная, целиком вытекает из их общей позиции. Удивительно, как до сих пор они этого не видят!

Ради справедливости, а также ради некоторого теоретического «профита», мы должны все же с радостью отметить, что наш друг Пятаков все же начал как будто, наконец, подходить к проблеме, которая для него сняла, по крайней мере, свою «шапку невидимку».

Перед нами—стенограмма доклада тов. Пятакова на пленуме президиумов ВСНХ республик и областных промбюро. И вы знаете, читатель, к какому «*основному выводу*» приходит тов. Пятаков «на основании почти годового анализа»?

Этот «*основной* вывод» (*основной*—не оставьте этого без внимания!) состоит в том, что у нас еще «очень и очень много» «скрытых резервов».

«Первый резерв—это так называемые неликвидные средства наших госпредприятий и второй резерв—это есть *недостаточная скорость оборота нашего капитала*».

Вот уж поистине «лучше поздно, чем никогда».

Тов. Пятаков приводит следующие иллюстрационные данные по поводу неликвидных оборотных средств:

По угольной промышлен.	общая сумма оборотн. средств	29 млн. р.,	жив. 17
„ нефтяной	„ „ „ „ „	157 „ „	„ 82;
„ электротехн.	„ „ „ „ „	64 „ „	„ 21;
„ лесной	„ „ „ „ „	43 „ „	„ 16;
„ бумажной	„ „ „ „ „	18 „ „	„ 16;
„ резиновой	„ „ „ „ „	52 „ „	„ 32;
			и т. д.
По всей промышленности . .		1.012 млн. р.,	жив. 737 р.

Теперь посмотрите, что говорит тов. Пятаков о быстроте оборота. Посмотрим и послушаем:

«Второй момент, на который *наши хозяйственники* (гм! гм! опять-таки: лучше поздно, чем никогда! Н. Б.) *почти не обращают внимания*... Это вопрос скорости оборотов нашего капитала... „Я имею в виду не бумажный оборот капитала, а материальное движение самих ценностей, превращение ценностей из денег в средства производства, в рабочую силу, в готовые товары и превращение обратно в деньги. Этот период и скорость превращения денег обратно в деньги у нас недостаточно учитывается...».

«Какого мы достигли успеха за этот год? (Это вместо гибели-то! Н. Б.). В прошлом мы имели скорость по всему хлопчато-бум. тресту 1,53,, т.-е., капитал треста обращается в год 1,53 раза. В этом году мы достигли скорости оборота 1,85. Кажется—успех ничтожный: повышение скорости с 1,53 до 1,85. Какие это дает результаты?... Я произвел соответствующий подсчет, который дал мне следующее: благодаря увеличению скорости оборота с 1,53 до 1,85 мы получаем прирост продукции... на 113 *милл. рублей*,... т.-е. мы *фактически выиграли оборотный капитал* в 75 *милл. руб.*».

Все это как нельзя более справедливо. Все это действительно—**важнейший** вопрос. Все это, разумеется, ближайшим образом относится и к проблеме восстановления основного капитала.

Но... Но все это блестящим образом бьет по основам «позиции оппозиции». Все это подтверждает правильность политики ЦК, «не сводящего концов с концами». Ибо на самом деле, кто не сводит концов с концами, так это именно тов. Пятаков.

Плод годичных размышлений Пятакова—что быстрота оборота имеет решающее значение. Но вот оказывается, что до сих пор на этот основной вопрос «**наши хозяйственники не обращают внимания**»?

Почему «не обращают внимания»?

Почему сам тов. Пятаков еще совсем недавно, в своей статье «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», статье так сказать, теоретическо-программной, **тоже** даже не заикнулся об этом результате «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»?

Где корень такой слепоты многих «хозяйственников»?

Ну-тка, поразмыслите, дорогие товарищи!

После всего нашего (не годового, впрочем) анализа нетрудно формулировать, где оный корень обретается: он в цеховой, **узкопромышленной ориентации**, которая мешает своим носителям выглянуть за промышленную околицу и которая делает для них непонятной как раз ту самую проблему смычки, о которой сейчас распиваются все, кому не лень.

Потому многие хозяйственники, «не обращая внимания», что они не понимают соотношения между промышленностью и крестьянским хозяйством, полагаются излишне на казну и на свою монополию. Только разрыв с цеховой и ограниченной идеологией позволит им понять кое-что другое. Но прошлогодний кризис, связанный со старанием «по части цен» все же «вдалбливает диалектику» и в головы «некоторых хозяйственников»....

Общий подъем нашего народного хозяйства и нашего **государственно-социалистического промышленного ядра** дали возможность продвинуть, в свою очередь, и **нашу торговлю, и кооперацию**. Этим самым в значительной мере определилась и борьба с **частным капиталом**, который как известно, является в главнейшей своей массе капиталом **торговым**.

В оборотах **моск. тов. биржи по продаже** роль частного капитала упала с 12,2% от общего оборота (октябрь 1923 г.) до 5,5% (август 1924 г.). По **покупке** соответствующие цифры будут: для октября—20%, для августа 1924 г.—10,7%.

По 70 **провинциальным биржам**:

по продажам роль частного капитала за тот же промежуток времени упала с 13,5% до 7,1%;

по покупкам—с 17,2% до 10,1% [1]).

Ту же картину **вытеснения** частного капитала рисуют и **данные о кредитовании**.

[1]) „Внутр. торг. СССР в 1922-23 и 1923-24 опер. годах." Сб. стат. мат. к докл. о внутр. торг. на 2 сессии ЦИК СССР. Изд. Наркомвнуторг 1924 г. стр. 27, 28, 30.

Распределение задолженности по основным группам заемщиков по 4-м банкам (Госбанк, Промбанк, Роскомбанк и Мосгорбанк) *).

	1 октября 1923 г.			1 сентября 1924 г.		
	В тыс. руб.	В % к итогу.	В % к сумме на 1 окт.	В тыс. руб.	В % к итогу.	В % к сумме на 1 окт.
Госпромышленность	155.565	46,6	100	391.995	54	252
Госторговля	36.753	11	100	75.860	10,4	206,4
Прочие госорганы	14.531	4,3	100	32.380	4,5	222,8
Кооперация	58.853	17,6	100	112.197	15,5	190,6
Кредитн. учрежд.	21.766	6,5	100	56.269	7,7	258,5
Частные лица	26.963	8,1	100	10.373	1,4	38,5
Не распр. по видам клиентуры.	19.704	5,9	100	47.259	6,5	239,9
Итого	334.135	100	100	726.333	100	217,4

Подчеркнутые цифры о «частных лицах» говорят сами за себя.

Вряд ли найдется сейчас товарищ, который всерьез может утверждать, что частный капитал занял, по сравнению с прошлым годом относительно более твердую позицию. И тут пророчества оппозиции оказались столь же удачными, как и во всех прочих областях. Практика истекшего года говорит скорее о том, что кое-где был перегиб в сторону излишнего «ущемления» частного капитала, когда от этого «излишества» получалась брешь, не заполняемая **нашей** госторговлей и кооперацией, а частный капитал частично перешел в области чисто-спекулятивного характера и бросился на хлебные и сырьевые заготовки. Но это указывает уже на проблему совсем иного порядка. Основной урок и здесь говорит о необходимости сократить административное усердие и центр тяжести перенести в область **экономического** воздействия.

* * *

Мы подошли к концу нашего разбора экономической платформы оппозиции. Как видим, отдельные моменты этой платформы вовсе не являются и не являлись более или менее «случайными» поправками, которые вызываются теми или иными конкретными ошибками, сделанными руководящими партийными инстанциями. Ибо во всех «поправках» оппозиции звучит одна и та же нота, видна одна и та же **линия**. Вскрыть эту линию, обнаружить ее, **показать** ее всем читателям и было основной задачей этой статьи. Но мы старались не только показать эту линию, но и доказать как неправильность этой линии вообще, так и тех выводов, которые из нее делаются.

Из всего вышесказанного вытекает с неизбежностью, что оппозиция и здесь обнаруживала непонимание самой основной проблемы нашего строительства, **проблемы рабоче-крестьянского блока**. А это и есть основной порок всего троцкизма.

*) Совет Госпромышленности и Торговли в 1924 г., Отчетный сборник к пленуму Совета 10 дек. 1924 г., стр. 146—147.

С. Гусев.

Наши разногласия в военном деле *).

(*Окончание*).

II. Политическое воспитание Красной армии.

(Коммунизм и политическая пропаганда).

На совещании военных делегатов XI Се'зда РКП (б) были приняты по докладу тов. Рабичева «тезисы о военной пропаганде». Тезисы эти были формулированы тов. Троцким на основе происходившей на совещании дискуссии и, в частности, на основе предложений тов. Рабичева («Политработник» 1922 г. № 4—5). Таким образом, у нас есть все основания считать, что эти тезисы совпадают со взглядами тов. Троцкого, что подтверждается многочисленными его выступлениями как до, так и после появления тезисов.

По поводу этих тезисов необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что вот уже более 3-х лет, как они являются отправным пунктом всей политработы в Красной армии: о них написано много статей, их часто цитируют, на них ссылаются, их подтверждают (в частности, 3-е Всесоюзное совещание военных политработников вновь подтвердило их). Таким образом, пред нами основной документ, определявший еще совсем недавно направление политработы в Красной армии. Вот почему необходим его тщательный анализ.

Начинаются тезисы с определения того, что такое военная пропаганда.

«Задача военной пропаганды,—говорится в тезисах,—пробудить в молодом красноармейце интерес к военному делу и стремление стать хорошим бойцом не за страх, а за совесть». Мы предпочли бы другое более краткое и более точное определение: «Задача военной пропаганды в Красной армии—распространение среди красноармейцев военных знаний». Но по существу дела разницы здесь нет.

«Для этого—говорится в тезисах непосредственно вслед за определением военной пропаганды—нужно, чтобы он (красноармеец), прежде всего знал, почему и зачем его мобилизовали. Об'яснять это надо, исходя не из теории борьбы классов, а из конкретной политической обстановки сегодняшнего дня: кто нам угрожает, откуда и почему».

Странная постановка вопроса! Как можно противопоставлять теорию классовой борьбы конкретной политической обстановке сегодняшнего дня («исходя не из теории борьбы классов, а ...)? Как может политработник (коммунист-марксист, знающий теорию

*) См. Большевик № 15—16.

классовой борьбы) не «исходить» из теории борьбы классов при об'яснении конкретной политической обстановки, безразлично сегодняшнего или завтрашнего дня или «дня», который был год—два—пять—десять лет назад? Из чего другого, как не из теории классовой борьбы может «исходить» коммунист в об'яснении политических явлений и событий? Разве можно об'яснить молодому красноармейцу, почему и зачем его мобилизовали, какие враги нам угрожают, откуда и почему,—не говоря ему о польских панах, о французских капиталистах, о румынских боярах, об их ненависти к рабоче-крестьянскому СССР, об их стремлении восстановить власть русских помещиков и буржуев и т. д.? Да тут что ни слово, то класс, классовая борьба, теория и практика классовой борьбы.

Из чего же иного исходить? Не говорить ли красноармейцу, что «поляк», «румын», «француз» хотят против нас воевать? Есть и такое об'яснение, но с коммунизмом оно ничего общего не имеет. Может быть, такое об'яснение пробудило бы у красноармейца-крестьянина, не избавившегося еще от привитого крестьянину при царизме национализма и шовинизма, больший интерес к военному делу и большее стремление стать хорошим бойцом не за страх, а за совесть. (Это вероятно, это возможно). Но мы, коммунисты, марксисты, ленинцы, большевики так вопроса ставить не можем. Никаких иных войн, кроме классовых, русский пролетариат не вел и не будет вести. Теория классовой борьбы дает ключ к об'яснению войн и династических, и торговых, и национальных, и империалистических, в конечном счете, через промежуточные факторы, сводя все войны к классовому строению общества. В классовых же войнах никаких таких промежуточных факторов между теорией классовой борьбы и одним из видов классовой борьбы (классовыми войнами) нет. Поэтому при об'яснении классовых войн без теории классовой борьбы шагу не ступишь.

Может быть, это оговорка, описка? Может быть хотели попросту сказать, что не следует начинать политработу с теоретических лекций по марксизму и, в частности, по теории классовой борьбы? Тогда так именно и следовало сказать, а не пугать, не мудрствовать, не углублять.

Но если даже это—оговорка (намек на это имеется в п. 4 тезисов), то во всяком случае для марксиста-ленинца такая оговорка абсолютно недопустима. Это, во-первых. А во-вторых, оговорка эта—не случайная. В п. 4 тезисов, который мы только что упоминали, говорится: «Красноармеец—не слушатель курсов о классовой борьбе (бедный Христофор Колумб, у тебя отбивают хлеб), а молодой гражданин, который собирается воевать». (За кого воевать? За какой класс? За какие политические цели? И можно ли противопоставлять политические цели войны теории классовой борьбы?) Опять странное противопоставление теории классовой борьбы, но уже не «текущему моменту», а боевой подготовке красноармейца, противопоставление политической пропаганды военной пропаганде. Это противопоставление уже не случайное. Это, можно сказать, лейтмотив всей «музыки», носящей название «тезисов о военной пропаганде». В п. 6 тезисов это противопоставление политики технике (политической пропаганды военно-технической) повторено в новой форме. Там говорится: «не разбрасываться политически и теоретически,

не зарываться, не залетать ввысь, а (опять!) готовить сплоченное, сознательное (?) (позднее будет видно, почему здесь стоит вопросительный знак) *отделение, взвод, роту, батальон, полк*». Хотят как будто сказать политработнику: говори ясно и просто, бери материал из того, что поближе красноармейцу, но сами-то эту мысль просто выразить никак не могут. Хотят одного, а получается нечто совсем, совсем иное. Получается противопоставление политики технике, для вас не неожиданное после ознакомления с неудачным плаванием тов. Троцкого по морям теории.

Злоключения политической пропаганды (политработы) на этом далеко еще не кончаются. В п. 7 она оказывается противопоставленной уже не только военной пропаганде, но и культурно-просветительной работе. Так как этот пункт—центральный пункт всех тезисов, то приводим его полностью.

«Главный недочет нашей пропаганды состоит в том, что мы видим в красноармейце только об'ект для пропаганды, забывая о том, что молодой крестьянин и рабочий месяцами и годами живет в своей части, в казарме, которая охватила его со всех сторон. Такой подход есть остаток прошлого, когда нам приходилось вести свою революционную работу во вражеской казарме или на капиталистической фабрике. Тогда вся задача сводилась к тому, чтобы дать рабочему или солдату революционное обобщение, т.-е. ответы на те основные вопросы, которые замалчивались и подавлялись обществом и государством. Мы все еще не научились понимать, что теперь мы должны дать красноармейцу ответ и на другие его потребности и запросы, если не хотим, чтобы он искал ответ у наших врагов. У красноармейца есть потребность пошутить и посмеяться, поиграть фантазией, поупражнять дух соревнования, получить эстетические впечатления, хотя бы и самые простые. Он не просто об'ект для пропаганды, а живое молодое существо с разнообразными, хотя и простейшими, духовными потребностями. Мы очень *разбрасываемся политически и теоретически* и в то же время игнорируем красноармейца психологически».

Опять та же история: «Мы очень разбрасываемся политически и теоретически и (это «и» стоит хорошего «а») в то же время игнорируем красноармейца психологически», т.-е. не даем ему в достаточной мере культурно-просветительных развлечений. Куда ни кинь—все клин. Несчастная политработа! Как бедная родственница, она всюду мешает, ей нигде нет места.

Пункт 9 тезисов является новым этапом на многострадальном пути политработы в Красной армии: «Политработа в Красной армии—гласит этот пункт—вырастает из военной пропаганды». Чем дальше в лес, тем больше... путаницы. И тем хуже становится положение политработы. Из бедной родственницы она в п. 9 уже превратилась в батрачку, находящуюся на услужении у военной пропаганды. Субординация и дисциплина в армии тяжелые и потому мы нисколько не удивимся, что, после соответствующей военной обработки, политработа в п. 17 уже держит себя тише воды, ниже травы. «Военная пропаганда—вещает этот пункт—ведет к слиянию чисто политической работы с чисто военной».

После всего, что мы видели и слышали на протяжении тезисов, мы без труда догадаемся, что такое слияние равносильно

поглощению почти без остатка [1]). Политработа оттеснена на задний план и подчинена задачам военной пропаганды и культурно-просветительной работы.

Что именно таков смысл этих тезисов, что именно в эту сторону они гнули, видно из тех откликов, которые они нашли в военно-политической печати и на совещаниях военных политработников. Идеи, положенные в их основу, носились в воздухе еще до совещания военных делегатов.

В течение 1921 г. армия демобилизовывалась, сокращалась, перестраивалась и в силу этого находилась в неустановившемся беспорядочном состоянии. При этом обнаружились бесчисленные мелкие и мельчайшие дефекты, которые, казалось, не трудно было устранить и которые поэтому были особенно досадными. Пока воевали, этих прорех не замечали, думали и заботились о главном, о победе. А когда война кончилась, да огляделись и увидали, сколько всяких неустройств кругом, то встосковались по порядку и бросились чинить в первую очередь наиболее досадные и раздражающие, мелкие прорехи. «Внимание мелочам»—таков был лозунг дня. Этими мелочами так увлеклись, что возникла своеобразная «теория малых дел», заслонившая большие дела и нашедшая свое отражение в «тезисах о военной пропаганде».

Основателем этого течения с полным правом может считаться тов. Троцкий. Летом 1921 г. он выбросил лозунг: «Смазывай сапоги» и этим заложил первый камень под тезисы и содержащуюся в них теорию.

Лозунг «смазывай сапоги» был, как и полагается, «углублен» и «обобщен» в приказе № 254 (5 авг. 1921 г.), где на счет смазки сапог говорилось так: «Политическое воспитание красноармейца должно начинаться с правильной смазки сапог и заканчиваться самыми высокими вопросами Коммунистического Интернационала».

Вы видите, что в приказе № 254 уже содержится зародыш основной формулы будущих тезисов: «Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды».

20-го октября 1921 г. на с'езде политпросветов т. Троцкий провозглашает, что «устав есть важнейшая часть политико-просветительной работы» (политическая пропаганда вырастает из военной пропаганды).

Тов. Лузгин, по многим данным, еще до появления тезисов, но уже в 1922 г., пишет в журнале «Революция и Война»: «У нас существует весьма сильная тенденция считать политпросветработу в Красной армии *самодовлеющей* (курсив тов. Лузгина), а отнюдь не *подчиненной*» (курсив мой).

«Политика» (т.-е. участие Красной армии в политической жизни, обрывающееся в случае войны),—продолжает т. Лузгин,—*подчинена* войне. Следует пересмотреть всю политпросветработу с точки зрения ее *военного* эффекта, иными словами сделать ее более близкой к задачам военного воспитания—*подчи-*

[1]) Авторы тезизов *хотят* сказать, что слияние военной и политической пропаганды произойдет путем слияния командира и комиссара. Но им этого недостаточно. Надо же «углубить» вопрос и «подпустить» обобщение. А от такого углубления и обобщения у них получаются теории, которые фатально противоречат марксизму. В этом фатализме нет ничего удивительного: он заложен, он предопределен отрывом военной науки от марксизма, военной техники от политики.

пить (курсив мой) ее этим задачам на практике... элемент политического служит целям военного». И наконец—«тройственность воспитательной работы в рядах армии (политическая, просветительная и военная), превратившись предварительно в двойственность (политпросветительная и военная), приходит, таким образом, к столь давно требуемому жизнью единству» (читай «поглощению политработы военной пропагандой»).

На XI с'езде РКП т. Троцкий в своем докладе заявляет: «Надо в казарме исходить из того, что крестьянин стал солдатом». (А при царе в казарме не исходили из того, что крестьянин стал солдатом? А во Франции, Италии, Германии из этого не исходят?) «Зачем? Почему?—спрашивал т. Троцкий.—Это—основной факт, это—новая эпоха в его жизни, и с этого надо начать, а не с того, чтобы стремиться 19—20 летнего крестьянина превратить в идеального коммуниста (!) (У нас был только один идеальный коммунист—Ленин. С. Г.) по отвлеченной идеальной программе». «Отвлеченная идеальная программа», «идеальный коммунист», «из 19—20-летнего крестьянина»,—все та же музыка на мотив: «не теория классовой борьбы, а...». (Кстати как нам быть с комсомолом, где сейчас собраны сотни тысяч еще более молодых крестьян? Там-то разрешается молодого крестьянина обучать коммунизму?).

Тов. Рафес жаловался на совещании военных делегатов XI с'езда РКП (апрель 1922 г.) на то, что «пытаются красноармейца превратить в об'ект, в который будут вдалбливать систематизированную теорию классовой борьбы, коммунистическую словесность» [1], а в сентябре того же года на Всероссийском совещании по агитпропработе в Красной армии и флоте предрекал, что «вся политработа будет военной пропагандой» («военная пропаганда ведет к слиянию чисто политической работы с чисто военной»).

В результате всего этого похода на «коммунистическую словесность», вопрос о целях и задачах политработы в армии неслыханно запутался и увяз в схоластической трясине.

Лучше всех, ярче всех, короче всех выразил эту схоластическую неразбериху тот же т. Рафес. «Кого должны мы воспитывать»—в отчаянии спрашивал он на Всероссийском совещании по агитпрабсте в Красной армии и флоте,—«в о и н а или г р а ж д а н и н а, в о и н а-г р а ж д а н и н а, или г р а ж д а н и н а-в о и н а?».

С тех пор, как т. Рафес поставил этот мудреный, «заковыристый» вопрос, т.-е. с сентября 1922 г., т.-е. вот уже более двух лет, военные политработники так и не могут от него отвязаться, топчутся на месте вокруг него и диспутируют его на разные лады.

Тот же вопрос о политработе—об отношении между политчасом и политпросветчасом [1]—стал предметом дискуссии также в начале 1924 г. в разных округах. Спор шел по вопросу о том, нужно ли сливать политчас и политпросветчас. Несколько голосов раздавалось за слияние, т.-е. растворение политработы в культпросветработе. Впрочем и те, кто высказывался против слияния, приводили такие аргументы, которые показывали, что разница между политчасом и политпросветчасом на практике совершенно стирается, понятно, в ущерб политвоспитанию.

Так, совещание политпросветработников артиллерии 15 дивизии заявило, что «как политчас, так и политпросветчас, как политрук, так и школьный работник, делают о д н о дело, дело повышения культурного, а, с л е д о в а т е л ь н о, и политического уровня красноармейцев» («Красная Рота» 1924 г. № 35). Это «следовательно» поистине великолепно. Точно под'ем культурного уровня не может быть базой и кулацкой, и пролетарской политики.

Тов. Пермский («Пути политчаса», «Красная Рота» 1924 г. № 36) подтверждает факт растворения политработы в культпросветработе: «Политпросветработа,—говорит он,— превращается, несмотря на энергичное противодействие всех политработников, в а п о л и т и ч е с к о е к у л ь т у р н и ч а н ь е (урок, основанный на политическом материале—это еще не значит: урок с соответствующими политическими выводами)».

Это очень хорошо сказано: весь вопрос именно в том, каковы «политические выводы» из «политического материала». Из одного и того же «политического материала» можно сделать выводы коммунистические и некоммунистические. (Меньшевики из Маркса делали контр-революционные выводы). Можно вести один и тот же политпросветчас (и политчас) так, что он будет итти на пользу пролетариату, а можно (пользуясь тем же политпросветительным материалом) и так, что это будет на пользу кулаку.

Можно было бы значительно увеличить число таких выдержек, но и этих достаточно, чтобы видеть, что перед нами оформленное течение, поставившее себе задачей «подчинение», «подгонку» политработы (т.-е. политической пропаганды и агитации) в Красной армии задачам военной подготовки и культурного просвещения красноармейца. Течение это правильно прозвали «военизаторско-культурничеством».

Началось это течение под лозунгом «мажь сапоги», высшего развития достигло и стабилизировалось под лозунгом: «не теория классовой борьбы, а...». «Смазка сапог выше теории классовой борьбы», «сапоги выше Маркса»—такова краткая, «конкретная» формула этого течения. «Сапоги выше Маркса», т.-е. военно-культурная подготовка красноармейца выше политической, военная пропаганда выше политической пропаганды. «Сапоги выше Маркса», т.-е. из в о е н н о й пропаганды вырастает п о л и т и ч е с к а я пропаганда.

«Политработа в Красной армии вырастает из военной пропа-

[1] Это очень нехорошо, что «вдалбливают», но по случаю плохих м е т о д о в направлять удары на с о д е р ж а н и е политработы нельзя. Лучше вдалбливать коммунистическую словесность, чем не—коммунистическую. Кстати, по поводу таких же жалоб на счет политпропаганды в партячейках т. Ланда дал следующую отповедь, распространяющую свою силу и на политработу среди беспартийных («Политработник» 1922 № 3):

«В Красной армии широкие беспартийные массы интересуются всей окружающей жизнью, всеми вопросами текущей экономики и политики. Разумеется, не схоластикой, теоретическим умствованием и чтением «Азбуки Коммунизма» «обязательно подряд» главу за главой должна заниматься ячейка (я был свидетелем, как некоторые политруки голосом отпевающего дьячка читали коммунистическое «евангелие») Принципы конкретности и самодеятельности должны гармонически сочетаться с необходимостью ознакомления всей массы членов ячейки с основами марксизма. Методом от конкретного к теоретическому мы эту задачу решим. У каждого члена ячейки будет и повседневная ориентировка и теоретическое понимание, а главное умение дать ответ той массе, которая обслуживается данной ячейкой.

[1] Для непосвященных поясним, что на «политчасе» преподают политграмоту, а на «политпросветчасе»—чтение, письмо, арифметику, географию и естественные науки. Прибавка к этому «просветчасу» слова «полит» обозначает только то, что для обучения грамоте, арифметике и пр. берут «политический» материал (биографию Ленина, отрывки из его сочинений и пр.).

ганды». Это—самая общая формула новой теории политработы в армии, попытка философского обобщения «смазки сапог» [1]), попытка углубления понятия политической пропаганды в армии.

Вот уж поистине «кажинный раз на эфтом самом месте». 20 лет назад тов. Мартынов попытался углубить Плеханова по вопросу о пропаганде и агитации и за это пострадал от Ленина («Что делать»), а теперь находятся охотники повторить еще раз такую же безнадежную попытку углубления понятия политпропаганды по отношению к армии.

«Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды».

Теоретически эта формула никуда не годится, не марксистская она, а антимарксистская. Не политика есть продолжение войны, а наоборот, война есть продолжение политики. Не война ставит политические (классовые) цели политике, а политика—войне. Не политическая пропаганда «вырастает» из военной пропаганды, а, наоборот, военная пропаганда «вырастает» из политической пропаганды. Военная пропаганда в Красной армии принципиального отличия от военной пропаганды в буржуазных армиях не имеет. Она преследует те же цели распространения военных знаний. А политическая пропаганда в Красной армии крепным образом отличается от политической пропаганды в буржуазных армиях: политическая пропаганда в Красной армии ставит в качестве основной политической цели защиту пролетарской диктатуры, а в буржуазных армиях—защиту буржуазной диктатуры. Если бы политическая пропаганда вырастала из военной пропаганды, то непонятно, как из нее могли бы вырасти две принципиально противоположные политические цели. Не задачи и цели военной пропаганды подчиняют себе задачи и цели политической пропаганды, а наоборот. Армия служит политике, а не политика армии. Не политработа для красноармейца, а красноармеец для политработы. Не воспитание хорошего бойца «вообще», а воспитание хорошего бойца, служащего пролетарской диктатуре.

Со стороны теоретической и политической формула «политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды» представляет полное извращение марксизма.

Подойдем к этой формуле со стороны практической. Возьмем хотя бы ту же самую смазку сапог, которая является одним из элементов военной пропаганды. Сапоги несомненно смазывать следует. Молодой красноармеец это знает, ибо при всей нашей бедности он до своего призыва в армию, хоть две пары сапог износил и дегтем или «шмальцем» их усердно смазывал (а может быть, даже гуталином). Когда он приходит в армию, ему дают казенные сапоги (большею частью, пребезобразно сшитые). Раз казенное добро—значит, жалеть его нечего. Эта традиция крепко сидит в голове русского крестьянина. Чего там жалеть, да еще смазывать? Казенные! Как же подойти к красноармейцу с точки зрения военной пропаганды, чтобы доказать, что сапоги нужно смазывать? Уверять его, что ежели смазывать, то сапоги дольше проносятся? Да он и сам это хорошо знает по опыту.

Нужен другой подход. Нужно об'яснить ему, почему эти казенные сапоги «принципиально» отличаются от казенных сапог, которые давал царь. Казна казне рознь. Раньше была казна царская, а теперь казна рабоче-крестьянская. Царскую казну нечего было жалеть, а рабоче-крестьянскую беречь надо всячески. Армия содержится на налоги, которые взимаются с крестьян. Чем дольше сапог прослужит, благодаря смазке, тем дешевле будет стоить армия, тем меньше казна будет взимать налогов, тем лучше будет житься крестьянину и т. д. Вот тогда красноармеец, может быть, и не только может быть, а если толково и просто об'яснить, то и наверняка необходимость смазки поймет, сапоги мазать станет.

[1]) Тов. Троцкий—большой любитель „обобщать“. Поэтому с ним частенько случается, что он „переобобщает“.

Чтобы обосновать смазку сапог нам пришлось, таким образом, нашему красноармейцу «дать кусочек политической пропаганды» (как говорили в старину бундовцы), в частности поговорить о классах и о классовой борьбе.

Выходит так, что мы начали со смазки сапог (военная пропаганда), а добрались до классовой борьбы (политическая пропаганда). Уж и впрямь не «вырастает» ли политическая пропаганда в армии из военной пропаганды. Конечно, «вырастает», если методом пропаганды подменить содержание и задачи пропаганды. Именно такой подмен авторы тезисов и совершают, забывая, что политическая пропаганда, ее цели и задачи, ее содержание не только в армии, но и в селе, и в парламенте, и в совдепе, и на митинге, и в школе, и в церкви «вырастают» из классовых интересов господствующего класса.

Начинать политпропаганду в армии можно и с сапога, и с налета польской банды на близлежащее местечко, и с письма из дома, содержащего жалобу на продналог, и с годовщины Октябрьской революции и т. д. Политпропаганда в армии может «вырастать» из разных корней. Лучше начинать не с военных, а с крестьянских вопросов—в целях «раскрестьянивания» (не сочиняя, однако, по случаю такого подхода теорию, что политическая пропаганда вырастает из крестьянской пропаганды). «Профессиональное» сужение политической пропаганды (начинай с военной пропаганды), как две капли воды, похоже на сужение политической пропаганды «экономистами». «Экономисты» тоже предлагали «начинать» политпропаганду исключительно с экономической пропаганды, с условий труда рабочего, с его профессионально-цеховых интересов, а получалась у них теория, что политпропаганда в рабочем классе «вырастает» из экономической пропаганды. А от этой формулы они быстро докатились до подчинения «политики» «экономике». (См. об этом «Что делать» Ленина). Формула тезисов «политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды»—только «военный слепок» с формулы «экономистов». И подобно формуле экономистов, она ведет к профессиональному сужению политработы в Красной армии, к ее подчинению «профессиональным интересам» красноармейца, т.-е. его боевой и культурной подготовке, а не классовым интересам господствующего класса, пролетариата [1]). Подменили задачи политработы методом (как, откуда начинать), а получился

[1]) Для такого принижения политработы в Красной армии характерным является то обстоятельство, что в первом издании написанной тов. Троцким «Красной памятки для воинов Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота об основных вопросах военного дела» нет ни звука о политработе и о политорганах, а для просвещения, развлечений и игр местечко нашлось.

отрыв политработы в Красной армии от интересов пролетарской диктатуры.

Мы подошли к политической, к классовой оценке «военнизаторско-культурнического» течения, тезисы которого мы изучаем. Мы подошли к вопросу, кому, какому классу это «военнизаторско-культурническое» течение выгодно, какому невыгодно [1]).

Посмотрим, как на этот счет обстоит дело в тезисах, что говорят они об этой стороне вопроса. Вот основной тезис (4-й), который затрагивает классовые отношения внутри армии:

«Лишенный классового критерия, красноармеец-крестьянин склонен подходить к оценке вопросов с бесформенным нравственным критерием. Необходимо на это опереться, чтобы продвинуть его далее. Необходимо давать ему изо дня в день свежий, фактический, конкретно изложенный материал, характеризующий козни, происки и замыслы наших врагов. Относиться самому к этим фактам не как к простым и случайным иллюстрациям на тему о борьбе классов, а как к важным явлениям сегодняшнего дня, от которых зависит быть или не быть войне. Ибо красноармеец — не слушатель курсов о классовой борьбе, а молодой гражданин, который готовится воевать. Так, сознательно переживая один факт за другим, проникаясь враждой и ненавистью к нашим военным врагам, которые всегда в то же время и наши классовые враги, красноармеец постепенно от бесформенной нравственной оценки перейдет к оценке классовой».

Здесь, как и всюду в тезисах, политические задачи пропаганды спутаны с методом. Сначала идет классовая оценка красноармейца-крестьянина, затем скачок к методу. «Необходимо делать ему изо-дня в день и т. д.»), а затем опять скачок к политике («Красноармеец постепенно от бесформенной нравственной оценки» и т. д.). Отметим только эту путаницу [2]) и перейдем к анализу политического содержания этого тезиса.

«Лишенный классового критерия, красноармеец-крестьянин подходит к оценке вопросов с бесформенным нравственным критерием». Вопрос о красноармейце-крестьянине и его «критерии» — **коренной** вопрос всей политработы в Красной армии. Верно ли, что красноармеец-крестьянин лишен классового критерия и довольствуется каким-то бесформенным, внеклассовым, надклассовым, межклассовым критерием?

Что красноармеец-крестьянин принадлежит к классу мелкой буржуазии и потому осужден на колебания между пролетарием и кулаком — общеизвестно. Что именно сейчас красноармеец-кре-

[1]) Опыт полугодичной работы с призывом родившихся в 1902 г. подтверждает, что культурное развитие красноармейца быстро обгоняет его политическое развитие. Между первым и вторым образуются «ножницы». Значительная часть красноармейцев, — пишут из одного округа, — получили знания, но их убеждения и мировоззрение не изменились в результате политработы.

[2]) Недаром тов. Ленин еще во время профдискуссии говорил, что у тов. Троцкого и на профсоюзы и на армию — «аппаратная» точка зрения: хороший аппарат и хороший метод могут заменить политику. На XI Съезде РКП тов. Ленин по поводу трений в Донбассе заметил: «Они (т. е. часть одной из боровшихся там групп) попали в положение людей, которые «переадминистрировали». И дальше он добавил: „Не отрывать политики от администрирования, вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда». (XVIII том, ч. 2 стр. 51). «Переадминистрирование» и «аппаратная точка зрения» — это одно и то же.

стьянин колеблется между возродившимся и народившимся в годы нэпа кулачеством и пролетариатом — об этом можно ежедневно читать в наших газетах. Но всего этого еще совершенно недостаточно, чтобы считать, что у красноармейца-крестьянина еще нет или уже нет классового критерия, т.-е. что он абсолютно нейтрален в распре между пролетариатом и кулачеством. **Этого** нет и этого не может еще в данное время быть.

Красноармейцы-крестьяне, приходящие теперь в армию, вовсе но воск, из которого методами военной пропаганды можно лепить культурных солдатиков в смазанных гуталином сапогах, которые послушно будут выполнять все приказы даже без особой на то политической подготовки. Этот «воск» уже побывал в руках кулака, который обмял его по-своему, и потому теперь задача политработы — «перемять воск» на пролетарский лад.

Не «бесформенный» (ни кулацкий, ни пролетарский) нравственный критерий, а уже достаточно оформившийся кулацкий классовый критерий. Так обстоит дело. И иначе оно обстоять не может. Молодой крестьянин-красноармеец вырастает в шагающей к капитализму деревне, в «переходный период» нэпа, когда городской социализм, несмотря на свой более быстрый, чем капитализм, рост не успел идеологически перевесить старого идеологического «капитала» кулака, который к старому добру за три года нэпа присоединил новое.

Оценка красноармейца у тов. Троцкого неправильная [1]). И эта оценка не случайная. В 1923 году в брошюре «Перспективы и задачи военного строительства» он в другой форме («монолитная» Красная армия) повторяет ту же оценку. Недавно он еще раз повторил эту оценку, в упомянутом уже нами предисловии к статьям Энгельса о войне 1870—71 гг. «У нас, — говорит там тов. Троцкий, — на случай военных столкновений с капиталистическими государствами имеется одно преимущество, совсем маленькое, но такое, что оно может стоить нашим возможным врагам головы. Это преимущество состоит в том, что нам чужд антагонизм между правящим классом и тем, из которого вербуется масса солдат. Мы — рабоче-крестьянское государство и рабоче-крестьянская армия». (Не рановато ли говорить так?).

Вот когда мы хозяйственную смычку пролетариата с крестьянством до конца проведем, все население кооперируем и государственную промышленность поднимем на значительную высоту, — тогда это «маленькое преимущество» проявит себя полностью.

А пока, хотя антагонизма (размычки) у нас «между правящим классом и тем, из которого вербуется масса солдат» (т.-е. крестьянством), нет, но и смычка еще недостаточно сильно отразилась на крестьянской идеологии. Элементы смычки и размычки (антагонизма) растут одновременно и между ними нарастает борьба, — борьба между пролетариатом и кулачеством за крестьянство, а следовательно и за армию (где до 90 процентов крестьян) —

[1]) На 3-м совещании политработников армии и флота т. Троцкий сказал: «у Маркса один уровень сознательности, у пензенского крестьянина — другой» (цитата взята из статьи т. Москвина «Несколько вопросов строительства Красной армии», «Краснознаменец» 1923 г., № 11). Странная постановка вопроса: как можно одним аршином („уровень“) мерять **пролетарскую** сознательность Маркса и **мелкобуржуазную** сознательность пензенского крестьянина.

борьба за армию, особенно обостряемая переходом на милиционную систему.

Сложный процесс одновременного роста смычки и размычки находит своё концентрированное выражение именно в армии, где собирается большое количество крестьян. Здесь они получают много знаний, здесь они легче могут разобраться в своих «крестьянских» вопросах и сформулировать свои требования. Здесь идет процесс кристаллизации «крестьянской» идеологии. С этой точки зрения армия становится незаменимым аппаратом для прощупывания крестьянских настроений и стремлений.

Борьба между пролетарской и кулацкой идеологией внутри Красной армии «уплотняется», как нигде. Эта борьба есть борьба за Красную армию. Борьба эта уже началась. Правда, знамена еще не развернуты, лозунги еще не провозглашены, но их нетрудно предугадать [1]).

Кулацкий Кронштадт дал лозунг «честных советов без коммунистов». В применении к Красной армии, «военным слепком» этого лозунга будет лозунг: «Доблестная Красная армия без коммунистов», «Культурный гражданин-боец без коммунизма». Кулак вовсе не против культуры, он даже за политическую грамотность, но без коммунизма..Ибо он знает, что *такую* политграмотность можно повернуть и против коммунизма.

Сменовеховцы (а таковые есть и в армии) восхищаются Красной армией, хвалят ее, но хотели бы только одного—освободить ее от «коммунистической словесности». Военная пропаганда — прекрасно,—говорят они,—культурная и просветительная работа—превосходно, политграмота—великолепно, но выбросьте коммунистическое доктринерство и всяческие там теории классовой борьбы. Красная армия—не коммунистическая академия, красноармеец—не слушатель курсов по теории классовой борьбы. Не следует теоретически и политически разбрасываться, боевая подготовка—главное, надо готовить не ком'ячейку, а сознательное (*сменовеховски*-сознательное) отделение, роту, батальон, полк.

Мы видим, *кому* на руку словечки о коммунистической словесности *и* о коммунистическом доктринерстве. Кулак, сменовеховец, меньшевик, эсер,—все они подхватят эти словечки, подправят их на свой лад, усилят, прикрасят и пошлют гулять по белу свету и по Красной армии. Все они за то, чтобы подчинить политработу задачам военной и культурной обработки красноармейца, все они за то, чтобы политработа в Красной армии «вырастала» из военной пропаганды. Все они за «акоммунистическое» (не за аполитическое, что вы, что вы!) воспитание Красной армии.

Пролетарская идеология против кулацкой,—так стоит вопрос, так он поставлен существующим соотношением классов и их развитием, определяемым развитием капитализма в деревне, социализма в городе. Так он уже ставится в армии.

---

1) Совершенно ту же ошибку, что и тов. Троцкий, делает тов. Городнев «Очерки Красной армии» 1924 г., стр. 66), когда утверждает, что «мы в нашей политической работе приходим к красноармейцу... с *рабоче-крестьянской правдой*, которая ему близка и которую он понимает и усваивает с полуслова». Так ли, тов. Городнев? Действительно ли с полуслова?

Материалы, поступившие за последнее время из округов, проявление кулацкой идеологии в армии уже сигнализируют.

«Непонимание сущности союза рабочих и крестьян,—пишут из одного округа,—заявления, что рабочий класс имеет больше выгод от революции, чем крестьянство. Взгляд на крестьянство, как на единый класс, и недовольство политикой расслоения, заявления, что она де только мутит деревню (*врагов*, т.-е. *кулаков* в деревне нет). Взгляд на бедноту, как на лодырей, советская власть поддерживает лодырей. Заявление, что советская власть восстанавливает промышленность за счет крестьянства».

Таковы основные кулацкие мотивы, которые в различных вариациях можно встретить по всем округам. Подобные заявления единичны и в большинстве случаев идут от кулацких элементов. Но тенденция к их наростанию имеется.

После двадцати лет длительной и трудной борьбы за влияние на крестьянство против всех партий и всех классов, большевики в 1917 году отбили (казалось, навсегда) крестьянство у эсеров. Но теперь ясно, что борьба еще не кончена. Предстоит еще действительно «последний и решительный бой» за крестьянство против кулака и этот бой начинается уже внутри армии. Наше оружие—политическая пропаганда, твердо и неуклонно направленная к тому, чтобы преодолеть кулацкую идеологию и привлечь красноармейца-крестьянина на сторону пролетариата. В этом—основная задача и цель всей политработы в Красной армии в теперешний период. И эту задачу надо ставить сегодня же.

Обстановка изменилась. Об этом изменении говорят: 1) три года нэп'а, 2) два года милиционной системы, 3) приход в армию (впервые) молодняка, уже прошедшего школу нэп'а.

Обстановка изменилась. В течение 3-х лет можно «терпеть военизаторско-культурнические» тезисы о военной пропаганде, с их стремлением оторвать политработу от коммунизма. А теперь, мелкобуржуазный «военизаторско-культурнический» уклон политработы становится вредным: культурно-просветительный под'ем красноармейца, *который безусловно необходим*, своим политическим концом обращается не в ту сторону.

Задача политработы—повернуть и культпросветработу против кулака. Не затемнять этой задачи политработы попыткой слить ее с военной пропагандой, не жертвовать ею ради культурно-просветительной работы, а подчинить военную пропаганду и культпросветработу политработе и ее задачам, «нацелить» всю работу на одну точку, «не разбрасываясь» культурнически,—словом, сделать политработу в Красной армии в полном смысле этого слова коммунистической. А это значит проводить ее на основе классовой пролетарской идеологии.

«Да ведь это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство»,—отвечает на это тов. Троцкий («Основная военная задача момента», стр. 13), цитируя из тезисов Фрунзе п. 4-й, который заканчивается именно этими словами о политической работе «на основе классовой пролетарской идеологии». «Да ведь это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство»,—восклицает тов. Троцкий [1]).

---

1) Пункт 4-й т. Фрунзе гласит: „Факт глубокого принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром—с другой, делает неизбеж-

«Вы идеалистически переоцениваете силу идеологического воспитания»,—подхватывает тов Лузгин.—(«Революция и война» 1922 г. № 14—15).

«Вы хотите превратить красноармейца в об'ект для коммунистической пропаганды»,—в ужасе восклицают вслед за авторами тезисов о военной пропаганде их последователи.

Конечно, хотим. Именно в об'ект и именно для коммунистической пропаганды. А как же иначе? Каждый господствующий класс воспитывает армию в духе своей классовой идеологии. Так было, так будет, иначе не может быть. Буржуазия воспитывает свою армию, составленную из рабочих и крестьян, в духе своей буржуазной классовой идеологии. А пролетариат свою армию— в духе коммунизма, который и есть классовая идеология пролетариата. Кричать по **этому** поводу о коммунистическом доктринерстве, как это делает тов. Троцкий, или об «идеалистической переоценке силы идеологического воспитания» (Лузгинский перевод формулы Троцкого)—это и значит обнаруживать тенденцию к отрыву политработы в Красной армии от коммунизма [1]).

Красная армия вступила в новый период своего существования. Изменились классы, изменились их отношения, изменилась политика, не может не измениться политическое воспитание красноармейца.

Не растворять политическую работу в Красной армии в «аполитичной» (без теории классовой борьбы) военной пропаганде и «беспартийной» (без коммунизма) культпросветработе, не допускать отрывка политработы от коммунизма, а направить ее на «пролетаризацию» крестьянских голов против кулацкой идеологии— такова очередная задача.

Отрыву политработы от коммунизма, вырастающему на отрыве военного дела от марксизма, пора положить конец.

ными и столкновения и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим задачей политического воспитания Красной армии является поддержание и укрепление ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом. Это боевое настроение должно закрепляться планомерной политической работой, проводимой на основе классовой пролетарской идеологии в живых «общедоступных формах».

Приведя этот тезис, тов. Троцкий продолжает:

«Здесь подход заведомо не (?) политический абстрактный, по существу неверный и опасный. Борьба между пролетариатом и буржуазией идет во всем мире. В этой борьбе либо на нас будут нападать, либо мы будем нападать. Необходимо армию держать в готовности, воспитывая ее на основе классовой пролетарской идеологии в живых и общедоступных формах. Да ведь это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство, против которого мы все возражали на прошлом заседании, когда говорили о военной пропаганде».

[1]) Тов. Троцкий говорит далее о 100% коммунистов. Откуда он взял эту цифру, мы не знаем. Называлась на основании опыта гражданской войны цифра 15—20%, как цифра, вполне обеспечивающая устойчивость части.

В. Кнорин.

Партия и рабочая демократия.

Минувший год характеризуется колоссальным ростом политической активности всего рабочего класса и началом роста политической активности широких крестьянских масс. На этой основе чрезвычайно усложнилась и расширилась наша внутрипартийная работа, получившая новый толчок в активности масс и неисчерпаемый источник сил в приливающих в партию сотнях тысяч новых членов, ищущих практического приложения своих сил. Этот богатый и плодотворный для партии год начался известной резолюцией Политбюро ЦК и Президиума ЦКК о рабочей демократии, в которой впервые были поставлены вопросы о вербовке в партию рабочих от станка, о всемерном улучшении качественного состава деревенских ячеек, направлении их по руслу культурной и политической деятельности и о повороте к широкому применению на деле принципов рабочей демократии. Все эти положения, вместе взятые, наметили годовой путь организационной работы партии и явились как-бы черновым наброском принятых ЦК РКП (б) в дальнейшем постановлений о ленинском призыве, организационном оживлении ячеек, поднятии партийно-воспитательной работы и более широком вовлечении крестьян в партию. Но основа основ резолюции 5 декабря заключалась в констатировании того факта, что «отрицательные явления последних месяцев (т.-е. сентября—ноября 1923 года) как в жизни рабочего класса в целом, так и внутри партии, как в смысле успешной борьбы с нэповскими влияниями, так и в смысле повышения ее боеспособности во всех областях работы **требуют серьезного изменения партийного курса в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии**».

В силу этого решения партия сделала решительный поворот всею своею массою под руководством своих комитетов и еще раз доказала, как организационными поворотами, передаваемыми по централизованному, проникнутому одною мыслью аппарату, партия способна одерживать победы в крупнейших и сложнейших вопросах.

Наши комитеты—наш партийный аппарат—во время прошлогодней дискуссии подвергались жестокой и несправедливой критике со стороны оппозиции. Партия не сказала, что в нашем аппарате все в идеальнейшем порядке, но на нападки ответила дальнейшим улучшением этого аппарата методами и путями, указанными в резолюции 5 декабря. Это улучшение проводилось и проводится: 1) путем приближения низового руководящего органа к рабочему от станка и, тем самым, ко всей заводской рабочей массе; 2) путем количественного увеличения состава бюро ячеек, коллективов и комитетов, преимущественно за счет рабо-

чих от станка и партработников низших звеньев; путем абсолютного и относительного увеличения в комитетах рабочего ядра (в крестьянских районах также и крестьянского) за счет служащих и интеллигентов и 4) путем усиления периодического обновления (по частям) как состава бюро ячеек, так и состава райкомов, укомов и губкомов и выдвижения новых партийных руководителей из рабочей среды.

Ленинский призыв, по которому в партию вошло почти 200.000 рабочих, и дальнейший все еще продолжающийся прилив в партию рабочих, сблизил партию со всею рабочею массою и ее насущными заводскими интересами. Для учета новых задач и проведения партийной линии в этой новой партийной среде и в близких к ней рабочих массах, нужен был новый, более широкий, близкий к цеху, аппарат. В связи с этим, был поставлен вопрос об организации цеховых ячеек. Все это подняло к партийной руководящей работе на низовых звеньях новые широкие массы рабочих. В цифрах это дает следующую картину:

Название ячейки.	Число чл. бюро в 1923 г.	Число чл. бюро в 1924 г.	Цех. яч. образ. в 1924 г.	Общее число чл. цех. яч.	Общее число „комитетчиков" на заводе.
Красный Путиловец (Ленинград)	5	15	16	97	112
Балтвод (Ленинград)	5	13	13	78	91
Прохоровская М-ра (Москва)	7	13	7	35	48
Завод „Дукс" (Москва)	7	8	5	15	23
Хим. зав. „Свобода" (Москва)	5	11	3	11	22
Большая Ив.-Возн. М-ра	7	13	6	18	31
Главные ж.-д. мастерские (Москва)	7	11	2	10	21

Общее число комитетчиков в 1923 г. 43
„ „ „ „ 1924 „ 348

Следовательно, только всего на 7 заводах на руководящую работу в низовых звеньях партаппарата было выдвинуто всего за один год 305 новых товарищей, если даже предположить, что все старые остались на месте и избранные за год не сменялись, чего на самом деле не могло быть и не было. Если, примерно, взять завод «Дукс», где 284 членов и 81 кандидат партии и 23 «комитетчика», то выходит, что из каждых 12 членов (или 16 членов и кандидатов) один «комитетчик»; по заводу «Свобода», где 101 член и 43 кандидата и 22 «комитетчика», выходит на каждых 4,5 членов (или 6,5 членов и кандидатов) по одному «комитетчику»; по Прохоровской мануфактуре на каждых 10 членов (или 15 членов и кандидатов) один «комитетчик». Эти немногие данные говорят, что мы на низу имеем, собственно говоря, не бюро, а «массовый» аппарат политических и организационных руководителей ячеек и партийной работы в беспартийной рабочей массе,

не имеющий ни малейшей возможности «оторваться от масс» (1:4,5 или 1:10) или стать над нею. Если принять во внимание, что на этих заводах члены партии, в среднем, составляют около 15—20% всей рабочей массы, то будет доказана и теснейшая связь наших бюро ячеек с беспартийной рабочей массой (1:50 или, в худшем случае, 1:100).

Для характеристики положения можно взять Зареченский район Тульской ор-ции, который состоит из 30 производственных ячеек, 3 военных и одной советской ячейки. В конце 1923 года общее количество членов бюро этих 34 ячеек было 123 чел. В результате летних перевыборов, к настоящему времени мы в их составе имеем 215 чел., т.-е. увеличение почти на половину. Из этих 215 товарищей в прежнем составе бюро ячеек состояли лишь 75, т.-е. $^{1}/_{3}$, а $^{2}/_{3}$ избраны в бюро ячеек впервые. Конечно, в связи с таким резким обновлением состава бюро ячеек, приходится отметить значительное омоложение как по партийному стажу, так и по возрасту. Если средний партийный стаж в прошлом составе равнялся 4,3 года, то теперь только 3,1 года (до 17 г.—1 ч., с 1917 г.—14 чел., с 1918 г.—18 чел., с 1919 г.—26 чел., с 1920 г.—34 ч., с 1921 г.—23 чел., с 1922 г.—12 чел., с 1923 г.—33 чел., и с 1924 г.—54 чел. и кандидатов—14 чел.).

Было бы излишне доказывать, что такой аппарат в полной мере отражает нашу партийную массу со всеми ее положительными и отрицательными чертами, является на 95—99% рабочим (в общем, в бюро ячеек % рабочих больше, чем, в общем, в районе), и не может быть создан иначе, как на основе самой полной рабочей демократии.

Теперь перейдем к промышленным райкомам и укомам. Для наглядности возьмем следующую таблицу:

Название райкома или укома.	Членов бюро в 1923 г.	Членов бюро в 1924 г.	Рабочих.		Крестьян.		Служащих.	
			1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
			в процентах.					
Красно-Пресненский (Москва)	41	61	83	82	—	6,5	17	11,4
Баумановский (Москва)	37	50	67,6	76	5,4	8	16,2	16
Зареченский (Тула)	—	31	90	94	—	—	—	—
Фабричный (Тверь)	11	25	63,6	84	18,2	8	18,2	8
Сталинский (Донбасс)	26	41	73,1	80	—	5	26,9	15
Привокзальный (Одесса)	14	28	85,7	88,9	—	—	14,3	11
Коломенский уком (Московск. губ.)	19	27	78,9	91,7	5,3	—	15,8	8,3
	148	263	—	—	—	—	—	—

Эти цифры говорят, что 7 типичных для наших рабочих организаций райкомов и укомов увеличились численно на 80% и дали почти такому же количеству активных парттоварищей,

какое раньше было выдвинуто на политически руководящую работу в райкомах, вновь в эту работу втянуться, на деле готовясь к продвижению на более высокие звенья политического руководства. Если принять, что из старых членов райкомов осталось через год не больше одной трети, то этот процесс покажется в еще более ярком виде. Партия не имеет определившегося кадра «комитетчиков» и на второй ступени, а опирается на весь актив, из которого черпает на каждых выборах все новые и новые силы.

Несколько менее значительные успехи в крестьянских уездах, хотя и здесь отмечается расширение состава укомов и значительное вовлечение % крестьян за счет служащих. Для иллюстрации приводим следующие данные:

Название укома.	Членов укома в 1923 г.	Членов укома в 1924 г.	Рабочих.		Крестьян.		Служащих.	
			1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
			в процентах					
Касимовский (Рязанск. губ.)	7	11	42,8	27,3	—	63,6	57,2	9,1
Воскресенский (Моск. г.)	9	11	77,8	54,5	11,1	9,1	11,1	36,4
Тобольск. округ (Урал)	14	17	64,3	70,5	7,1	11,8	28,6	17,7
Петропавл. у. (Сибирь)	7	11	28,6	18,2	14,2	45,5	57,2	36,3
Житомирский (Украина)	16	25	31,3	36	37	32	31,2	32

Эта таблица показывает, что в чисто крестьянских уездах (Касимовский, Петропавловский) наметился определенный процесс к вовлечению крестьян-коммунистов в руководящую уездную работу. Для партии не составляет ничего недопустимого то обстоятельство, что в некоторой части этот процесс идет за счет уменьшения относительного веса в укомах рабочих. Иначе и не может быть в таких районах, где рабочих почти нет. Но в смешанных уездах истекший год еще не дал достаточно определенных результатов. И почти недоразумением нужно считать такие факты, когда за счет рабочих и крестьян увеличивается количество служащих (Воскресенский) или когда в почти исключительно крестьянском уезде (Житомир) увеличение почти равномерно распределяется между всеми группами, но в ущерб крестьянской.

Подходим к третьему звену нашей аппаратной цепи—губкому. И здесь мы замечаем изменение того же порядка,—увеличение общего числа губкомщиков за год, приблизительно, на 80% и обновление на каждых очередных выборах состава губкома, в среднем, на $^1/_3$. Конечно, основное ядро губкома, состоящее из наиболее видных партийных, профессиональных и советских работников губернии и подобранное с особой тщательностью, переходит из одного состава в другой, но удельный вес ее в составе губкома понизился и оно опирается на меняющийся состав всего губкома, включающий в себе уже значительный % рабочих от станка.

Но больше всего устойчивости, как предполагается, должен проявить состав секретарей губкомов. Поскольку секретарь губкома играет особенно большую роль в нашей партийной работе,

вопрос об изменениях в его составе может нас особенно интересовать. Факты говорят следующее: из 32 губернских комитетов центральных губерний за год секретари сменились в 13-ти. При выдвижении новых секретарей в 8-ми случаях были выдвинуты местные работники, по происхождению преимущественно из рабочих, в 3-х случаях были выдвинуты посланные центральным комитетом для ответственной работы в губернии товарищи, окончившие курсы марксизма при Соц. Академии, в одном случае—кандидат в члены ЦК РКП (б), после выборов откомандированный в губернию, в одном случае—прибывший в губернию ответственный работник соседней губернии и в одном случае—ответственный инструктор ЦК, посланный на место. При этом только в 5 случаях избранные на секретарскую работу товарищи раньше были секретарями, а в остальных 8-ми, случаях, были впервые выдвинуты на секретарскую работу. Из этого следует, что за год секретарский состав в губкомах изменился на 40%, и на 25% на секретарскую работу были выдвинуты совершенно новые люди.

Подводим итоги беглому обзору нашего партийного аппарата во всех его звеньях.

Значительное расширение, демократизация и обновление состава организаторов и руководителей нашей партийной жизни на всех ступенях, сознание необходимости постепенного и периодического освежения состава всех партийных комитетов за счет работников, кровно связанных с широкими партийными массами рабочих (а также крестьян) вошло в плоть и кровь организации. Наши бюро ячеек, райкомы, укомы и губкомы втягивают в свой состав настолько значительную часть всей партии, что не может быть никакой речи о подмене партийного мнения организаторами руководителями, «комитетчиками». Дальнейшей задачей нашей партии является укрепление связи между отдельными звеньями нашей партийно-организационной сети и завершение начатого процесса.

* * *

«В целях борьбы с извращением партийной линии, для действительного проведения рабочей демократии и обеспечения за всей массой членов партии возможности систематически влиять на направление всей партийной политики» ЦК считает необходимым, в первую очередь, «следить за строгим проведением выборности должностных лиц с теми ограничениями, которые указаны партийным уставом и постановлениями с'ездов, считать недопустимым навязывание этих лиц организации, в частности, ЦК считает необходимым внимательно следить за проведением выборности секретарей ячеек».

Партия в этом вопросе сделала вперед большой шаг, но про окончательный успех и выполнение повсеместно и полностью этого постановления еще преждевременно говорить. В исключение из общего правила, мы иногда слышим еще такие постановления райкомов: «Мартеновского цеха уполномоченного сменить и выдвинуть Ан-ва», «листопрокаточного уполномоченного Сп-ва сменить и выдвинуть Б-на», «охраны завода уполномоченного Ш-ва сменить и выдвинуть Кир-пу». На Урале один из райкомов постановляет: «поручить orготделу подыскать соответствующую кандидатуру на должность секретаря Сильвенской ячейки», один из ленинградских райкомов постановляет «рекомендовать т. В. в качестве организатора коллектива. Можно было бы еще

значительно продолжить этот список записанных «нарушений» рабочей демократии в партии. Еще больше и уже в более высоких звеньях таких фактов остается незаписанных и «скрывающихся». Ибо то времена, когда партийное приличие позволяло говорить во весь голос про назначение и рекомендацию секретарей ячеек и райкомов и даже состава бюро ячеек и райкомов прошло и, вероятнее всего, прошло навсегда. Те пережитки прошлого, которые еще есть, скрываются, как неприличная секретная болезвь, от которой пока не нашли средств избавиться, но которую нужно лечить, а пока не вылечена, тщательно скрывать от постороннего взгляда.

Но если «болезнь» еще не изжита, то это не столько по злой воле или из-за нерадения или пренебрежительного отношения к принципу рабочей демократии и основе основ его —выборности партийных должностных лиц, сколько по бедности, малокультурности, партийной молодости отдельной ячейки, которой нужно прийти на помощь, пока она не стала еще на твердые ноги. В таких случаях «болезнь» уже не есть болезнь. Когда секретарь губкома уходит и на его место выбирается новый, обыкновенно в губкоме подпимаются разногласия на счет кандидатур. Часто руководящая группа не может, по причинам личного характера. выдвинуть из своей среды никого, кто бы пользовался достаточным авторитетом всех. Тогда начинаются предложения обратиться в ЦК РКП с просьбою о присылке в распоряжение губкома ответственного партработника, который мог бы быть впоследствии секретарем. Часто такие предложения заставляют группу, желающую непременно иметь секретаря из местных работников, пойти на соглашение и об'единиться вокруг кого-либо из местных кандидатур. Так это за истекший год было неоднократно. Но и выборы на секретарскую работу внегубернского работника ни в коем случае нельзя считать нарушением партийной демократии, также, как нельзя считать нарушением буржуазной демократии то, что Манчестер избирает своим представителем Асквита или Шотландия—Макдональда, несмотря на то, что оба они живут в Лондоне. Значительная часть партии уже в достаточной мере знакома между собою, чтобы иметь возможность подбирать себе работников и вне пределов губернии.

То же самое можно отнести и к немногим, имеющим место, случаям выборов рекомендованных свыше работников в райкомах и ячейках.

Наша выборность должна была сочетаться с подбором работников более опытных и выдержанных и с выдвижением новых—из среды рабочих масс. И это условие, как показывают вышеприведенные данные, в нашей практике находило широкое применение. Желать большего, означает желать не органических и эволюционных изменений, а серьезных нарушений нормального прогрессивного хода работы. Рабочая демократия и выборность, как одна из составных частей ее, стали практическим жизненным правилом нашей партии, так что прошлогоднюю резолюцию и прошлогодние разговоры по этому вопросу можно уже передать истории.

Но вопрос о рабочей демократии не есть только вопрос об аппарате и выборности.

«Обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики, поскольку этому не препятствуют какие-либо исключительные обстоятельства, на обсуждение ячеек и партийной массы в целом», «ввести в практику обязательную отчетность перед выбирающими их коллективами и перед широкою партийною массою», «усилить информацию членов партии путем печати и об'ездов мест со стороны членов ЦК, ЦКК, областных и губкомитетов» и т. д. Так было сказано в резолюции 5 декабря.

И что же?—За этот год наша партийная работа стала если не вполне гласной, то, во всяком случае, полугласной. Пленумы Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии проходят на глазах у всех, про них печатаются обширные стенографические отчеты, о них делаются доклады на районных собраниях и ячейках. Этим самым ряд основных вопросов партийной политики перешел на широкое обсуждение. Партийно-организационные проекты разрабатываются на широких комиссиях ЦК с участием работников с мест. Еще в совсем недавнем прошлом всего этого не было. Губкомы равняются по ЦК: если оглашаются речи, прения и решения на пленумах ЦК, то Облисткомы и Губкомы приступают к тому же; если члены ЦК и ЦКК присутствуют на губконференциях и отчитываются о работе ЦК и ЦКК, то члены ГК и ГКК делают то же самое на уездных конференциях; если генеральный секретарь ЦК информирует партию о важнейших политических задачах ее, то секретарь Губкома стремится, по мере своих сил и возможности, делать то же самое в пределах своей организации. Таким образом, создается простая цепь, связывающая ячейку с ЦК, по которой сверху вниз и снизу вверх передается политическая мысль партии и текущие лозунги партийно-организационной и политической работы.

Но эти методы демократизации партийной работы еще не установились и не определились, партия ощупью к ним только подходит, отыскивая за что ухватиться и как втянуть массы в деловое обсуждение отдельных практических вопросов. А разрешение этой задачи создаст условия, при которых все новые и новые слои партии будут втягиваться в активную, руководящую работу.

* * *

История постановления ЦК о рабочей демократии чрезвычайно поучительна. Оно было встречено прошлогодней оппозицией, недоверчиво. Тем более недоверчиво были встречены этой оппозицией методы ее проведения, внедрения ее в нашу партийную практику постепенно, ничего не разрушая и не разбивая. Отдельными этапами ее проведения являлись: ленинский призыв, усиление партийно-воспитательной работы, выдвижение новых слоев членов партии на активную работу, оживление работы производственных ячеек, потом—особое внимание к партработе в деревне. И было бы хорошо, если бы эту годовую историю большевистского партийно-организационного строительства в борьбе с лозунгами недоверия партии, ее традициям и ее аппарату серьезно изучили бы в наших партийных школах в ее исторической последовательности и законности. Это было бы не менее полезно, чем изучение истории 2-й с'езда. Не путем широких деклараций партия приступила к осуществлению рабочей демократии, а превратив ее из лозунга в практическую рабочую методу, сделав ее вспомогательным орудием для разрешения основных очередных политических задач партии.

Дм. Бухарцев.

Сотрудничество и противоречия англо-американского капитализма в плане Дауэса.

Проект Дауэса «реконструкции Европы» и установления планового начала в германском хозяйстве под эгидой американского капитала уже дал свои первые результаты. Эти результаты надо искать не в «оздоровлении» германского или какого-либо другого хозяйства, даже не в итогах выборных кампаний в Англии и Германии, а в том «великом смятении в умах», вызванном одним принятием проекта Дауэса. Это «смятение» паблюдается не только в толщах рабочего класса Германии, Англии и др. стран, но и в рядах коммунистических партий Запада, не только в низах, но иногда и в руководящих верхушках. Тов. Радек в своей статье «Устойчивость капитализма или неустойчивые коммунисты» («Правда» от 7/XI) пишет:

«Ряд коммунистов, смертельно испуганных планом Дауэса, начали под шум, произведенный этим планом, пересматривать свой идейный багаж, приспособляться к мнимому концу эры социалистической революции. Двое из них—Ньюбольд и Филипп Прайс—сделали даже политические выводы из своих размышлений, уйдя из коммунистической партии Англии».

Этот факт чрезвычайно характерен, он показывает, что по части диалектического анализа и умения разобраться в любой запутанной ситуации у наших братских компартий Запада дело обстоит не совсем благополучно. Вместо холодного, здравого анализа люди впадают в панику, в худшем случае дезертируют, в лучшем случае топчутся на месте, проявляя «энергию бездействия» или посылая приветственные телеграммы Макдональду. Возникает вопрос, достаточно ли ясен нам, российским коммунистам, весь гордиев узел дауэсовского сплетения? Кажется, что и мы, быть может потому, что все это происходит где-то там, за географическими пределами нашего Союза, не отдаем себе полного отчета в том, что представляет собой план Дауэса, это крупнейшее событие современности, имеющее непосредственное отношение и к СССР. «Смятение в умах» в верхушках компартий Запада, дышащих, так сказать, атмосферой дауэсовского плана, соответствующим образом рефлектируется и в сознании некоторых наших товарищей.

Основной проблемой, связанной с планом Дауэса и являющейся стержнем этого вопроса, является: англо-американ. сотрудничество или англо-американская коллизия. Кроме своего непосредственного мирового значения эта проблема имеет

колоссальное значение для всей нашей внешней политики и экономики. Основными козырями в нашей внешней политике являлись и являются: внутреннее хозяйственное и политическое укрепление Союза, сочувствие к СССР со стороны трудящихся всего мира и, наконец, противоречие интересов отдельных капиталистических групп. Этот третий элемент нашей внешней политики нередко приходил на помощь Советской Республике, как в первые месяцы ее существования, так и в тяжелые годы интервенции. Он имеет крупное значение и в наше время. Поэтому вопрос—является ли план Дауэса, рассчитанный на осуществление в течение ближайшего десятилетия и больше, базисом, на котором происходит примирение англо-американских противоречий или, наоборот, стимулом для углубления старых и появления новых противоречий, — представляется нам далеко не академическим.

По этому вопросу имеются различные мнения. Тов. Радек считает, что «англо-американское сотрудничество только начинается. Оно тоже кончится, сорванное противоречиями капитализма в Англии и Америке, но начала этого конца еще не видно». («Правда» 7/XI—24 г.).

Этим самым тов. Радек хочет сказать, что мы вступаем в длительный период англо-американского сотрудничества, при чем даже начала конца этой трогательной дружбы двух акул мирового империализма и не видно.

Если сделать из этого дальнейшие логические выводы, то даже при самом безнадежном оптимизме нельзя будет найти ничего утешительного ни для перспектив мировой социальной революции, ни для перспектив укрепления нашего Союза.

Две самые крупные империалистические державы, обладающие большею частью всего мирового флота, вооружения, сырья и промышленности заключили союз, закрепленный такой крупной сделкой, как план Дауэса, союз, который, по словам тов. Радека, только начинается. Не какое-нибудь непродолжительное блокирование, а союз—«начало, конца которого еще и не видно». Это пахнет для Европы не только «сиденьем на пайке», но и целым рядом более серьезных последствий [1]).

Что же является самым существенным в плане Дауэса? По нашему мнению центр тяжести всей проблемы надлежит перенести не на об'ект—Германию, а на важнейший суб'ект этого плана: на Северо-Американские Соединенные Штаты.

Соединенные Штаты выступают активно на мировом, именно на мировом, а не только на европейском и тем паче германском рынке. Это самое важное в генезисе плана Дауэса. Перманентный сельско-хозяйственный кризис, промышленная депрессия, как следствие значительного сужения внутреннего рынка и наряду с этим ломящиеся от избытка золота кладовые банков «федерал-резерва» — вот причины, толкающие С.-А. С. Ш. на так называемое вмешательство в европейские дела.

---

[1]) Известная неувязка в постановке этого вопроса чувствуется и у тов. Тальгеймера („Спутник Коммуниста“, № 8, „Международное положение“). С одной стороны, Тальгеймер указывает на то, что проведение плана Дауэса является „продуктом англо-американского сотрудничества“, с другой стороны, он признает, что превращение „Германии в американскую колонию делает страну яблоком раздора между Англией и Америкой“.

Что ищут Соединенные Штаты в Европе? Ответить на этот вопрос не так легко, как это кажется на первый взгляд. Тут имеет место взаимодействие самых противоположных тенденций и сил, действующих в различных направлениях.

Проблема послевоенных взаимоотношений Европы и Америки является осью мировой экономики и политики. Мировая империалистическая война изменила в корне соотношение сил Америки и Европы. С.-А. С. Ш. из должника Европы превратились в ее кредитора. Хладнокровно смотрела буржуазия Соединенных Штатов, как народы Европы истекали кровью в мировой бойне. Она снабжала их пшеницей, оружием и воскресными проповедями мистера Вильсона; последние, впрочем, больше предназначались «для внутреннего употребления»; С.-А. С. Ш. выжидали удобного момента, когда начнется агония одной из борющихся сторон, чтобы ввязаться в войну и незначительным усилием затянуть мертвую петлю на шее противника. Это ей удалось довольно успешно проделать.

Соединенные Штаты перекачали к себе золото из Европы и занялись своим собственным внутренним рынком, казавшимся в то время неограниченным потребителем всего того, что производила разросшаяся за время войны индустрия. Началась знаменитая эпоха невмешательства в европейские дела. Американский аллигатор, переваривая военную добычу, спокойно наблюдал как корчится в голодных муках истощенная разрушенная Европа, подкармливая ее пшеничной мукой и конденсированным молоком. Но Европа не могла обойтись без Америки, являющейся монополистом целого ряда сырьевых продуктов, без которых не может существовать европейская промышленность. Европа импортировала американское сырье, увеличивая и без того распухшие запасы американского золота. Избыток золота не спас, однако, С.-А. С. Ш. от общей участи мирового капиталистического хозяйства: кризиса внутреннего сбыта, американской промышленности пришлось подумать об интенсификации экспорта. Анализируя тенденции развития внешней торговли Соединенных Штатов Северной Америки, мы приходим к заключению, что доля Европы в общей внешней торговле Соединенных Штатов медленно, но верно понижается. С 62,3% довоенных, доля Европы падает до 54,8% в 1921—22 г., 51,4% в 1922—23 г. и 51,1% в 1924 г. Почти все государства Европы уменьшили в 1923—24 гг. свою долю участия в экспорте Соединенных Штатов в сравнении с довоенным периодом. Особенно резко это уменьшение наблюдается в отношении Германии (с 14% довоенных, доля Германии в экспорте Соединенных Штатов упала до 8,8%). В отношении Германии наблюдается уменьшение и в абсолютных цифрах. До войны Германия ввозила из С.-А. С. Ш. на сумму около 304 милл. долл., в 1923—24 гг. она ввезла из С.-А. С. Ш. на 378,3 милл. дол.; увеличение в ценностных выражениях произошло приблизительно на 24%, повышение же цен за этот период произошло на 60%, таким образом и абсолютно импорт Германии из С. Ш. уменьшился. Если сопоставить процентное увеличение экспорта Соединенных Штатов в Германию или в прочие европейские государства, которые в этом отношении не на много отличаются от Германии, с увеличением за тот же период экспорта во внеевропейские государства, получится наглядное представление о падении значения европейских государств в экспорте С.-А. С. Ш.

В 1923—24 гг. увеличили в сравнении с довоенным свой импорт из С.-А. С. Ш.:

Япония	на 541%
Китай	„ 477%
Колумбия	„ 295%
Австралия	„ 232%
Куба	„ 205%

Однако, несмотря на уменьшение доли Европы, она все же потребляет половину всего экспорта С.-А. С. Ш. Это обстоятельство об'ясняется характером американского экспорта в Европу. Анализ экспорта С.-А. С. Ш. по видам товаров позволяет нам сделать интересные выводы. *Европа является рынком для сбыта не готовых фабрикатов, а сырья и пищевых продуктов С. Ш. С.-А.* Подавляющую часть американского экспорта в Европу составляют сырьевые и пищевые продукты. Готовые фабрикаты составляют 18,4% всего американского экспорта в Европу. Если сопоставить это положение с общей тенденцией индустриализации американского экспорта (готовые товары составляют свыше половины всего американского экспорта), должно быть ясным, что не для непосредственной товарной экспансии идет американский капитал в Европу, создавая планы Дауэса для Германии, Герли для Франции и т. д.

Мощно разросшееся капиталистическое хозяйство С.-А. С. Ш. ищет внешних рынков для сбыта своих товаров. Они с каждым днем укрепляются в Азии и Южной Америке, пробиваются в Африку; Европа же, несмотря на то, что она потребляет 50% всего вывоза С.-А. С. Ш., начинает играть все меньшую и меньшую роль во внешней торговле С.-А. С. Ш.

Отношение деловых кругов С.-А. С. Ш. к Европе можно охарактеризовать следующим образом: *Европа является удобным рынком для инвестиции американских капиталов, но не имеет никаких перспектив стать рынком для сбыта американских товаров.*

Этим положением руководствуется современная «Гуверская» торговая политика С.-А. С. Ш., об этом пишут крупнейшие органы печати, это заявляют руководители крупнейших трестов.

План Дауэса, явившийся первой практикой американского вмешательства в европейские дела, подтверждает указанное положение. Чего добивается Америка осуществлением плана Дауэса? В первую очередь, план Дауэса представляет возможность американскому *финансовому капиталу инвестировать на хищнических условиях капитал в европейскую промышленность, осуществляя свой контроль над тем, как этот капитал расходуется.* Это уже частично осуществляется. Германская и американская пресса пестрит сообщениями о предоставлении нью-йоркскими банкирами кредита различным германским фирмам. По исчислениям «Бергверкс-цейтунг» этот кредит за 8 месяцев равнялся 160 милл. дол.

Значение плана Дауэса для внешней торговли С.-А. С. Ш. рассматривается с двух сторон—инвестиция американских капиталов «оздоровит» европейскую промышленность, увеличит ее спрос на американское сырье. С другой стороны—усиленный спрос на сырье отразится не только на вывозе С.-А. С. Ш., но и на вывозе различных азиатских и южно-американских стран. Это

в свою очередь вызовет в этих странах спрос на американские фабрикаты.

Начальник Европейского Отдела Американского «Департмен оф Коммерс» об'ясняет это следующим образом: «Если бразильское кофе, например, будет экспортироваться в Европу в довоенном размере, увеличится продажа американских автомобилей, машин и текстилей в Бразилию. Если Европа сумеет увеличить потребление чилийской селитры, американские промышленники и экспортеры увеличат свою долю в чилийской торговле, благодаря увеличению ее покупательной способности». («Экономист» 30/VIII—24 г.).

Еще более резко ставит вопрос о значении плана Дауэса для американской внешней торговли «Ивнинг пост», от 19/VIII—24 г. В статье, посвященной перспективам плана Дауэса, между прочим сказано: «Некоторые здоровые знатоки положения считают, что в толках о благотворном влиянии репарационных соглашений на американскую индустрию имеется не малая доля нелепостей. Эти наблюдатели признают, что восстановление экономического мира в Европе улучшит рынок для некоторых из наших сырых материалов, напрм., для хлопка и меди. Они готовы допустить, что и для некоторых полуфабрикатов последствия будут благотворны. Но совершенно сомнительно, как они утверждают, чтобы «улучшился рынок для наших готовых фабрикатов».

Характерно, однако, что в Америке начинают скептически относиться к Европе и как к рынку для сбыта сырья.

Американский Институт Экономики недавно опубликовал труд об «Американском сельском хозяйстве и европейском рынке». Автор проводит мысль, что, в связи с беспрерывным процессом восстановления сельского хозяйства в Европе, будет падать доля ввоза сельско-хозяйственных продуктов из Америки. Кроме того, автор считает, что Аргентина, Уругвай, Канада, Австралия, Южная Африка сумеют с большим успехом снабжать Европу сырьем в силу своей сравнительной дешевизны. Автор делает заключение: Америке надо искать новых рынков, помимо Европы, для сбыта своего сырья. Не пускаясь в анализ выдвинутых автором этой работы положений, надо все же признать, что мысли, высказанные им, являются симптоматичными для отношения С.-А. С. Ш. к Европе, как к рынку сбыта своих продуктов.

Значительно большую роль играет Европа в экспорте Англии, в особенности в ее реэкспорте. Британский экспорт в Европу в 1913 году составлял 34,65% общего экспорта, а реэкспорт в Европу 56,18% всего реэкспорта. В фискальном году, кончая 30 июля 1914 года, экспорт в Европу составлял 34,02%, а реэкспорт—69%.

Английский экспортер оценивает европейский рынок иначе, чем это делает американский. Европейские рынки являлись и являются существеннейшими рынками для английской экспортирующей промышленности. В плане Дауэса, поскольку он должен восстановить покупательную силу Германии. Англия заинтересована, по поскольку этот план может интенсифицировать германский экспорт, она против него.

Весь характер плана Дауэса, все отдельные пункты контроля над промышленностью, над железными дорогами и над бюджетными поступлениями говорят об одном: С.-А. С. Ш. намерены создать в Германии своеобразный «Гинтерланд». Если раньше под

«Гинтерландом» мы подразумевали колонию, являющуюся рынком сбыта готовых фабрикатов метрополии, то теперь мы имеем более утонченную форму колониальной политики: колонизацию промышленных стран. Германия становится не потребляющим, а производящим «Гинтерландом». Надо вдуматься в то, что представляет собой Германия и тогда станет ясно, почему туда так тянет американский промышленный и финансовый капитал. Германия представляет собой в настоящее время технически наиболее развитую страну Европы с большим кадром высококвалифицированных рабочих со сравнительно с другими странами низкой оплатой труда [1]). Самое характерное для германской промышленности это то, что она имеет сравнительно новый основной капитал. Во время инфляции, падения германской марки, шел лихорадочный процесс роста органического строения германского капитала. Вводились новые технические усовершенствования, открывались новые цехи и мастерские, которые или совсем не нагружались или нагружались в незначительных размерах. Германский капиталист стремился инвестировать имеющиеся у него марки в машины и постройки, дабы обезопасить себя от последствий ее обесценения, т. н. «Flucht in Sachwerte» — бегством в вещные ценности. Понятно, что этот процесс отразился на сужении оборотного капитала. Таким образом, мы имеем в Германии огромную фабрику, построенную по последнему слову техники с совершенно новыми машинами. Эта фабрика не может производить, так как у нее не хватает оборотных средств для закупки сырья и не может сбывать, т. к. у нее не хватает средств для предоставления кредита своим покупателям.

Американская промышленность, как мы уже указывали выше, тоже подошла вплотную к проблеме товарного экспорта. Правда менее остро, чем в Германии, но и для нее экспорт является существенным вопросом (The key to prosperity, ключ к благоденствию, как называют в Америке внешнюю торговлю). У Америки нет недохватки в оборотных средствах, наоборот мы имеем там непрерывное падение учетного процента, избыток денег, но серьезным препятствием для экспорта американских фабрикатов является их сравнительная дороговизна, которая при сопоставлении с высокой валютой превышает цены конкурентов Америки. Все эти обстоятельства, как германские, так и американские, толкнули Соединенные Штаты на путь колонизации Германии. Тем более, что колонизация промышленной страны при дан-

---

[1]) По данным Mitteleuropäische Wirtschaft (статья проф. Вольфа от 17/X—24 г. сравнительная высота заработной платы по отдельным странам следующая:

	Строит. раб.	Машино-строит. раб.	Печатн.	Среднее.
Англия	100	100	100	100
Германия	52	44	43	53
Бельгия	58—63	71	56	62
Америка	263—197	203	181	196
Чехо-Словакия	69—76	111	—	87
Австрия	47—49	49	36	45

Мы видим, что заработная плата германского рабочего значительно ниже и американского и английского. Германский рабочий уже теперь получает в 4 раза меньше американского.

кой об'ективной политической ситуации в Европе куда проще, чем колонизация какой-нибудь отсталой страны. Американскому капиталу нет надобности ни посылать вооруженные отряды, ни проделывать целый ряд предварительных работ для того, чтобы сделать возможным промышленную инвестицию капитала, постройку фабрик и т. п. Тут дело обстоит значительно проще: скупается большинство акций необходимых предприятий, берется под контроль бюджет и внешняя торговля, общая хозяйственная жизнь страны регулируется комиссаром железных дорог и дело в шляпе, можно приступать к осуществлению «организованного капитализма» по Гильфердингу издания 1924 г.

Если к этому помахать еще пальмовой веткой пацифизма, произнести несколько трогательных «спичей» по поводу восстановления Европы, мобилизовать десяток-другой социал-демократов для соответствующего «пацифизирования» рабочих, можно считать исчерпанными все подготовительные работы и приступить к реализации намеченного плана.

В чем заключается этот план? По нашему мнению он сводится к следующему: американский капитал, захватывая в свои руки командные высоты германской индустрии, несомненно вве_ет тут своеобразную плановость. Он заставит германскую индустрию производить то, что нужно Америке для экспорта в азиатские и южно-американские страны. Это будет своеобразный «демпинг» дешевых германских товаров, разбавленных с американскими товарами [1]) и направленных к тому, чтобы закрепить гегемонию С.-А.С.Ш. на целом ряде азиатских и других рынков.

За чей счет произойдет укрепление Соединенных Штатов на азиатских, австралийских, южно-американских и прочих рынках? Тут нужно опять вернуться к внешней торговле Соединенных Штатов Северной Америки.

При своем появлении на мировом рынке молодая индустрия Соединенных Штатов Северной Америки столкнулась в первую очередь с «владычицей морей»—Англией. Поскольку до войны внешняя торговля занимала в общем торговом обороте Соединенных Штатов незначительное место, соперничество между ними и Англией не могло принять каких-либо серьезных размеров. Англия имела более крупного врага—Германию. После войны, когда германский экспорт был почти скинут со счетов мирового рынка, на первый план выдвигается конкуренция между английскими и американскими товарами. Англии угрожает опасность оказаться вытесненной не только из сфер своего товарного влияния, но и из ее собственных доминионов, благодаря усиленной финансовой и, главным образом, товарной экспансии С.-А. С. Ш. Во время войны, когда английская метрополия была занята производством на оборону, целый ряд колониальных и полуколониальных стран, снабжавшихся ранее Англией, частью перешли на «самоснабжение», проделав стремительный процесс индустриализации, частью перешли под опеку американского торгового капитала. С.-А. С. Ш. наводнили своими товарами почти все рынки земного шара. Процесс товарной интервенции С. Ш. шол «крещендо» до 1920 г. Этот год тяжелого внутреннего экономического

[1]) Приблизительно по тому же методу, как предлагали наши сторонники товарной интервенции во время дискуссии.

кризиса, повернувшего руль политики С.-А. С. Ш., в сторону внутреннего рынка и известного пренебрежения к внешней торговле, дал возможность Англии в последующие 1921—22 г.г. частично отвоевать назад уступленные позиции, без особого сопротивления со стороны С.-А. С. Ш. Но вот начинают ощущаться подземные толчки грядущей депрессии 1924 г. Все мысли американской промышленности снова обращаются к спасительной внешней торговле. Начинается новая эра «Гуверской» торговой политики, наступления американских товаров в Азию, Африку, Австралию и Южную Америку, рынки, где Англия еще до сих пор не сумела восстановить своего довоенного могущества. Открывается новая эпоха конкурентной борьбы между Англией и Америкой, которая ощущается почти на всех рынках земного шара. Отсутствие места не разрешает дать здесь полную картину этой борьбы. Все же некоторые наиболее яркие цифры можно привести. Начнем с Латинской Америки, где С.-А. С.Ш. являются как-будто неограниченным хозяином рынка. Если это положение отчасти верно в отношении Центральной Америки и северных государств Южной Америки, то в отношении таких стран, как например, Аргентина, Бразилия, Чили, этого сказать нельзя. В этих странах идет отчаянная борьба между Англией и С.-А. С. Ш. за преобладание на рынке. Возьмем к примеру Бразилию, где, между прочим, 60% всего инвестированного капитала приходится на долю Англии. До войны Великобритания ввозила в Бразилию 24,5%, а С.-А. С. Ш. 15,7%. После войны преобладающее значение получили С.-А. С. Ш. В 1922 году Англия снова занимает первое место ввоза—23% всего импорта, а С.-А. С. Ш.—19,8%. В 1923-м году Англия ввозит 24%, а С.-А.С.Ш. 20%. Итак, в сравнении с довоенным импортом, доля Англии уменьшилась, а доля С.-А. С. Ш. увеличилась. Англия принимает все меры к отвоеванию рынка. На Дальнем Востоке соотношение сил в настоящем склоняется в пользу Англии, но сопоставление современных данных с довоенными говорит за то, что С.-А. С. Ш. постепенно вытесняют Англию из крупнейших рынков сбыта. Возьмем к примеру Китай: до войны Англия ввозила с Гонконгом 56% всего импорта Китая, а С.-А. С. Ш. 6%, в 1923 году Англия ввозила лишь 13%, Гонконг 26%, а С.-А. С. Ш. 16,5.

Данные об импорте в Шанхай за первую четверть 1924-го года дают весьма интересную картину: весь импорт в Шанхай оценивался в 3 050 тыс. таэлей, из которых 27% падало на С.-А. С. Ш., 25% на Великобританию, 22,5% на Германию и 14% на Японию.

Та же картина наблюдается и в Японии: в 1913-м году Великобритания и Британская Индия ввезли 42,3% всего японского импорта, а С.-А. С. Ш. 16,8%. В 1923 году Британская Индия ввезла 15,4%, Великобритания—12%, а С.-А. С. Ш.—23,8%. В первые шесть месяцев 24 года в связи с восстановленными работами Японии доля С.-А. С. Ш. в японском импорте дошла до 30%.

Австралия немногим отличается от приведенных выше стран: Доля С.-А.С.Ш. в импорте Австралии поднялась с 13,7% довоенных до 24% в первые три месяца 24 года, в то время, как доля Англии уменьшилась с 52% довоенных до 45% в первые три месяца 24 года. В Новой Зеландии доля экспорта С.-А. С. Ш. увеличилась с 9% в 1913-м году до 23% в 22-м году. В отношении импорта автомобилей соотношение сил в пользу С.-А. С. Ш. В 1923 году С.-А. С. Ш. ввезли 85% всего импорта автомобилей в Новую Зеландию, Англия—4%.

Из немногих данных, приведенных здесь, создается уже некоторое представление о конкуренции между Англией и Америкой. Критерием исхода этой борьбы является дешевизна и стандарт товаров. Чьи товары будут дешевле и больше удовлетворять запросы рынка, тот окажется его хозяином. Одного политического влияния тут мало, да и оно само уменьшилось[1]). Доминионы стали достаточно самостоятельными, хотя бы в отношении выбора продавцов товара. Это факт, с которым приходится считаться экспортирующим метрополиям. Не следует, однако, делать отсюда выводы, что здесь имеются «фритредерские» уклоны. Наоборот—после войны мы наблюдаем расцвет протекционизма, правда в новой «нео-меркантилистической» форме. Коррективы, внесенные после-военной экономикой в старую меркантилистическую политику относятся, главным образом, к колониям.

Старые методы метрополии, запрещавшие колониям вести торговлю с чужими странами не могли применяться после того стремительного процесса индустриализации, который был проделан колониями во время и после войны. Колонии, главным образом английские, перешли к собственной таможенной системе, имеющей «воспитательное» значение для их молодой промышленности. Эти «воспитательные» пошлины больно ударяют, как по английскому, так и по американскому экспорту, и быть может по английскому больше, чем по американскому, несмотря на систему предпочтительных для Англии пошлин, существующих в ряде доминионов. Это об'ясняется тем, что в колониях развились как раз те отрасли индустрии, чьи товары составляют конкуренцию английским товарам. Туземная прядильная промышленность Индии и Австралии боится конкуренции Ланкашира в первую очередь.

Таким образом, борьба в мировом экспорте ведется между тремя серьезными элементами: английским экспортом, экспортом С.-А. С. Ш. и протекционистической политикой индустриализованных колониальных стран. В тех колониях, где нет политического превалирования Англии, последняя и Соединенные Штаты находятся в одинаковых таможенных условиях и вопрос решается соотношением цен и стандарта товаров[2]). В тех колониях, где Англия сумела добиться некоторых таможенных льгот для своих товаров, вопрос о дешевизне товаров приобретает для С.-А. С. Ш. еще более важное значение. Необходимо заполучить массу товаров настолько дешевых, чтобы даже при льготной для Англии разнице они смогли бы создать серьезную конкуренцию для английских товаров.

Одной из характернейших особенностей американского экспорта является его узкая «типовая стандартизация», заключающаяся в том, что вместо разнообразнейших видов одного и того же товара, производится всего лишь несколько типов. Наиболее ярким примером являются фордовские автомобили. Эта «типовая стандартизация» имеет свою положительную и отрицательную сторону. Положительная сторона заключается в том, что, благодаря «стандартизации», проводимой на основе полной механизации и

---

[1]) Ллойд-Джорж уже в 1921 году констатировал этот факт, сказав „До войны Доунинг-Стрит (улица, где помещается Английский Миниидел) надзирал за доминионами, теперь доминионы надзирают за Доунинг-Стритом.

[2]) Конечно, значительную роль играют и инвестированные капиталы, но данном случае этот момент для нас не имеет существенного значения.

машинизированного разделения труда, достигается значительное удешевление товаров. Отрицательная сторона заключается в том, что, как правильно указывает Леви [1]): «американцы неспособны к конкуренции там, где их стандартизированным товарам противостоит дифференцированный своеобразный спрос, требующий продуктов определенного качества». Наиболее серьезным конкурентом Америки в этой области является Англия, обращающая главное внимание на качество своих товаров.

У американской промышленности как-будто нет исхода. Экспортировать товары необходимо, на это толкает сужение емкости внутреннего рынка. Необходимое расширение экспорта может произойти лишь за счет вытеснения Англии. В этой борьбе и надо суметь применить какой-нибудь таран, если нельзя столкнуться грудь с грудью. Роль этого тарана сыграет «домпинг» германских товаров не только дешевых, но и приспособленных к борьбе с английскими товарами.

Серьезным дефектом во всем этом плане является недостаток сырьевых запасов Германии, отторгнутых Версальским договором и находящихся в распоряжении Франции и ее вассала Польши. Однако, и с этим злом справляются хитроумные янки. В первую очередь германская промышленность будет снабжена необходимым американским сырьем (хлопком, медью и т. п.). Таким образом, будет в известной степени решен вопрос экспорта американского сырья.

С другой стороны, проект Герли говорит за то, что будет произведена соответствующая операция с Францией. Почему бы и Францию не подчинить своему влиянию? Тем более, что это вовсе не так трудно. Если Германия является политическим вассалом Антанты, то Франция является вассалом Моргана, он может ее обесценить, не прибегая к таким жестоким мерам, как требование немедленной уплаты долгов, а просто выпустить в оборот те запасы французских франков, которые хранятся в его кладовых. Францию, следовательно, можно заставить войти в синдикат производителей товаров для С.-А. С. Ш. Соединение германского угля и французской стали,—первый шаг на пути к осуществлению этого плана. Вполне прав т. Сталин, когда он пишет:

> «Американский капитал заинтересован в финансировании франко-германской промышленности, в наиболее рациональном ее использовании, например, в духе комбинации французской металлургии с германской угольной промышленностью. Едва ли можно сомневаться в том, что американский капитал использует свои преимущества в этом именно наиболее выгодном для него направлении. Но думать, что Англия помирится с таким положением—значит не знать Англию, не знать того, до чего дорожит Англия интересами своей металлургической промышленности» (Большевик № 11. «К международному положению»).

Ведь не даром вокруг создания международного стального треста развивается такая оживленная дискуссия в заграничной прессе. «Комите де Форж» и американские стальные тресты в лице Гери, представителя «Юнайтед Стейтс Стиль» и Шваба, председателя «Бетлегем Стиль» отрицают факт переговоров. Все дело ве-

---

[1]) Герман Леви. „Основы мирового хозяйства". Москва. Рабочий 1924, стр. 125.

дется в строжайшем секрете, при чем в прессе защищаются различные версии. Мы лично присоединяемся к той версии, которая говорит об америко-германо-французском об'единении для борьбы с английской стальной промышленностью. Америка набрасывает уже основные пункты соответствующих организационных форм проведения в жизнь ее плана. Америка продолжает снабжать займами французскую и польскую промышленность. А верховный плановый орган всего дела: *синдикат для финансирования предприятий Европейского континента* «Америкен энд Континенталь Корпорейшен», в который входят, по сообщению «Франкфуртер Цайтунг», такие фирмы, как: «Интернейшенел Акцептенс Бенк», «Куп Лоб и К°» «Дилон Рид энд К°». «Фармерс ЛООН энд Трест Компани», «Ньюиорк Трест», «Маршал Фильд Компани» и «Норд Америкен Компани» постепенно втягивает в сферу своего регулирования необходимые отрасли промышленности.

Утвердившись в германской промышленности, американский капитал приступит к ее регулированию и планированию в соответствии с интересами отдельных отраслей промышленности С.-А. С. Ш. Имея в своих руках железные дороги и большинство акций важнейших предприятий, не трудно будет влиять на судьбы *всей* германской промышленности. Развитие целого ряда отраслей промышленности будет поощряться, другие отрасли сокращаться и даже закрываться в зависимости от того, где для американского капитала будет выгоднее производить тот или иной продукт: в Америке или в Европе. Мы имеем уже такие прецеденты в отношении политики американских трестов, хотя бы в Южной Америке. Знаменитый трест «Анаконда Майнинг Компани», владеющий целым рядом медных рудников в Чили и Перу, предпочитает закрывать свои медные рудники в Северной Америке с тем, чтобы интенсифицировать более доходную добычу меди в указанных странах [1]).

За этим процессом «плановой» организации германской промышленности надлежит наблюдать внимательнейшим образом. Трудно, конечно, предсказать, на какие отрасли промышленности падет Дамоклов меч сжатия и сокращения, и, наоборот, развитие каких отраслей будет интенсифицироваться. Некоторые гипотезы в этой области все же можно наметить. Нам представляется, что в первую очередь унификация германо-американского экспорта произойдет в тех отраслях промышленности, где происходит наиболее ожесточенная конкуренция между Англией и Америкой. Таковыми мы считаем: стальную, железную, текстильную и машиностроительную промышленность. Затем известный блок будет заключен между молодой, возникшей в военные годы, американской промышленностью, как например, химической, оптической и научно-инструментальной и соответствующими отраслями германской промышленности. Такие отрасли германского хозяйства, как производство автомобилей, паровозов и вагонов, вряд ли будут субсидироваться американским капиталом.

Теперь попробуем проанализировать основной вопрос, который нас интересует в данной работе. Где и каким образом осуще-

[1]) В Канаде также наблюдается скупка старых и возникновение новых предприятий, проводимое американским капиталом для того, чтобы воспользоваться „Бритиш преференшл Акт", предоставляющего в некоторых колониях преимущества товарам, произведенным в Великобритании.

ствляется сотрудничество между Англией и Америкой, которому рядом товарищей придается такое большое значение?

Мы указывали уже выше, что Англия заинтересована в восстановлении Европы, как одного из крупных рынков сбыта английской индустрии. Но восстановить Европу, в частности Германию, можно лишь за счет усиленного товарного экспорта из Германии... Если даже откинуть в сторону наши гипотезы об унификации германского и американского экспорта, а считаться лишь с самостоятельным выходом Германии на внешний рынок, без которого она не может платить репарации, то и тут создастся угроза английскому экспорту [1]). Ясно, что появление на мировом рынке массы германских товаров, могущих конкурировать с другими товарами, благодаря предоставленным Америкой оборотным средствам, в первую очередь ударит по народному хозяйству Англии, ибо для нее экспорт играет, пожалуй, не меньшее значение, чем для Германии (английская экспортная промышленность особенно ощутительно испытывает безработицу—60% общего числа безработных падает на экспортирующую промышленность).

Итак назревает вопрос: является ли план Дауэса стимулом сотрудничества англо-американского капитала, или наоборот, он в своем зародыше таит семена нарастающей коллизии между этими двумя титанами?

Попробуем присмотреться к внутренним силам Англии и их роли в плане Дауэса. Для схематичности разделим эти силы на 2 части: на банковский и промышленный капитал. Мы имеем на это право, поскольку в Англии процесс «сращивания» банковского и промышленного капитала гораздо слабее, чем в других странах, в частности в С.-А. С. Ш.

Кто принимал участие в Лондонской конференции, принявшей план Дауэса? Представителями Англии явились агенты «Биг-Файф», пяти крупнейших английских банков во главе с Робертом Киндерлеем—директором «Бенк оф Ингленд» и Мак-Кенна. Интересы Англии, таким образом, защищались представителями чисто банковского капитала. Представителями же С.-А. С. Ш. были агенты крупнейших промышленных трестов, а также банковских организаций. Единение, которое было достигнуто на Лондонской конференции между Англией и Америкой под давлением личного присутствия Пирпонта Моргана и Юза, сводилось к *предоставлению* английским банкам некоторой посреднической *роли в финансировании германской* промышленности. Дело в том, что до войны С.-А. С. Ш. никогда не занимались экспортом капитала в крупных суммах за границу, а тем паче в Европу. Не делали они этого и во время войны. Лишь в самое последнее время начинается финансовая экспансия за границу. С.-А.С.Ш. не имеют для этого ни соответствующего живого и мертвого аппарата, ни соответствующей сноровки. Американский финансист осторожен, почти труслив. Он очень дорожит легко нажитыми капиталами и предпочитает вместо того, чтобы самому лезть «не спросясь броду» в различные комбинации, пользоваться посредническими услугами опытного в этих делах английского банковского капитала. *В этом техническом сотрудничестве и состоит та*

[1]) Тов. Варга считает: „обязательным условием успеха трансферта (перевод реализованных сумм в счет германских репараций) активное сальдо германского торгового баланса в размере более 6 миллиардов золотых марок в год.

эра англо-американского единения, о котором так трубят. Вполне понятно, что эти ингрессивные связки чрезвычайно слабы и как только американский финансист-промышленник почувствует под собой твердую почву, он откажется от любезных услуг англичан. Здесь необходимо также подчеркнуть один очень характерный момент. В то время, когда в С.-А. С. Ш. мы наблюдаем полную гармонию мысли и действия в отношении плана Дауэса промышленной и финансовой буржуазии, добиться которой в Америке нетрудно, благодаря значительной роли банков в промышленности и персональной унии, которая имеет место в этих важнейших отраслях народного хозяйства, в Англии мы наблюдаем совсем другое. Если верхушка финансовой олигархии втянута в сферу влияния американского капитала, то промышленность, в особенности экспортирующая, далеко не согласна с планом Дауэса по причинам вышеуказанным. Целый ряд английских промышленников, как например. представитель английской стальной и железной промышленности, Ларке, указывают на то, что план Дауэса есть «начало новой обостренной экономической борьбы и конкуренции [1]).

Если сопоставить все эти факты с конкурентной борьбой между Англией и Америкой, о которой говорилось выше, с тенденцией американизирования английских доминионов, с борьбой нефтяных трестов Англии и Америки, станет ясным, что об англо-американском сотрудничестве говорить трудно.

План Дауэса не только не затушевывает этих противоречий, но, наоборот, обостряет их.

> «Конференция в Лондоне не разрешила ни одного из старых противоречий в Европе, но зато дополнила их новыми противоречиями, противоречиями между Америкой и Англией» (Сталин. К Международному положению).

За развитием этих противоречий надлежит следить с неусыпным вниманием, ибо они имеют существеннейшее значение как для нашей внешней политики, так и для перспектив социальной революции.

Необходимо остановиться в нескольких словах на непосредственном влиянии плана Дауэса на революционное рабочее движение. Тут мы опять встречаемся со сплетением сил, действующих в отдельных странах в различных направлениях. Наметим вкратце перспективы, как они нам мыслятся в каждой отдельной стране. В первую очередь реализация плана Дауэса придавит всей своей тяжестью германский рабочий класс. Соединенный германо-американский капитал поведет самое неприкрытое наступление с целью превращения его в колониального кули. Первым делом будет сделано поползновение увеличить рабочий день и снизить и без того мизерную рабочую плату. Иллюзии, создавшиеся было в германском рабочем классе, рассеются при непосредственном соприкосновении с «демократическо-пацифистской» действительностью эксплоатации американской метрополии. Быть может медленно, но с железной необходимостью рабочий класс Германии начнет приходить к убеждению, что ожесточенная борьба со своими германскими и американскими хозяевами неизбежна.

[1]) Против плана Дауэса высказалась и такая крупная организация, как „Бритиш Форин энд Колониал Корпорейшн Лмтд" в лице своего представителя Сарваси.

Для американского революционного движения реализация плана Дауэса явится значительным тормозом в его и без того медленном темпе. Из колоссальной сверхприбыли, которая будет получаться американскими капиталистами как в Германии, так и колониях, отвоеванных Америкой у Англии, кой-какие подачки будут перепадать и квалифицированной верхушке рабочего класса, подкупая ее на сторону капиталистов. С другой стороны, система выпуска дешевых акций в частности в сфере заграничных инвестиций должна будет тоже соответствующим образом охлаждать революционный темперамент трудящихся Америки.

Более быстрым темпом пойдет революционизирование рабочих масс Англии, которая будет вынуждена в результате плана Дауэса сократить свой экспорт, должна будет снова почувствовать неудобство растущей безработицы. Английская промышленность будет вынуждена за отсутствием рынка сбыта и переполнения мирового рынка дешевыми германо-американскими товарами сократить размеры производства, и удешевить оставшееся производство за счет снижения заработной платы. Понятно, что все это послужит лишь на пользу изживания реформистских иллюзий, живых еще сегодня в английском рабочем классе.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Ив. Теодорович.

Тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса.

Вобла оказалась зубаста: затвердила „наоборот"—и баста!

Демьян Бедный.

Многие из читателей наверно позабыли мою статью против т. Берзтыса, а потому т. Марецкий, ретиво впрягшийся в колымагу т. Берзтыса, с некоторым успехом может утверждать, будто моя заметка написана в состоянии «гнева» и «острого неудовольствия». Беру небеса во свидетели, что это—неправда. Когда я следил, как тов. Берзтыс, пробирающий партию за «небрежное отношение к аграрной теории», важничал в качестве аграрного теоретика,—меня не покидало самое веселое состояние духа. И мне сперва даже не приходило в голову, что ему нужно ответить.

Но—выдам авторскую тайну—меня пристыдил тов. Бухарин. В том же 7—8 номере «Большевика» я прочитал такие строки: «Мы массу теряем от того, что какой-нибудь «коммальчишка» об'являет себя всезнайкой, когда он ничего не знает» (стр. 24). Так и быть,—сказал я себе,—придется взяться за перо и терпеливо «раз'яснить дело» тов. Берзтысу и читателю. В меру своего умения я и выполнил работу.

При этом—грешен—позволил себе посмеяться, правда, в очень немногих местах своей статьи. Тов. Марецкий статистически подсчитал, что таких мест всего 6 в «длиннущей статье». (Он очень обязателен, этот тов. Марецкий!) Но насмешка—она действует! Еще Герцен говорил: «Заставить улыбнуться над богом Аписом это значит расстричь его из священного сана в простые быки. Превращение—пренеприятное! Немудрено поэтому, что тов. Марецкий решил вышибить клин клином и попытался подтрунить надо мной. (Он очень сообразителен, этот тов. Марецкий!). Но присмотримся к стилю его подтрунивания. Вот вам пример. Я назвал свою статью: «Много шуму из ничего». Т. Марецкий тотчас же чрезвычайно «находчиво» парирует: «Еще больше шуму». (О, он за словом в карман не полезет, этот тов. Марецкий!). Но он не только находчив,—он и пунктуален. Не Берзтыс, а вы, тов. Теодорович, поднимайте шум,—так примерно говорит мой оппонент,—ибо в статье Б. всего 5 страничек, а у вас—14. Я подавлен этим доводом, но осмелюсь все же заявить: даже на пяти страницах можно так напутать, что потом не распугаешь и на четырнадцати. Это раз. А, во-вторых, дело всего только одной минуты «тяпнуть» по стеклам, как «тяпнул» Б., а вставить потом их и убрать осколки—штука длинная. Но, думается,

справедливые люди признают, что шум-то произвел «тяпнувший», а не «починявший».

В таком же духе «язвит» тов. Марецкий и далее. Он корит меня за выдержки из «художественно-сатирической литературы» и вслед за мной занимается тем же и много усерднее. Честь и место! Кстати сказанное острое слово—вещь превосходная. Только нужно, чтоб это острое слово было свежим и непотрепанным. Но т. Марецкий вытаскивает из своего бутафорского склада такие номера, как «фонтан красноречия», «Марию, бедную Марию», «Перерепенку», «прутковские камешки», т.-е. то, что слонялось и слоняется по миллиардам журнальных и газетных статей третьего сорта на протяжении доброго полустолетия. Правда, подает он «горячо», но от этого «старушки» не выигрывают. И именно поэтому, когда я читал его строки, мне вспоминались слова Осиповича-Новодворского: «Он говорил так красиво, так умно, так благородно, что в голову неотступно лезла мысль: почему это так долго не подают чаю».

Да, он не торопится «с чаем», т.-е. с сутью дела, этот тов. Марецкий, и тем задерживает и нас с читателем. Он продолжает рыться в своем бутафорском старом хламе. В известном актерском анекдоте режиссер орет на декораторов: «Что вы, чорт вас побери, подсовываете мне лунную ночь и дубовую рощу! Давайте гром! Куда девали гром?».

У тов. Марецкого тоже нашелся «гром» и даже с «молнией», осветившей «темную проделку» пишущего эти строки. Жаль терять время на пересказ его разоблачения. Пусть читатель не полепится перечитать стр. 107 и 108 его статьи. «Почему,—восклицает тов. Марецкий,—для посрамления Берзтыса, критикующего Кондратьева, т. Теодорович цитирует «критикуемую им (т. Берзтысом) книгу», т.-е. другого автора из этой же книги—Огановского. Это-де «ноздревский» поступок. Сердито, но до последней степени несправедливо. Во-первых, сам Б. (стр. 108 № 7—8 «Большевика») говорит о «книге», о «рассматриваемом труде» (а не об одной статье Кондратьева). Кончив свой разбор факторов, Б. заключает: «Таким образом, авторы ограничились и т. д.» (стр. 111) (NB: не Кондратьев ограничился, а авторы). Во-вторых, в моем ответе Берзтысу я пишу черным по белому в самом начале, что «статьи Кондратьева и Огановского не являются их индивидуальным творчеством, что основные положения статей разработаны и обсуждены полным составом Земплана». Одно из двух: или Земплан не свел концов с концами, и два автора, пишущие в его «трудах», противоречат друг другу, или работа является цельной, т. к. авторы выражают единое мнение Земплана. Но Б. ни звуком не заикнулся о противоречии между авторами, да такого противоречия и нет. Поэтому в ответ на мрачную иронию тов. Б. о «плодитесь и размножайтесь», как относящуюся к мнимому прогнозу будущего Земпланом, я процитировал книгу Земплана в том месте, где говорилось о ближайшем будущем, об опасности аграрного перенаселения. Не сомневаюсь, что тов. Марецкий слышал кое-что о том, как «количество переходит в качество», и даст себе труд понять, что рост населения из «стимула прогресса» при известных условиях превращается в его тормоз. Может быть, теперь тов. Марецкий поймет, почему забывший про диалектику Берзтыс подсунул Земплану (ибо—повторяю—единственным автором книги является

Земплан) вывод, против которого нужно было протестовать. Нельзя было позволить Берзтысу доискиваться в сердце и уме Кондратьева о том, о чем Земплан ясно сказал в статье Оганонского. Да,—гремит и свой страшный бубен тов. Марецкий,—но вы не назвали имени Оганонского.—Простите, но я точно указал страницы книги.—Да, но вы рассчитывали на забывчивость и незнание читателя.—Простите, но я имел в виду не такого читателя, который читает «ковыряя в носу», а интересующегося сутью полемики.

Извиняюсь, что мне пришлось так долго убирать со стола соль, просыпанную тов. Марецким при его упражнении с «громом» и «молнией». Ведь упражнялся-то он на целых двух страницах. Даже представил дело «полуалгебраически». Он чрезвычайно обстоятелен, этот тов. Марецкий! Ведь недаром же—черт возьми—Кант говорил: «В каждом знании лишь столько науки. сколько в нем математики». Впрочем, справедливость обязывает все-таки сказать, что он ограничился только алгеброй, до геометрии не дошел, диаграмм и графиков не представил. Почему он остановился на полпути,—положительно не знаю.

После всей этой бутафории тов. Марецкий, наконец, подает и «чай», т.-е. переходит к сущности спора. Последуем за ним и мы.

Когда я читал тов. Марецкого, мне все время казалось, что он, как чеховский «Моисей Моисеевич,—точно его тело разломалось на три части,—усиленно балансировал и всячески старался не рассыпаться».

Но—шутки в сторону! Совершенно серьезно посмотрим, «рассыпался» или «не рассыпался» мой оппонент.

Читатель помнит, что, разобравши возражения т. Берзтыса, я нашел, что они неправильны, ибо продиктованы упрощенным, вульгаризованным марксизмом. Дело было не в защите «Трудов Земплана» во что бы то ни стало, а в отражении несостоятельных нападок. Я сказал ясно: «*такая* критика—плохой помощник» (стр. 104, № 14). Разумную критику всякий приветствует, а критика недоброкачественная действительно мешает делу. Теперь на сцену выступает тов. Марецкий. И вот хочется спросить: что же во всем ли он солидаризируется с Б.? Повидимому, во всем, ибо по адресу т. Б. он не сделал *ни единого замечания*. Мне это облегчает задачу.

Тов. Марецкий считает, что вопрос о народонаселении был «центральным предметом спора» между мною и Б. Это неверно: дело было сложнее. Разобрав «Труды Земплана», Б. указал два момента: 1) Земплан неправильно считает самым главным фактором с.-х. эволюции фактор народонаселения и 2) основным фактором является не плотность, а «нечто совсем другое». Словом, как пошутил бы Герцен, Земплан утверждал, будто «ведьмы из Нежина», тогда как он, Берзтыс, отрицает это и думает, что «ведьмы из Киева». Я возразил Берзтысу так, во-первых, Земплан вовсе не считает фактор народонаселения основным, а во-вторых, и берзтысовское «нечто другое» тоже не основной фактор, и что вообще—«ведьм не бывает». Тут-то тов. Марецкий и потерял душевное равновесие. Но давайте разберемся по пунктам.

Пункт первый. Отвергнув земплановскую «ведьму» народонаселения (продолжаю утверждать—мнимую, Земплану навязанную), Берзтыс свою «ведьму» описал в таких словах: «*основ-*

ным фактором, определяющим общее направление развития сельского хозяйства, является крупное промышленное производство, в системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности» (стр. 112). Вот центральный пункт берзтысовской постановки вопроса. Я назвал этот пункт «совершенно неприличной каррикатурой на марксистское учение» [1]). Прав я или не прав, т. Марецкий? Вы молчите, вы хотите увильнуть от ответа, шмыгнуть в подворотню. Нет, это вам не удастся! Простите за грубое выражение, но я буду держать вас за шиворот,—без всякого «гнева», но достаточно крепко. Итак, говорите или во всяком случае выслушайте такого свидетеля, как тов. Бухарин. В том же 14 № «Большевика», где я журил т. Б., Бухарин пишет: «*Развитие промышленности есть функция всего народного хозяйства, и обе части народного хозяйства (сельское хозяйство и промышленность. Ив. Т.) находятся во взаимодействии и взаимно оплодотворяют друг друга*» (стр. 32). А на стр. 28 он еще раз говорит «*о взаимозависимости и взаимной обусловленности*» с.-х. и индустрии. Очевидно, что формула Бухарина на голову разбивает формулу Берзтыса. Выводить последнюю из первой было бы так же глупо, как если бы кто-нибудь другой вывел из бухаринской тезы примерно такое положение: «*Основным фактором, определяющим направление развития крупного промышленного производства, является сельское хозяйство, в системе которого крупная промышленность составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития сельского хозяйства*».

Как дым, растаял этот берзтысовский «основной фактор».

Небезынтересно сообщить, по какому поводу выставил Бухарин свою формулу. Он громит тех, кто «нашу политику величает «народнической» (любопытный штришок: Берзтыс указывал на засилье народнических аграрников в НКЗ—совпадение довольно-таки подозрительное! И. Т.), кто держится «нелепой, узкой, цеховой, промышленной точки зрения». Бухарин утверждает, что *ошибки таких коммунистов как раз и «опираются на непонимание того факта»*, который он констатирует в своем вышеприведенном тезисе. Я спрошу теперь, понимает ли т. Б. *этот факт*? Из его центрального положения явствует с несомненностью, что не понимает, и что мы имеем достаточное основание зачислить и самого Б. к числу сторонников «нелепой, узкой, промышленной» точки зрения. Что это, по всей вероятности, так,—будет еще яснее из дальнейшего. Поэтому довольно курьезно звучал у Б. совет Земплану оказать гостеприимство его «киевским ведьмам».

[1]) Нет дыма без огня. Сведущий читатель заметит, что застилающий глаза „дым“ Берзтыса идет от „огня“ одной формулы из черновой тетради Маркса, а именно из „Введения к критике политической экономии“ (См. стр. 32 сборника „Основные проблемы полит. экономии“). Не говоря уже о том, что Б. безбожно извратил эту формулу. он очевидно ничего не знает о тех уточнениях, которые даны были впоследствии как самим Марксом (см. хотя бы „Капитал“, т. I, стр. 772 и т. III,—стр. 154—155), так главным образом, работами Ленина и Каутского.

Пункт второй.—Берзтыс писал: «Исходя (NB) из перспектив развития нашей промышленности... мы могли бы дать нужное теоретическое обоснование своим представлениям о желательном развитии с. х.» (стр. 112). Я назвал это положение «чистейшим вздором». Я привел цитату из резолюции ЦК о том, что надо исходить не из развития промышленности, а из развития с. х. Кто же прав, т. Марецкий, я или Берзтыс? Вы согласны с ним? В таком случае можно констатировать, что наши Аяксы ближе к тов. Преображенскому, чем к Бухарину (см. его «Новое откровение о советской экономике») [1].

Пункт третий.—Опорачивая ставку Земплана: 1) на «кооперирование крестьянских масс», 2) на «развитие самодеятельности и хоз. инициативы населения» и 3) на «обеспечение условий накопления материальных ценностей в с.-х.», тов. Берзтыс—не моргнув глазом—выпалил: «к диктатуре... эти основные положения не подходят» (стр. 112). Не больше, не меньше.

Вопроса о «кооперировании масс» я коснусь ниже, в четвертом пункте, в связи с «социалистическим оазисом» т. Берзтыса. Теперь остановлюсь на втором и третьем положении Земплана. Насчет «развития самодеятельности населения» заслушаем мнение все того же тов. Бухарина: «Методы управления «ревкомами» или «партячейками» были пригодны в военный период. Теперь на этом далеко не уедешь. Нужна и внизу такая форма управления, которая... способствовала бы вовлечению наиболее активных элементов в советскую работу, перекладывала бы на них частицу ответственности за управление государством, воспитывала бы их на опыте местных дел и местных нужд к роли управления государством и втягивала бы их в обсуждение все более широких проблем хозяйственного и политического строительства» (курсив мой. «Большевик», № 14, стр. 34—35). Немного страшно за Бухарина: ведь мрачный Берзтыс утверждает, что все это «к диктатуре не подходит». Но спросим его друга—жизнерадостного тов. Марецкого: что вы скажете по этому поводу? И, наконец,—о «накоплении в с.-х.». В «Новом откровении о советской экономике» («Правда» № 284) Бухарин пишет: «Преображенский не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве». Не понимает этого и тов. Берзтыс: к диктатуре, дескать, это не подходит. Что скажет на этот счет тов. Марецкий? Почему он молчит?

Пункт четвертый.—Диктатура,—говорит Берзтыс,—должна все усилия (NB: все усилия!!! И. Т.) направить на расширение социалистического оазиса в производстве» (стр. 112),—очевидно в производстве сельскохозяйственном. По этому поводу я сказал: «Здесь мы можем констатировать полнейшую потерю перспективы» и сослался на Ленина с его ставкой на кооперацию (стр. 102, № 14 «Большевика»).

[1] Небезынтересно мнение тов. Сокольникова. Вот что он пишет в „Правде“ № 297—1924 г.: „В прошлогодней дискуссии тов. Троцкий и его сторонники противопоставляли свой план организации планового руководства денежной реформе, которую выдвинул Ц. К. На самом же деле именно денежная реформа обеспечила возможность правильного планирования в государственном хозяйстве, а вместе с тем и планирования в крестьянском хозяйстве... Они (т. Троцкий и его сторонники. И. Т.) исходили (как предлагает нам „исходить“ т. Берзтыс. Ив. Т.) только из узких интересов государственного хозяйства, не понимая его хозяйственной и политической связи с крестьянским хозяйством“.

Тов. Марецкий, как и во всех предыдущих пунктах, сохраняет гробовое молчание по вопросу, прав ли был я в этом очень и очень важном случае. Вызовем еще раз тов. Бухарина в качестве свидетеля. Вот, что он утверждает в «Новом откровении»: «К социалистическому производству на земле мы придем... путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию» и дальше: «Вместо (как у Берзтыса: «взамен» положений Земплана. Ив. Т.) этого тов. Преображенский выставил второстепенные по своему значению и непосредственно производственные с.-х. коммуны («Социалистический оазис» Берзтыса. И. Т.). Слона т. Преображенский не приметил». Я выразился почти так же о Берзтысе: «Гвоздя» совершенно не видит т. Берзтыс» (стр. 102). Что скажет тов. Марецкий по тому поводу, что его alter ego советовал «все усилия» диктатуры направить на «второстепенное» дело? Неужели он не признает, что его друг—плохой, очень плохой советчик? И не находит ли тов. Марецкий, что Берзтыс обнаруживает все более и более подозрительное сходство с... тов. Преображенским.

Пункт пятый.—«Диктатура... держится на союзе пролетариата и беднейшего крестьянства»—твердит Берзтыс. Я раз'яснил ему ошибочность его позиции. Дело сейчас не в «беднейшем крестьянстве», а в блоке с основной массой крестьянства, как становым хребтом советского сельского хозяйства. Для нас, партийных земельных работников, этот вопрос давно уяснен. И с чувством живейшего удовлетворения мы прочли как «Новое откровение», так и «Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока» тов. Бухарина. Что скажет тов. Берзтыс по тому поводу, что т. Бухарин ни в той, ни в другой своей работе и не ставит даже вопроса о «беднейшем» крестьянстве? Не подпал ли т. Бухарин под влияние «народнических аграрников»? И не выручит ли Берзтыса из беды его тень, тов. Марецкий?

Пункт шестой.—О «факторе населения». До сих пор, как мы видели, т. Марецкий упорно молчал—в ущерб истине, которую нам нужно найти. Теперь же он становится особенно говорлив и—тоже... в ущерб истине.

На стр. 110, т. Марецкий провозглашает: «Что фактор народонаселения важную роль играет, на эту святую истину никто не покушался». Гм... Гм... Вряд ли Берзтыс поблагодарит своего «выручателя» за такое признание. Если читатель помнит, Берзтыс рассуждал о роли фактора народонаселения примерно так, как чеховский Мелитон—о роли «птицы» в грядущей погибели мира: «Может и правда, что скоро конец света, а только нельзя по птице судя. Это навряд, чтобы птица могла обозначать». Теперь оказывается—«обозначает»! Но если фактор народонаселения играет важную роль в развитии сельского хозяйства, то это значит, что нельзя об'яснить это последнее, если не принять во внимание упомянутый фактор. А между тем т. Берзтыс утверждал: «рост населения совершенно не пригоден для

объяснения под'ема с.-х-ва или его регресса» (стр. 110). Возьму какой-нибудь конкретный пример, чтоб т. М. схватил, в чем тут дело. По Марксу, абсолютная рента создается двумя условиями: 1) низким строением земледельческого капитала и 2) монополией частной собственности на землю. Представим себе, что строение с.-х. капитала поднялось до соотношения, существующего в промышленности. Тогда, — говорит Маркс, — абсолютная рента исчезнет, хотя бы частная собственность осталась. («Письма», стр. 134, пер. Адоратского). Если б какой-нибудь мудрец воскликнул по этому поводу: «Значит, низкое строение есть «основной» фактор образования абс. ренты»,—он жестоко ошибся бы, так как, напр., в кирпичном производстве есть низкое строение капитала, но нет ренты, ибо нет монополии частной собственности. Тогда наш мудрец непременно сказал бы: «Значит, монополия частной собственности есть истинный «основной» фактор—но увы!—и это было бы неверно. Если бы на помощь нашему мудрецу пришел т. Кондратьев и сказал бы: «Напрасно вы ищете какой-то основной фактор, т. ч. существование ренты вызывается одновременно и низким строением и монополией, т. е. «совокупностью органически связанных между собой условий»,— наш мудрец—предполагаю—язвительно заметил бы: «не подсовывайте мне «демократии факторов», убирайтесь к чорту с вашими «равноправными членами единой семейки!» Но он был бы неправ: «основного» фактора он здесь все-таки не отыщет.

Теперь предположим, что кто-нибудь, скажем, т. М., заявил бы: «Да, строение земледельческого капитала в вопросе о ренте играет важную роль», а другой бы, скажем, т. Б., заметил: «Фактор строения капитала совершенно не пригоден для об'яснения ренты», то было ли бы между ними согласие? Разумеется, решительно никакого. Как же осмелился бойкий т. М. утверждать, что никто не покушался на святую истину о важной роли фактора народонаселения, если Б. заявил категорически о «совершенной непригодности» его в деле об'яснения развития сельского хозяйства. Как видим, наш «Моисей Моисеевич» балансирует с большой опасностью для своей жизни. Но идем дальше. Для об'яснения развития с.-х. Земплан выдвинул такие факторы: народонаселение, разделение труда между городом и деревней, диференциация районов, улучшение техники с. х., рынок, индустрия. Берзные, исходя из убеждения, что «демократическая республика факторов»—это дьявольское наваждение, подчеркнул, что надо избрать «основной фактор». Отвергнув кандидатуру на этот пост «фактора народонаселения» (повторяю еще раз—никем из Земплана не выдвигавшуюся; я ниже к этому еще вернусь), он поддержал кандидатуру «крупного промышленного производства». Но случилась беда. Споря я при помощи цитат из Ленина и Каутского, а затем т. Бухарин (покорнейше прошу читателя припомнить мой «пункт первый» в настоящей статье) решительно отвели эту кандидатуру и она провалилась. Я положительно уверен, что тов. Марецкий не решится пойти против т. Бухарина и поддержать «избирательный вкус» своего друга. Так как все остальные факторы скромно воздержались от избирательной борьбы, то мы с т. Марецким очутились перед фактом, самым печальным, самым ужасным: Междуцарствие!!! Нет «основного» фактора!!! Неужели и теперь, как в примере с абсолютной рентой, прав т. Кондратьев, предостерегавший от поисков основного фактора[1])? Но здесь т. Марецкий уж окончательно выходит из себя: «марксизм есть принципиально с ног до головы монистическая концепция», а вы подсовываете «старинную, давным-давно марксизмом осмеянную буржуазную «теорию факторов» (стр. 111). «В самую центру шельмец метит»,— говорили в таких случаях на Растеряевой улице Гл. Успенского. Не теряйте равновесия т. Марецкий! Балансируйте поаккуратней! Дело раз'яснится. «Юнкер Шмидт! Честное слово—лето возвратится».

Да, марксизм действительно с ног до головы монистическая концепция. Но вы не понимаете, в чем заключается его монизм. Вы не знаете, что такое старинная «теория факторов».

Прежде всего отмечу, что, благодаря неустановившейся терминологии, часто слово «фактор» употребляется в различных смыслах. Энгельс говорит: «Имеются бесчисленные взаимоскрещивающиеся силы, бесконечная группа параллелограммов сил». И вот «фактором» мы одинаково называем и единичную первичную силу, и диагональ самого нижнего параллелограмма и диагонали высших параллелограммов, составленных из диагоналей низших и т. д. Поэтому мы говорим, например, экономический, политический и т. д. фактор и это же слово употребляем, например, так: монополия частной собственности есть фактор существования ренты. В этом употреблении слова «фактор» в двояком смысле т. Марецкий совершенно не отдаст себе отчета. Когда говорят о «теории факторов», это слово употребляется в первом «социально-историческом», как выражается Плеханов, смысле. Кондратьев же говорил о «факторе» во втором смысле.

Что же заявляет марксизм о «факторах» в первом значении?

Он утверждает, что на базисе—«состояние производительных сил»,—воздвигаются факторы: экономический, политический, правовой (вырастающие на данной экономической основе), психический и идеологический[2]). Будучи «следствием» базиса, эти «факторы» сами становятся причиной и в этом качестве оказывают крайне важное промежуточное действие и друг на друга, и на базис. (Тов. Марецкий приставал ко мне с вопросом, как я понимаю промежуточное действие, в частности фактора народонаселения. В предыдущей фразе дан ему исчерпывающий ответ). В чем ошибки «теории факторов»? Не в том, как думает т. М., что любой фактор, согласно этой теории, взаимодействует с любым из других факторов (слово «взаимодействует» тов. М. произносит с особой язвительностью). Факт взаимодействия и взаимозависимости есть непреложнейший факт[3]). Ошибки этой теории в другом: во-первых, она не подозревает, что «факт взаимодействия факторов (курсив Плеханова)... еще вовсе не решает вопроса об их происхождении» (Іс. 68); во-вторых, в том, что

[1]) Я категорически прошу т. Марецкого указать, ввиду такого печального оборота событий, что же является наконец основным фактором развития сельского хозяйства. А так же прошу ответить прямо, является ли „монистической" или „плюралистической" приведенная мной в прошлой статье формула Ленина: „стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкурренции, рост индустрии"?

[2]) См. Плеханов. „Основные вопросы марксизма", стр. 63.

[3]) В своей „Теории исторического материализма" т. Бухарин пишет: В каждое данное время общественные явления связаны друг с другом... Эта связанность, взаимная обусловленность самых различных общ. явлений бросается в глаза", (Стр. 144).

ей приходится допускать «предустановленную гармонию» в развитии факторов,—а это абсурдно; в-третьих, в том, что она—логически—должна доискиваться, какой из факторов (эконом., полит., психологич. и т. д.) является «господствующим»—а это нелепо[1]. «*Самый вопрос о том, какой фактор господствует в общественной жизни, кажется им* (*марксистам*) *неосновательным вопросом*», ибо *они пришли к «замене теории факторов... синтетическим взглядом на общественную жизнь*» (Плеханов т. VIII, стр. 241 245». Итак, даже здесь при трактовании «фактора» в социально-историческом смысле поиски господствующего, «основного» фактора марксизм считает нелепостью[2]. Что вы скажете по этому поводу т. Марецкий?

Для Земплана, не академического, а только научно-практического учреждения, вопросы, затронутые в предисловии к Zur Kritik, стояли, разумеется, в стороне. Для него уровень развития производительных сил есть данность, общество—тоже данность. Ему нужно было *конкретно* об'яснить факт эволюции с. х. СССР в конкретной обстановке. В этой работе сталкиваешься вплотную именно с «базисом», который берешь, как данность, и с обусловленными им «экономическими отношениями» (надстройка первого порядка). Внутри этого «экономического фактора» изучаешь энгельсовские «взаимноскрещивающиеся силы» и ищешь диагонали «параллелограмма сил». Здесь еще более необходимо то, что Плеханов называл «синтетическим взглядом».

Нисколько не боясь возможного с вашей стороны обвинения в том, что Лениным я прикрываю Кондратьева (т.-е. Земплан) я все же утверждаю, что мы не разошлись с указаниями учителя. Вот, например, что он говорит: «Диалектика требует всестороннего-(NB) учета *соотношений* (NB) в их конкретном (NB) развитии» (т. XVIII, 1 ч., стр. 57). И далее: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все (NB) его стороны, все (NB) связи и «опосредствования» (NB). Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности (NB) предостережет нас от ошибок и от омертвения» I. с. 60). Если не задаваться целью во что бы то ни стало искать «английскую интригу», то нужно признать, что Кондратьевская «совокупность *органически*[3]) (NB) связанных между собою условий» и хотела сказать только то, что Ленин называл: «*все* стороны, все связи и «*опосредствования*» (т.-е.—«промежуточное действие» И. Т.), а также то, что Плеханов назвал «синтетическим взглядом».

[1]) Тов. Б. и М. тоже усиленно доискиваются „господствующего фактора". Не принадлежат ли они,—сами того не сознавая,—к той разновидности сторонников теории факторов, которые пытаются спасти ее, отыскав „основной фактор"?

[2]) У меня нет больше времени останавливаться на этом. Отсылаю читателя к „Основным вопросам марксизма", „О материал. понимании истории", „В защиту экономического материализма"—Плеханова.

[3]) Что этого слова „органически" совсем не понял тов. Марецкий—заключаю из его иронических кавычек. Но оно ясно указывает не на „самостоятельность" отдельных факторов, а „на родство" их, а родство дается общностью происхождения от единого „предка", т.-е. состояния производительных сил. И вообще эта формула: „*совокупность органически связанных между собою условий*"—доводит т. М. до белого каления „ортодоксальности". Что он скажет по поводу следующей формулы: „Понимание *того, что совокупность процессов природы* (*и общества* И. Т.) *находится в систематической связи*, побуждает науку повсюду, как в частностях, так и в целом, *раскрывать эту связь*»? Знает ли т. М. кому принадлежит эта формула?

Чтоб закончить с нашим шестым пунктом, остается только отбить еще одну атаку т. М. на Земплан: дело в том, что, несмотря на неудачу т. Б., Марецкий продолжает утверждать, будто Земплан считает-таки фактор народонаселения самым главным. Забраковав, очевидно, те цитаты из Кондратьева, которые делал Б., М. выискал новую, не назвав, впрочем, страницы. Я помогу читателю: это 15 стр. «Трудов Земплана». Нельзя утаить печального *факта*, что и М. не побрезговал приемом т. Б.: исказил цитату тем, что оборвал ее на самом интересном месте. Он не перепечатал следующих слов: «Однако наш анализ причин был бы неполон и неверен, если бы мы *особенно* (NB. NB.) не подчеркнули значения факта восстановления рынка (стр. 15). Человек придирчивый стал бы, прочитав эти слова, упрекать Кондратьева в том, что основным фактором он считает... скорее рынок, а вовсе не «народонаселение». А т. М., не поморщившись, восклицает: «На долю фактора народонаселения у проф. Кондратьева приходится довольно таки жирный кусочек»[1]). Почему же—все-таки спрошу я—вы злорадствуете по этому поводу? Ведь вы же признаете святую истину о важной роли народонаселения? Ну, какая же это будет важная роль без «жирного кусочка»? Большой затейник, этот тов. Марецкий! Но и жирного «кусочка» ему показалось мало. Через пять строчек наш «кусочек» вырос в целый кусок («повидимому самый главный фактор»), а затем даже в огромный кусище («имеет тенденцию быть главнейшим фактором с.-х. динамики») (стр. 112). Наблюдая, как «бутылки и пребольшие» превращались в «ведра сороковые», я вспоминал слова пастуха все у того же Чехова: «Эвона... там при отце моем речка текла, а теперя, погляди, куда ее нечистые занесли. Меняет русло и гляди, доменяется до той поры, покеда совсем обсохнет».

Пункт седьмой. Т. Марецкий спрашивает меня: «Возможно ли дать правильную оценку... перспектив развития с. х. СССР, не касаясь процессов внутрикрестьянского расслоения? И возможно ли наметить верно «систему гос. мероприятий», не опираясь на предварительный анализ подобных процессов? И разве неизвестно, тов. Т., что *здесь, именно здесь* (*в вопросе о дифференциации*) *лежала та грань, которая разделяла аграрников-марксистов от аграрников иного толка*?» (113). Тот же вопрос ставил и т. Б. Заявляю, что не ответил я в свое время т. Берзтысу исключительно из-за спешки, потому что ответить было бы мне очень легко. Делаю это теперь. *В июне месяце* вышел 5 выпуск «Трудов Земплана»—за *месяц до статьи Берзтыса* и за 6—*до статьи М.*,—так что, как увидит читатель, наши критики не имеют права считать себя «спасителями отечества»[2]). Что же мы там находим? На стр. 12 чи-

[1]) Разумеется, тов. М. ни гу-гу, о том, что Земплан оценивал роль фактора народонаселения совершенно так, как Каутский. См. цитаты из него в первой моей статье.

[2]) Выпуск называется „Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства". Весь текст выпуска писан Кондратьевым от первой до последней буквы. А имени его нет, и предисловие подписано: „Земплан". Почему это так? Я расскажу. Когда появился первый выпуск с именами Кондратьева и Огановского, до меня дошли нарекания сотрудников Земплана насчет того, что коллективная работа подписана индивидуальными именами. Эти нарекания были совершенно справедливы, и я тогда же распорядился впредь выпускать книги за коллективной подписью. Из этого факта, между прочим, еще раз можно увидеть, как несправедливы были нападки Б. и М. именно на Кондратьева, как неуместно и некорректно было чтение его задних мыслей.

таем: до сих пор говорилось о тенденциях развития сельского и крестьянского хозяйства, как чего-то целого. Но в действительности крестьянское хозяйство было далеко неоднородно. Оно было дифференцировано и т. д.» (отсылаю читателя к книге). Итак, «грань» между марксистами и Кондратьевым в этом вопросе исчезла.

Наконец, М. подчеркивает, что Ленин ориентировал весь процесс кооперирования по социалистической линии, а Кондратьев этого будто бы не делает. Берем стр. 35 и читаем: «Задача развития производительных сил сельского хозяйства требует реформы самого строя индивидуалистического хозяйства в направлении к его коллективизации. Первым реальным массовым методом в этом направлении необходимо признать прежде всего кооперирование процессов производства и сбыта крест. х-ва». Неужели, тов. М., вы будете после этого отрицать, что К. совершенно следует линии Ленина? Какой пассаж! Б. и М. скажут: мы не читали пятого выпуска. Примем это во внимание, но заметим, что так как Кондратьев не мог измениться с февраля месяца (время написания 1-го выпуска) к маю (дата 5 выпуска), то ясно, что все заподазривания по адресу Кондратьева были просто ребячьими придирками, что наши критики слишком поспешили со своими выводами, хотя еще в первом выпуске К. дважды (стр. 23 и 35) предупреждал, что построение системы мероприятий есть задача дальнейшей проработки вопроса.

Словом, с предвзятой мыслью подошли к этому очень талантливому и очень добросовестно служащему соввласти ученому, который еще не пришел, но неуклонно идет к марксизму, что может подтвердить всякий, ближе его знающий. Вот почему особенно безвкусной и глубоко несправедливой является выходка Марецкого о «Змие» и о «Марии». Разве только ради «молодого задора» можно простить ее. Вот почему в ответ на развязное предложение мне: «Будьте начеку и лучше следите за «внутренней инерцией» буржуазных профессоров»—я приведу слова Ленина: «Задача коммунистов... подходить к специалистам науки и техники... чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор... Коммунист, не доказавший своего уменья об'единять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестного, изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца» (XVIII, 88).

И я недоумеваю, зачем понадобилось т.т. Берзтысу и Марецкому добровольно зачисляться в «эти дюжины».

Да, марксизм, как вольтеровский бог, предпочитает тех, кто колеблется его признать, тем, кто его компрометирует.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Бубнов.

Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма.

(По поводу книги т. Ваганьяна).

Мы переживаем такое время, когда на сцену снова вышло слово «ревизия». Правда, те, кто работает под знаком «ревизии», представляют из себя генералов без армии, но все же партия не может пройти мимо этих попыток. Тов. Ваганьян в своей только что выпущенной книге о Г. В. Плеханове, находится под сильнейшим влиянием этого «духа» времени. Поэтому мне представляется необходимым подвергнуть разбору книгу тов. Ваганьяна именно с этой стороны.

Считаю нужным оговориться, что поднимаемое в настоящее время из архивных ящиков литературное наследство Ленина раскрывает перед нами ряд новых сторон в жизни, работе и борьбе основоположника ленинизма. А одновременно с этим тов. Ваганьян приступает к ревизии роли Ленина в истории русского марксизма, которая неизбежно приводит к неправильному истолкованию различных моментов в истории выработки Лениным основ своего мировоззрения.

Книга Ваганьяна посвящена Плеханову, но попутно автор касается и деятельности Ленина,—именно там, где она протекала совместно с Плехановым. И в этих пунктах от книги В. Ваганьяна нередко отдает самым бесцеремонным и легкомысленным искажением позиции В. И. Ленина. Я остановлюсь на следующих трех моментах, имевших не малое значение в истории русского марксизма: 1) на борьбе Плеханова и Ленина с так называемым «легальным марксизмом» и его представителями (П. Струве и К-о), 2) на борьбе Плеханова и Ленина с «экономизмом» и 3) на разногласиях между Плехановым и Лениным при выработке проекта программы нашей партии.

Тов. Ваганьян в своей книге пишет: «Долгое время Плеханов не обращал внимания на Струве и на иных легальных марксистов. Даже позже, в эпоху «Искры», на неоднократные предложения Ленина ответить Струве—он отвечал отказом, ссылаясь на то, что он ничего нового по сравнению с тем, что говорили до того разного толка ревизионисты, не говорит».

«Но взяться за ответ все-таки пришлось, ибо критические упражнения Струве стали совершенно неприкрытым походом против идей революции, против диктатуры пролетариата. В этих блестящих статьях, уничтожающе критикующих «наших критиков», дано много чрезвычайно ценных теоретических страниц» [1]. Из-

[1] В. Ваганьян, Г. В. Плеханов ГИЗ. 1924 г. стр. 308—9.

вестно, что против Струве выступал с резкой критикой никто иной, как Ленин. Тов. Воровский в своей брошюре «К истории марксизма в России» так характеризовал роли Плеханова и Ленина в борьбе с легальным марксизмом,—«с определенной и резкой критикой струвизма выступил К. Тулин (Н. Ленин) в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве». И далее он писал—«менее определенную позицию занял другой представитель революционного крыла марксистов—Н. Бельтов» (Г. В. Плеханов)[1].

О том же самом писал в свое время и тов. Зиновьев. В книжке «Из истории нашей партии» он так характеризовал выступление Плеханова и Ленина против «легальных марксистов»: «И величайшая заслуга, отчасти Плеханова, но гораздо большая заслуга Ленина заключается в том, что уже тогда, в конце 90-х годов, они стали выступать на борьбу против «легального марксизма»[2]). На ряду с этим тов. Зиновьев в таких выражениях характеризовал «оттенки» выступления Плеханова и Ленина против Струве: «Плеханов тоже полемизировал со Струве, но полемизировал академически. Плеханов вообще был академик и теоретик. Он брал книгу, как книгу. Как чистый литератор, он вел преимущественно словесный спор. Он говорил автору: у тебя вот тут-то и там-то промахи, но он не умел нащупать живой нерв, как нащупал его у Струве Ленин. Ленин первый почувствовал, что этот самый Струве завтра будет сторонником буржуазии, что завтра он будет превозносить уже не прогрессивные стороны капитализма, а станет прямо прославлять капиталистов, что завтра он просто продастся капиталистам. Ленин первый подчеркнул это, первый резко отмежевал подлинный революционный марксизм от «легального марксизма»[3]). И едва ли какие-либо новые документы заставят нас пересматривать эту характеристику «оттенков» в выступлениях Ленина и Плеханова против Струве и его единомышленников. Тов. Ваганьян думает, очевидно, иначе, ибо он в своей книге подвергает коренному пересмотру вышеуказанную точку зрения. Он изображает дело таким образом, что наиболее последовательную, наиболее ортодоксальную и наиболее непримиримую позицию по отношению к струвизму занимал не Ленин, а Плеханов.

Рассматривая вопрос о струвизме, тов. Ваганьян пишет: «Все это (т.-е. то, что наиболее опасным врагом рабочего класса были либеральные критики революционного марксизма. А. Б.) Плеханову было хорошо известно задолго до того, как он выступил публично против Струве, и решение о необходимости провести точное размежевание с новым либерализмом созрело в нем еще в конце 90-х годов, о чем свидетельствует В. И. Ленин».

В записи «О том, как чуть не потухла Искра» он рассказывает, что одним из основных принципиальных вопросов, по которым наметились расхождения между ним и Плехановым, был вопрос о том, пригласить или нет Струве и Туган-Барановского в качестве сотрудников предпринимаемого журнала[4]).

«Итак,—добавляет т. Ваганьян,—Ленин и Потресов полагали, что Струве «идет к нам». А что оказалось на деле? На деле,

[1]) См. Орловский. К истории марксизма в России. Изд. 1919 г. (стр. 30-3.)

[2]) Г. Зиновьев. К истории нашей партии, издан. 1919 г. (стр. 11).

[3]) Там же, стр. 12.

[4]) Ваганьян, Г. В. Плеханов. № 2, стр. 229—30.

Струве оказался человеком, уже «осознавшим» себя, чувствующим представителем определенного политического течения, который хотел равноправного участия в журнале. С точки зрения Струве единственно приличным modus vivendi оказалось именно такое равноправие, что, разумеется, ни в какой мере не входило в расчеты Ленина».

«Такой исход переговоров нужно было предвидеть, он был заложен в характере того критического похода, который предпринял Струве против Маркса. Но Ленину нужен был еще предметный урок, и он его получил»[1]).

Вот как изображает дело тов. Ваганьян. И здесь уже становится ясным, куда намерен направить тов. Ваганьян свой «ревизионистский» пыл. Здесь уже начинаешь понимать, что им владеет некая предвзятая «теория», которая делает его совершенно глухим к голосу действительных исторических фактов. Оставим пока тов. Ваганьяна наедине с его «теорией». Обратимся лицом к историческим фактам.

Известно, что в самом конце 90-х и в начале 900 годов громадное значение для строительства нашей партии Ленин придавал созданию общерусской политической газеты. В имеющих появиться в III номере «Ленинского сборника» статьях Ленина, написанных им в Сибири в 1899 году, еще более отчетливо выявляется то значение, которое Ленин придавал созданию такой газеты. В статье «Наша ближайшая задача» Ленин выдвигает задачу единой «централистической партии», которая покончила бы с «кустарничеством», с «узкой местной раздробленностью» и с «узкой кружковщиной». В этих целях Ленин и выдвигал план организации «правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа». «Организация революционных сил, — писал Ленин,—дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных форм и правил ведения дела, без установления через посредство центрального органа ответственности каждого члена партии перед всей партией».

Выдвигая эту идею, Ленин придавал ей исключительное значение. Он утверждал, что на осуществление этой насущнейшей задачи необходимо «сосредоточить все силы партии—все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и проч.». При этом Ленин подчеркивал, что все формы деятельности партии, все формы революционной борьбы, как-то «местная агитация, манифестации, бойкот, травля шпионов, травля отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и проч.», теряют «девять десятых своего значения, если они не об'единяются в центральном органе всей партии. Ленин прямо утверждал, что «без революционной газеты у нас невозможна никакая широкая организация всего рабочего движения». Тов. Ленин представлял себе, что такая газета должна быть общерусской, должна быть политической и в то же время должна быть, как он выражался, «в то же время и передовым демократическим органом». Отсюда понятно, какое значение придавал Ленин снабжению такой газеты различным политическим материалом, характеризующим полити-

[1]) Ваганьян Г. В. Плеханов, стр. 231.

ческую жизнь всей страны, всех ее классов, групп и политических образований. В статье «Наша программа» Ленин писал: «Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию и тогда она станет непобедимой». Исходя из этого, он говорил, что «социал-демократия видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных». Общерусская политическая газета и была нужна Ленину, между прочим, и потому, что при отсутствии такой газеты эта задача, как он говорил, «почти не исполняется».

«Только общий орган партии,—утверждал Ленин,—последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа. А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя в современной России, крупнейшую политическую силу».

Приехав в 1900 году из ссылки за границу, Ленин главнейшей своей задачей ставил создание именно такой общерусской газеты, которая смогла бы выполнить насущную задачу момента, выдвигаемую Лениным в то время перед местными партийными организациями. Подготовку к созданию такой газеты—«Искры» Ленин начал в России и с исключительной энергией и напряжением продолжал и за границей. Создание такой газеты Ленин не мыслил без участия группы «Освобождения Труда», Плеханова в первую очередь. При этом Ленин, придавая громадное значение для газеты политического материала, стремился привлечь к сотрудничеству П. Струве и М. И. Туган-Барановского.

На совещаниях, которые происходили за границей в связи с организацией «Искры», этот последний вопрос являлся спорным. В «записи» Владимира Ильича, озаглавленной им «Как чуть не потухла «Искра», он, между прочим, в таких словах касается этого вопроса: «Были «трения» и по вопросам тактики журнала: Г. В. (Плеханов) проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть е л и к о в о з м о ж н о снисходительны к Стр(уве), ибо м ы с а м и не без вины в его эволюции: мы сами и Г. В. (П л е х а н о в) в т(ом) ч(исле) не восстали тогда, к(ог)да надо было восстать (1895, 1897). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, о т с т р а н я ю щ и м и, а не раз'ясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта . . . . дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, ч(то) в 1895 г. ему, Г. В. (Плеханову), будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!). Зачем обманывать себя, уверяя, ч(то) в 1897 г. (когда Стр(уве) писал в «Нов(ом) Сл(ове)» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма, он, Г. В. (Плеханов), не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Г. В. (Плеханов) старался в спорах представить его так, будто мы не хотим беспощадной войны со Стр(уве), будто мы хотим «все примирить» и проч.».[1]). Вот как обстояло дело. А увлеченный своей, неизвестно из каких источников, подчеркнутой схемой, тов. Ваганьян развязно утверждает, что Ленин в роде того, что не совсем еще раскусил в то время господина Струве и что ему нужен был в этом деле еще «предметный урок». Это весьма неумное умозаключение т. Ваганьяна основано на явном непонимании им причин расхождения между Плехановым и Лениным по вопросу о Струве. В записи Ленина от 29/XII—1900 г. по этому поводу читаем следующее:

«По первоначальной передаче дела Арс(еньев)ым (Потресовым) я понимал так, что бл. (Струве) идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны—оказалось к(а)к раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, ч(то) Арс(енье)ву (Потресову) очень уже хотелось того, чем «манил» бл. (Струве), именно политического материала корр(еспонденции) etc, а чего хочется, тому верится» и Арс. (Потресов) верил в возможность того, чем манил бл. (Струве), хотел верить в искренность бл(изне)ца (Струве) в возможность приличного modus vivendi с ним». Прочитав внимательно эту «запись» диву даешься, каким это образом тов. Ваганьян мог сделать из этого эпизода выводы, которые он сделал в своей книге, исказив позицию Ленина самым непозволительным образом.

Вот что значит находиться во власти предвзятой схемы. В угоду ей тов. Ваганьян замалчивает все факты. Да и зачем они ему, когда у него есть столь милая его ревизионистскому умонастроению «теория». Спрашивается только—откуда он ее выкопал, кто это ему ее насвистел в уши.

Но обратимся снова к фактам.

Ленин разглядел в Струве подлинного либерала еще в 1895 году; тогда уже он выступил против него со всей резкостью и решительностью.

И последующие годы могли служить для Ленина лишь подтверждением правильности занятой им по отношению к Струве позиции. Ленин в этом вопросе ни в каких «предметных уроках» не нуждался. Все разговоры о том, что Плеханову кто-то в 1895 году приказывал «не стрелять» в Струве, являются, говоря прямо сказками. «Стрелял» в Струве в 1895 году не кто иной, как Ленин, а Плеханов в это время взял Струве под свою защиту.

Пусть т. Ваганьян возьмет еще раз в руки книгу Н. Бельтова «К монистическому взгляду на историю», изд. 1906 г., и развернет стр. 248—9, 277 и 281. В деле непримиримости принципиальной позиции Ленину 90-х и 900-х годов нечему было учиться у Плеханова, ибо прав тов. Зиновьев в своем утверждении, что Ленин первый резко отмежевал подлинный «революционный марксизм» от «легального марксизма». И весьма странным является то, что т. Ваганьян не заметил в цитированной выше «записи» фразы, что Плеханов «старался в спорах представить его так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве». Ведь

---

[1]) См. „Лен. Сборник“ № 1, стр. 72.

здесь Ленин очень резко подчеркивает, что он стоял на точке зрения «беспощадной войны со Струве». А по Ваганьяну получается, что в 1900 году Ленин думал, что Струве «идет к нам», ошибался в этом, и получил «предметный урок». Все это было бы лишь вздорными пустяками, если не было бы легкомысленнейшим извращением позиции Ленина.

В той же «записи», которую я уже цитировал выше (от 2/IX-1900 г.) Ленин пишет: «Ставится вопрос об отношении к Бобо (Струве) и Мих. Ив. (Туган-Барановскому). Мы стоим за условное приглашение (нас неизбежно толкала на это резкость Г. В. (Плеханова): мы хотели этим доказать, ч(то) желаем иного отношения». И, далее, Ленин рассказывает, как после целого ряда переговоров и окончательного выяснения отношений Плеханова к этому вопросу он решил уступить,—в записи читаем следующее: «Видя это мы оба с Арс. (Потресовым) решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Г. В. (Плеханова) «отказываемся» [1]. И опять-таки весь этот эпизод обнаруживает совсем не то, что Ленину нужен был «предметный урок», а то, что Ваганьян до последней степени исказил, не понял сущности отношения к этому вопросу Плеханова, с одной стороны, и Ленина, с другой. Разница в отношениях этих двух людей к Струве была, но эта разница заключалась совсем не в том, в чем видит ее тов. Ваганьян. В позиции Плеханова чувствуется не практик, а теоретик, и от резкой постановки вопроса о Струве веет на нас прежде всего некоторой отвлеченностью и теоретичностью. Ленин же подходил к этому вопросу, как практик, теснейшим образом связанный со всеми нуждами рабочего движения и строительства партии. Ленин глубоко понимал практику революционного дела, был теснейшим образом связан с ним и одновременно стоял на высоте самой передовой, самой революционной теории нашего времени, которая давала ему возможность безошибочно определять свою позицию по отношению к врагам марксизма и рабочего класса. Плеханов, будучи оторван от практической работы, значительно менее остро, чем Ленин, понимал ее насущные задачи. Поэтому нередко Плеханов только внешне казался якобы «ортодоксальнее» Ленина, на самом же деле настоящая ортодоксия была на стороне Ленина. Так было и в разбираемом случае. Тов. Ваганьян обнаруживает здесь уже не только пренебрежение к фактам, а явное непонимание самой сути, «духа» ленинской линии,—глубочайшей, непрерывной, все собой проникающей, теснейшей связи теории и практики движения. Чувствуя себя стоящим непоколебимо на основе самой передовой теории современности, Ленин мог в интересах практики дела вступить в те или иные временные комбинации и политические соглашения. Недаром он говорил, что бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется [2]). И впоследствии Ленин неоднократно возвращался к оценке своего «союза» с «легальными марксистами» (см. т. V, стр. 128—9 и т. VIII, стр. 473—476), и, между прочим, неоднократно предостерегал от точки зрения людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело [3]). Ленин, когда был убежден в полезности данного соглашения для

[1]) См. „Ленинский Сборник“ т. I стр. 36.
[2]) Ленин. Собр. соч., т. У, стр. 128.
[3]) Там же. 129.

практики революционного дела, не боялся итти на целый ряд «уступок», ибо он чувствовал себя на крепкой теоретической позиции и ясно видел все возможные опасности того или иного соглашения. И одной из характернейших особенностей ленинской тактики была величайшая гибкость, уменье сочетать теоретическую непримиримость со способностью ни на одну секунду не отрываться от практических требований данного момента.

У Плеханова не было этого ленинского качества. В разобранном мною эпизоде все это и сказалось в полной мере. Тов. Ваганьян обнаружил такое безграничное непонимание всего этого эпизода и так извратил роль Ленина в нем, что приходится прийти к выводу, что не просящий «пощады» у критики исследователь Плеханова поверил здесь больше некоторым критикам Ленина, чем самому Ленину, «записи» которого («Как чуть не потухла «Искра»), кстати сказать, он обвиняет в «чрезмерном суб'ективизме» (см. стр. 128).

Дальнейшие события этого же порядка, связанные уже с работой «Искры», дают лишь подтверждение именно нашей оценке.

Между Струве и «Искрой» (в 1900—1 г.) шли переговоры об издании специального журнальчика «Современное Обозрение», который явился бы приложением к журналу «Заря». В связи с этим естественно разрешался и вопрос об использовании для «Искры» политического материала, приходящего в «Современное Обозрение». В письме Ленина к Плеханову от 30 января 1901 года по этому поводу мы читаем следующее: «Насчет «демократической оппозиции» Иуда не спорил: он не романтик и его словами не запугаешь. А вот насчет «7-го пункта» (утилизация материала для «Искры», материала, приходящего в «Современное Обозрение») он ловко обошел наших, которые все, и П. Б. Аксельрод ycompris встали за него против меня». Далее Ленин поясняет: «Он требует, чтобы утилизация материала для «Искры» была возможна только по соглашению с представителем «Совр(еменного) Об(озрения»)... И добавляет—«Выпускать он хотел бы ежемесячно по пяти листов сиречь около 200 тысяч, как раз столько, сколько в двух листах «Искры». Из этого Ленин делает такой вывод: «дело ясное: конкуренция направляется не столько против «Зари», сколько против «Искры»: то же преобладание пол(итического) материала, тот же газетный характер—обозрение текущих событий, коротенькие статьи (Иуда (Струве) с очень верным тактом придает громадное значение частому выходу тоненьких книжек с маленькими статьями). Нас будут заваливать материалом сего рода, мы будем бегать по исполнению поручений Иуды (Струве), который своим хозяйничанием в «Совр(еменном) Об(озрении)» (дело очевидное, что хозяин и хозяин полный будет там он, ибо у него деньги и 99% материалов—мы разве изредка мало-мало что в состоянии будем дать туда), сделает великолепную «либеральную карьеру и попытку оттереть не только тяжеловесную «Зарю», но и «Искру».

«Спрашивается,—продолжает Ленин,—неужели пресловутая «гегемония» соц(иал)-демократии не окажется при этом пустым Cant'om. В чем она выразится кроме словечка: приложение к социал-д(емократическому журналу)»? Что материалом он нас задавит,—это несомненно, ибо мы и для «Зари»-то с Искрой» не успеваем писать. В заключение Ленин пишет следующее: «Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии,

то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день». И как практический вывод, Ленин приглашает Плеханова тоже поднять знамя восстания. Лучше разрыв,—добавляет он,—чем это фактическое подчинение программе credo на ряду с громкими фразами против credo-изма». Это письмо целиком подтверждает нашу точку зрения и целиком опровергает тов. Ваганьяна. Здесь Ленин, придававший большое значение «политическому материалу» для «Искры», хотел использовать П. Струве и К^0.... но в то же время он ни на одну иоту не собирался поступаться «гегемонией социал-демократии». И когда обнаружилась в этом пункте опасность («он ловко обошел наших, которые все и П. Б. Аксельрод у compris встали за него против меня»), то Ленин немедленно же бьет в набат и приглашает Плеханова «тоже поднять знамя восстания». Плеханов в ответ, повиднмому, на это письмо Ленина пишет следующее (см. письмо Плеханова к Ленину, суббота, февраль 1901 г.): Необходимо согласиться, поторговавшись, однако, насчет материала для «Искры». Обстоятельства таковы, что разрыв теперь погубит нас: а после мы посмотрим». И это письмо опять-таки направляется против точки зрения тов. Ваганьяна. Ибо в этом письме Плеханов занимает примирительную позицию. Это не значит, конечно, что здесь Плеханов отошел от ортодоксальной точки зрения, это значит лишь, что безысходно запутался тов. Ваганьян, когда он в предыдущем эпизоде практическую гибкость Ленина понимал, как некоторую уступку, направленную чуть ли не против ортодоксии.

В практике «Искры» был еще один эпизод, который еще раз обнаружил точки зрения всех членов редакции «Искры» в вопросе о либералах. Этот эпизод связан со статьей Ленина—«Гонители земства и Аннибалы либерализма», направленной против Струве.

В настоящее время мы имеем переписку между всеми редакторами «Искры» по поводу этой статьи Ленина. Эта переписка будет целиком напечатана в III номере «Ленинского сборника».

В письме от 9-го июля Ленин пишет Аксельроду:

«Я написал статейку по поводу записки Витте и предисловия к ней, разругал, конечно, г. Н.Р.С. (Струве)—Вел-(ика) Дм(итриева)—(Засулич) очень недовольна, и придется посылать статью Г. В. (Плеханову) и т. д.: больной пункт этот господин Н. Р. С. (Струве)».

Статья была послана Плеханову. И вот что мы читаем по поводу этой статьи в письме Плеханова к Ленину от 14-го июля:

«Статью Вашу я прочитал с величайшим вниманием и скажу вот что; отзывы Ваши о г. Р. Н. С. (Струве) вполне определенны, но... и тут кое-что надо смягчить. И вот почему. В Ваших отзывах слышно весьма понятное нам раздражение. Но читателю Ваше раздражение может быть непонятно».

И далее, переходя к существу вопроса, Плеханов формулирует свою точку зрения таким образом:

«Не следует теперь ругать либерала вообще. Это нетактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно».

Плеханов еще раз подчеркивает эту свою мысль в таких выражениях:

«Следует несколько раз оговорить, что те, которых Вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения. Мы ведь должны относиться к либералам, как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчики; статья сама по себе прекрасная, и было бы жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности)».

А в конце своего письма Плеханов еще раз советует Ленину:

«Итак, смягчайте, голубчик, либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка».

Здесь перед нами несомненно выступают два «оттенка» в отношении к либералам и либерализму. И не оставляет никакого сомнения то, что Ленин не нуждался ни в каких предметных уроках для того, чтобы раскусить русского либерала; наоборот, Плеханов обнаруживал некоторые, выражаясь современным термином, «уклоны». В архиве Института Ленина имеется письмо Мартова к Ленину (от 17/IV 1902 года), в котором тот передает свой разговор с Плехановым и формулировку последнего, что имеются две точки зрения на либерализм—«бельтовская» и «тулинская». А различие между Бельтовым и Тулиным, т. е. различие между Плехановым и Лениным в отношении к либерализму 1895 г., мы уже видели: Ленин звал «стрелять» и «стрелял» уже по Струве, а Плеханов предпочитал защищать его.

И после этого Ваганьян считает возможным утверждать в своей книге, что:

«Письма Плеханова внесут не мало коррективов в наше представление о влиянии Плеханова на кристаллизацию линии «Искры» по отношению к либералам» [1]).

Дальнейшее разъяснение этого утверждения не оставляет сомнения в том, что тов. Ваганьян представляет себе дело таким образом, что именно Плеханов являлся наиболее последовательным в борьбе с «критиками» из либерального лагеря. На самом деле положение было, несомненно, совсем обратное. И если кто в действительности самым решительнейшим образом влиял на кристаллизацию линии старой «Искры» по отношению к либералам, то несомненно этим был не кто иной, как Ленин. Вновь публикуемые материалы из литературного наследства Ленина с особенной ясностью обнаруживают, что именно с начала 900-х годов Ленин твердо занимает пост настоящего вождя революционной социал-демократии.

По вопросу о помещении статьи Ленина Аксельрод занял примирительную колеблющуюся позицию. В своем письме к Мюнхенской части редакции (без даты) он пишет следующее:

«Я должен сознаться, что если бы статья прислана была посторонним сотрудником, то я стал бы за ее помещение в ее настоящем виде, по той причине, что революционный дух ее очень подкупает и освежающим, бодрящим образом действует»,

---

[1]) Ваганян. Т. В. Плеханов стр. 231.

В том же письме Аксельрод отмечает:

«Если Р. Н. С. (Струве) грешит сбивчивостью и колебаниями вправо, то наш автор грешит теми же недостатками—под влиянием радикальных симпатий. Поэтому-то он впадает в обличительно-полемический тон, который, говорю откровенно, и мне местами казался nicht am platze, во крайней мере, настолько не мотивированным, что я опасался, что он «непонятен будет читателю».

В письме от 19-го июля Аксельрод заявляет:

«Еще раз: я не вотирую против печатания статьи».

Статья тов. Ленина, как известно, была помещена. Что же отвечал сам Ленин на те возражения, которые были сделаны против его статьи. В письме Аксельроду от 21 июля он пишет:

«Г. В. (Плеханов) написал уже мне довольно подробно, в чем он видит желательные изменения, и я, конечно, постараюсь сделать все эти изменения (только относительно перемены тона... не знаю уже, удастся ли. Вряд ли смогу в дипломатическом тоне писать о господине, вызывающем во мне бурные чувства. И вряд ли вполне прав Г. В. (Плеханов), что моя ненависть невоспитна будет читателю: сошлюсь для примера на Parvus'a, который, не зная автора, вынес из чтения предисловия тоже вражду к этому «тотереву», как он выразился, но это в скобках)».

В письме к Плеханову от 5 июля по тому же поводу Ленин пишет:

«Я получил свою статью от П. Б. (Аксельрода) с его письмом. П. Б. (Аксельрод) тоже стоит за смягчение. И я, разумеется, внес все, конкретно указанные Вами и П. Б. (Аксельродом) смягчения».

И, добавлял он:—«Если бы у меня не было «раздражения» против автора, я бы и не писал так. А раз есть «раздражение» (понятное не только нам, но и всякому социал-демократическому читателю предисловия), то мне уже его не скрыть и тут уже не схитрить. Постараюсь еще и еще смягчить и еще и еще оговорить: м(ожет) б(ыть) кое-что и удастся».

Таким образом, Ленин шел на смягчение своей статьи под напором Плеханова, Аксельрода и Засулич, отбрасывая при этом все основное в мотивировке соредакторов. Отвечая на упреки в «упорстве», он писал Аксельроду в письме от 26 июля:

«Напрасно только Вы думаете, что я черезчур («порядком») «упорен». Все Ваши указания на смягчение определенных мест, как и все указания Г. В. (Плеханова), я принял во внимание, т.-е. везде смягчил».

А в дальнейшем он дает такое раз'яснение направлению своего упорства: «Вообще,—пишет Ленин»,—я вовсе не так уже упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. (Струве) за его политическое жонглерство».

Вся эта переписка, между прочим, свидетельствует о том, что те «бурные чувства», которые «чувствуются» в «тоне» статьи Ленина против Струве являются в известной степени отражением последних «встреч» со Струве. В письме к Аксельроду от 26 июля Ленин так и пишет: «В свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т.-е. Verhandlungen с «теленком» (Струве), попытки договора etc), так сказать, душу отводил, сводя счеты с этим суб'ектом». Таким образом и этот эпизод в выработке «Искрой» своего отношения к либералам свидетельствует лишний

раз о непонимании т. Ваганьяном роли Ленина в данный период развития нашей партии. Тов. Ваганьян буквально, как гимназист, «очарован» Плехановым. Это мешает ему видеть действительное положение вещей. Это толкает его к извращению роли Ленина.

Буквально то же самое обнаруживается и в вопросе об «экономизме». Тов. Ваганьян опять-таки изображает дело так, будто бы только Плеханов стоял на точке зрения беспощадной борьбы с «экономистами», и будто бы Ленин обнаруживал в этом вопросе примиренчество и колебания.

Тов. Ваганьян пишет: «Плеханов не мог выносить не только прямых примиренческих половинчатостей, но и простых упоминаний о возможной мягкости по отношению к экономистам, в то время как Ленин и Потресов были настроены более мирно, во всяком случае не столь резко». Об'ясняет «это» тов. Ваганьян следующим образом: «Плеханов вел борьбу уже четвертый год, ему был совершенно ясен оппортунизм экономистов, и чем меньше были шансы на возможность скорой организации партии революционной с.-д., способной отвергнуть решительно экономический оппортунизм, тем решительней и непримиримей были его отношения ко всяким, хотя и малым, хотя бы кажущимся уклонениям от ортодоксии, незначительным послаблениям ревизионистам всяких толков. Это было неизбежно, это было разумно и необходимо».

«Мы не хотим оправдать тон разговоров Плеханова: он был недопустимо запальчив, мы хотим только подчеркнуть законность занятой им позиции: она была безупречна» [1]).

«Плеханов,—пишет Ваганьян,—вел борьбу уже четвертый год». А Ленин, спрашиваю я, сколько лет он вел эту же борьбу? «Ему, т.-е. Плеханову,—продолжает Ваганьян,—был совершенно ясен оппортунизм экономистов». А Ленину, позвольте узнать, разве был менее ясен этот оппортунизм? Если никто иной, как Ленин, первым начал «стрелять» по Струве, то никто иной, как тот же Ленин первым разгромил идеологию «экономизма». «Позиция Плеханова, отмечает тов. Ваганьян, была безупречна». Это может быть, и так. Но зачем же заниматься намеками на то, что Ленин яко-бы повинен в «уклонениях от ортодоксии» и в «послаблениях ревизионистам всяких толков». А ведь этим с большой настойчивостью и развязностью занимается тов. Ваганьян, хотя он и делает это в уклончивой форме. Но, как бы он ни осторожничал в формулировках, для всякого внимательного читателя совершенно ясно, что тов. Ваганьян и здесь снова стремится изобразить Ленина чуть ли не примиренцем и колеблющимся.

А Плеханова, наоборот, он стремился самым тщательнейшим образом «защитить» от всех и всяческих упреков. Плеханов не нуждается в защите. Прекрасно известно, что на целом ряде книг Плеханова учились целые поколения революционных марксистов.

Зачем же, спрашивается, понадобилось тов. Ваганьяну пускаться в такие «предположения» о Плеханове, какими он счел нужным заняться на странице 322 своей книги. Он пишет там: «Разумеется, если бы Плеханов был в России и мог наблюдать текущую работу ячеек и отдельных организаций, процесс возникновения «экономического» течения был бы ему виден и, быть может (вернее—наверное), он на много ранее 1898 года открыл бы

---

1) См. В. Ваганьян. Там же, стр. 129.

борьбу против экономизма, как вероятно, он начал бы борьбу с нео-народничеством и либерализмом уже со второй половины 90-х годов. Он бы, вероятно, имел возможность гораздо ранее того, как новое течение оформилось, разоблачить оппортунистические тенденции его».

Однако, промедление было лишь промедлением темпа, отнюдь не запозданием критики. Неужели Ваганьян думает, что «обставив» Плеханова бесконечным числом «если», «бы», «быть может», «вероятно» и т. д., тем самым он поднимает значение Плеханова в борьбе с экономизмом и бернштейнианством. Для всякого ясно, что этим самым тов. Ваганьян сбивает с толку в первую голову самого себя и обнаруживает наглядно свою полную неспособность не только по заслугам оценить Плеханова, но и понять Ленина. Не дано сие В. Ваганьяну. Ленин тоже не нуждается в защите. Но ведь свою книгу Ваганьян писал, полагаю, не для архивных мышей, а для людей. И книгу он написал «солидную» и «фундаментальную». А мы живем в такое время, когда на сцену снова вышло слово «ревизия», а тов. Ваганьян еще в прошлом году обнаруживал свои антиленинские наклонности. Поэтому, придется и в данном случае заняться некоторыми разъяснениями и опровержениями, дабы облегчить тем людям, которые будут читать книгу тов. Ваганьяна, быстрейшее понимание ошибок и извращений, которые в ней содержатся. В письме к Якубовой от октября 1900 г. тов. Ленин писал следующее: «Неужели вы думаете, что возможно обойтись без такого определения, без прямой и открытой расчистки поднятой «кредистами» и бернштейнианцами мути». И далее, он продолжает: «Начинающие борьбу в настоящее время отнюдь не разрушают единства. Единства уже нет, оно уже разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-демократия—рассыпанные храмины и прямая борьба против «критиков» бернштейнианцев и против «экономистов» (вы глубоко заблуждаетесь, если не видите, что те и другие—родные братья) одно из необходимых условий восстановления единства». В «Ленинском сборнике» № 1 имеется письмо Владимира Ильича, адресованное X-у, в котором Ленин спустя несколько дней после событий, описанных в записи «Как чуть не потухла «Искра», определяет свое отношение к «Союзу русских социал-демократов», находившемуся тогда в руках экономистов. В этом письме читаем: «Перейдем к делу по существу. Слияние невозможно. Федерация тоже невозможна, если понимать это слово в его настоящем смысле, т.-е. известное соглашение, договор, взаимные обязательства и т. п.». В этом же письме он решительнейшим образом возражает против утверждения, что между группой «Освобождение труда» и «Союзом русских социал-демократов» нет «принципиальных разногласий». Он пишет так: «Вы пишете, ч(то) принц(ипиальных) раз(ногласий) нет и ч(то) С(ою)з готов на деле доказать свою решимость вести б(орь)бу с экон(омическим) напр(авлением). Мы убеждены, что по обоим этим пунктам Вы ошибаетесь». «И, добавляет он, мы намерены литературно же выступить с опровержением мнения об отсутствии принц(ипиальных) разногласий (так что нек(ото)рые отношения к С(ою)зу у нас будут: отношения между полемизирующими». Эти документы совершенно опрокидывают все умозаключения тов. Ваганьяна о каком-либо даже намеке на возможность того, что Ленин по отношению к экономистам был настроен «более мирно», чем Пле-

ханов. Если тов. Ваганьян вздумал утверждать такие вещи то приходится особо подчеркнуть, что именно никто иной как Ленин является застрельщиком в борьбе с Credo (протест 17-ти).

Ленин сразу занял к нему непримиримую позицию и никогда с этой позиции не сходил. И будучи чрезвычайно близок к практике рабочего движения, превосходно понимая все насущные нужды именно этой практики, он, как никто другой, умел брать «быка за рога», выступая не только как теоретик, но и как доподлинный политический вождь. Вот этого-то и не в состоянии понять тов. Ваганьян. Вот именно это-то он и искажает в своей книге. Это же непонимание обнаруживается им и при анализе тех споров, которые в 1902 году велись внутри редакции «Искры» между Лениным и Плехановым. Это один из интереснейших вопросов, какие можно только встретить на протяжении всей замечательной истории нашей партии и революционного марксизма в России.

И хотя тов. Ваганьян не рассматривает «вопрос о программе в целом», что, несомненно, является уже ошибочным, но все же неоднократно в своей книге он подходит к оценке программных вопросов и даже касается наиважнейших вопросов, которые являлись предметами спора при выработке программы 1903 года. Так, на странице 245 он указывает на разногласия между Плехановым и Лениным по такому «крайне важному вопросу», как вопрос об отношении пролетариата к мелкой буржуазии, а на странице 343 и следующих он подробно уже разбирает вопрос о программе в связи с вопросом о конечных целях. При чем он полагает, что именно решение этого вопроса являлось «показателем степени выдержанной революционной последовательности». Повторяю, то, что тов. Ваганьян счел возможным не рассматривать вопроса о программе в целом, безусловно являлось ошибкой, ибо это привело его сразу же к тому, что он оторвал вопрос о диктатуре пролетариата от тех споров, которые имели место внутри редакции «Искры» при выработке партийной программы по вопросу о взаимоотношениях пролетариата и «мелких производителей». А для всякого ясно, что решение этого вопроса в постановке, сделанной Лениным, имело теснейшее отношение к вопросу о гегемонии пролетариата, т.-е. к вопросу о диктатуре. Основная характеристика позиции Плеханова и Ленина в программных спорах 1902 года дана тов. Ваганьяном в такой формулировке: «Как всякое коллективное произведение, наша программа была результатом компромисса. В занимающем нас вопросе Плеханов представлял левое, наиболее резкое, так сказать, якобинское крыло, в то время как все остальные члены редакции занимали позицию европейской ортодоксии, представляемой Каутским. Мы потому так долго и задержались над историей этого вопроса, что полагали чрезвычайно важным это его положение не только для характеристики личности, но и для правильного понимания мировоззрения его» [1]. Таким образом, по Ваганьяну выходит, что в программных спорах 1902 года Плеханов представлял «якобинское крыло», а Ленин стоял на точке зрения «европейской ортодоксии».

Вот до каких умозаключений со ступеньки на ступеньку докатился тов. Ваганьян.

[1] В. Ваганьян. Г. В. Плеханов, стр. 361.

Свои обширные замечания на «второй проект» Плеханова Ленин заключает следующим резюме: «Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основных недостатка, делающие, по-моему, этот проект неприемлемым:

1) крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;

2) отстранение и затемнение вопроса о специально-русском капитализме—особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым об'явлением войны именно русскому капитализму;

3) совершенно одностороннее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям, отнимающее у нас базис в войне и с «критиками», и с мн(огими) др(угими);

4) стремление постоянно дать в программе об'яснение процесса. Об'яснения дать все равно не удастся, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий» [1]).

Таким образом, Ленин требовал от партийной программы, чтобы она—во-первых, была программой «боевой партии»; во-вторых, была «прямым об'явлением войны именно русскому капитализму» и в-третьих, содержала бы такое «изображение отношения пролетариата к мелким производителям, которое давало бы «базис в войне и с «критиками» и с мн(огими) др(угими)». Таким образом Ленин напал на проект Плеханова не с точки зрения «европейской ортодоксии», а с точки зрения революционной марксистской теории, опирающейся на практику периода, непосредственно примыкающего к первой российской революции. И если бы тов. Ваганьян дал бы читателю своей книги в руки приведенную мною ленинскую оценку плехановского проекта, то тем самым он дал бы такую путеводную нить, которая без сомнения давала бы возможность разобраться читателю во всех тех искажениях, которые допускает тов. Ваганьян при оценке позиций Плеханова и Ленина в программных спорах 1902 года. Но он здесь предпочел умолчать об этой замечательной ленинской оценке плехановского проекта. Ошибки, искажения и извращения тов. Ваганьяна станут особенно ясными, если мы от общей оценки перейдем к рассмотрению отдельных пунктов проекта программы 1902 года. Тов. Ваганьян неоднократно отмечает, указывает и подчеркивает, что «Ленин и Мартов находились под сильнейшим влиянием Каутского» [2]). Приведя замечания Ленина на VIII параграф первого проекта Плеханова (о диктатуре пролетариата) [3]), тов. Ваганьян пишет: «Его (т. е. Ленина) коробят ясные и слишком определенные слова Плеханова на счет того, каковы будут средства завоевания этих средств». И далее он продолжает так: «Со всех точек зрения приведенные замечания характерны и еще раз и особенно убедительно показывают, что В. И. Ленин

1) См. Ленинский сборник, вып. 2-й, стр. 86—7.
2) См. В. Ваганьян, там же, тср. 354.
3) К параграфу VIII (абзац о диктатуре) Ленин сделал такое замечание: „Г/осподи/н полож/ения", „беспощ/адно/ раздав/ить", „дикт/ат/ура". (Довольно с нас социальной революции). См. Ленинский сборник, II, стр. 28.

находился под сильным влиянием немецких теоретиков, в частности Каутского, чья программа и служит все время образцом для сравнения. Именно немецкая манера была к тому времени избегать говорить слишком определенно о диктатуре и о переходной эпохе борьбы за конечные цели, как раз Каутский к началу столетия вел свою «каучуковую» тактику, которая и диктовала ему необходимость стирать наиболее острые углы, чтобы не дразнить бернштейнианцев, чтобы не создавать повода к резкой внутрипартийной борьбе» [1]).

Разберем этот пункт внимательно. В своих замечаниях к параграфу VIII первого плехановского проекта Ленин наставил немало вопросительных знаков, но разве из этого можно сделать те выводы, которые мы читаем в книге Ваганьяна. Безусловно нет, ибо надо взять не только эту стадию спора, но и весь его в целом. А беря его весь в целом, мы увидим, что в ленинском проекте программы, составленном после плехановского проекта (после совещания редакции «Искры» от 21-го января 1921 года), имеется параграф IX, который сформулирован следующим образом: «Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, к(ото)рая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле дикт(а)т(у)ра прол(етариата) составляет необходимое политическое условие социальной революции». А тов. Ваганьян этой формулировки Ленина не выделил, не подчеркнул.

Приведя все пять §§-ов, относящихся к вопросу о конечной цели, он счел возможным сопроводить их таким замечанием,—«сравнивая эти параграфы с проектом Плеханова, нетрудно заметить, что В. И. Ленин действительно вытравил из них все, что могло хотя сколько-нибудь показаться несдержанным и резким» (стр. 357).

Бесподобно сказано! Хорош «исследователь»! О Каутском поговорил, на «каучуковую» тактику самым недвусмысленным образом намекнул, а мимо ленинского § IX, формулирующего ясно и точно «диктатуру пролетариата», прошел, фактически его замолчал.

Таким образом формулировка вопроса о диктатуре в IX параграфе ленинского проекта ничем не отличается от плехановской. Пойдем дальше. В то время как Ленин в своем проекте, написанном после первого плехановского проекта, вставляет специальный пункт о диктатуре пролетариата, Плеханов во втором своем проекте вместо этого пункта дает весьма расплывчатую формулировку. Ленин в своих замечаниях на этот второй проект указывает на это упущение. Там мы читаем: «Кстати. В проекте упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшее первоначально» [2]). И тут же Ленин указывает: «Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Ком(мунистического) Ман(ифеста), что пролетариат один только есть действительно революционный класс» [3]). Плеханов согласился на вставку «диктатуры пролетариата». (См. письмо Плеханова к Засулич от 19-го марта 1902 года) [4]). Рассмотрев всю эту историю с пунктом о диктатуре,

1) В. Ваганьян, там же, стр 354—5.
2) См. „Ленинский Сборник", II, стр. 80
3) Там же, стр. 80—81.
4) См. там же, стр. 95.

тов. Ваганьян не может удержаться, чтобы не взять здесь под свою защиту Плеханова против Ленина, ибо иначе никак нельзя понять следующего вывода, который имеется на странице 359 его книги: «Таким образом, подчеркивает тов. Ваганьян, смягчение явилось результатом уступок Плеханова Ленину» [1]). Далее, Ленин не ограничивается только этим, но он и в дальнейшем самым внимательнейшим образом следит за формулировкой пункта о социальной революции и диктатуры пролетариата. В комиссионном проекте партийной программы в пункте VIII содержалась такая формулировка: «В то же время усовершенствование техники, обобществляя процесс труда внутри мастерской и концентрируя производство, создает возможность такой социальной революции, которая составляет» [2]). Ленин в своих замечаниях уже на этот комиссионный проект программы предлагает в этом пункте прибавить («*И необходимость*» (социальной революции) [3]). И когда тов. Ваганьян хочет изобразить дело таким образом, что именно этот вопрос был «главным боевым вопросом» [4]), и что в этом вопросе Плеханов занимал левую позицию, то здесь он не только безбожно путает, но и доказывает, что он ничего не понимает в программных спорах 1902 года. Конечно, вопрос о диктатуре пролетариата является важнейшим вопросом, но в программных спорах между Плехановым и Лениным он, как таковой, не был ни «главным», ни «боевым вопросом», ибо здесь-то как раз между ними не было разногласий. И совсем уже незачем изображать дело так, как будто бы Ленин по этому вопросу выступал защитником «каучуковой тактики». Это вздор и явное искажение. Ленин связывал вопрос о диктатуре пролетариата с вопросом о взаимоотношении пролетариата и мелкой буржуазии. А в этом последнем, и действительно важнейшем пункте разногласий, Ленин не только обнаружил последовательнейшую ортодоксальность (против Плеханова), но и дал такое понимание этого вопроса, которое имеет исключительно важное значение для уяснения всей позиции Ленина в вопросе об отношении пролетариата и мелкой буржуазии, пролетариата и крестьянства. И следует особо подчеркнуть, что именно в этом пункте тов. Ленин сугубо «напирает» на протяжении всех споров вокруг программы партии. Я возьму лишь наиболее отчетливые окончательные формулировки, данные по этому вопросу. В комиссионном проекте параграф VIII был формулирован следующим образом: «Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные капиталистическому способу производства, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей и обостряется борьба ее передового представителя пролетариата с защитниками этого порядка» [5]). В своих замечаниях Ленин самым решительнейшим образом протестует против мысли, выраженной в последней части этого параграфа (о «передовом представителе»). Ленин пишет: «Параграф VIII показывает *упорное нежелание* комиссии соблюсти точное и недвусмысленное условие, поставленное ей при самом ее «рождении». На *основании этого условия* должна быть сделана встав-

1) См. В. Ваганьян, там же, стр. 359.
2) См. Ленинск. сб. II, стр. 125.
3) См. там же, стр. 125.
4) См. Ленинский сборник, II, стр. 123.
5) См. Ленинский сборник, II, стр. 123—4.

ка к(ото)рую комиссия и сделала в § 10, при чем до вставки речь должна итти только о классовой борьбе одного пролетариата. Последнего требования, ясно выраженного в примирительном договоре, комиссия *не исполнила*, и я считаю себя в праве настаивать на его исполнении» [1]). И тут же он добавляет: «Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о *классовой диктатуре*,—обязательно сначала *выделить* этот один класс, а потом уж сделать добавление о его роли представителя» [2]). Повторяю, Ленин придавал этому вопросу исключительное значение и в программных спорах 1902 года он постоянно его выделяет, им тщательно занимается и на него «напирает». Исключительное внимание Ленина к этому вопросу проходит красной нитью через все программные споры 1902 года. Ленин знал на что и когда надо нажимать. И в начале 900-х годов, непосредственно перед первой российской революцией, он указывал и настаивал на необходимости самого резкого выделения классовой борьбы пролетариата, обязательного выделения «одного» этого класса, и делал он это в интересах именно того, чтобы пролетариат в дальнейшем смог повести за собой массы эксплоатируемой капитализмом мелкой буржуазии, т. е. в интересах того рабоче-крестьянского блока, который является альфой и омегой всей нашей нынешней политики. В своих дополнительных замечаниях на комиссионный проект программы, Ленин в *специальном* «добавлении к вопросу о классовой борьбе» пишет: «Желательно привлечь всех мелких производителей,—конечно. Но мы знаем, что это—особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все же особый класс».

«Обязательно *сначала отгородить* себя от всех, выделить один только, *единственно и исключительно*, пролетариат, а *потом* уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает».

«Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала».

«У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплоатируемой массы» не вызывали никакого *народного* движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И *только* эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, *расширение*. Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют с(оциал)-д(емократов) в «крестьянофобстве», и с(оциалисты)-рев(олюционеры) кричат о необходимости заменить понятие классовой борьбы понятием «борьбы *всех* труд(ящихся) и эксплоатируемых» (В(естник) Р(усской) Р(еволюции) № 2),—именно в России мы должны *сначала* самым резким определением одной только классовой борьбы одного только пролетариата *отгородить* себя от всей этой швали,—а потом уже заявлять, что мы *всех зовем*, все возьмем, все сделаем и все расширим».

«А комиссия «расширяет», позабывши отгородить... И обвиняют меня в узости за то, что я требую *предпослать* расширению эту «отгородку»... Ведь это—подтасовка, господа». В этой последней цитате Ленин с особенной силой, отчетливостью и ясностью сформулировал свою точку зрения. Эта цитата ярким

1) Там же стр. 124.
2) См. там же, стр. 124.

светом освещает вам не только позицию Ленина «искровского» периода, но и весь его гениальный подход к вопросу об отношении пролетариата и крестьянина, который является одним из краеугольных камней ленинизма. И диву даешься, каким образом ухитрился тов. Ваганьян обойти эту постановку Ленина, каким образом, имея в руках весь текст программных споров 1902 года, нашел он смелость, мягко выражаясь, наговорить в своей книге таких небылиц о позиции Ленина при выработке программы 2-го съезда. Я не говорю уже о том, что, исказив позицию Ленина, тов. Ваганьян тем самым неправильно представляет и позицию Плеханова. Он не понимает того, что в программных спорах 1902 года Ленин выступает как политический вождь, который ведет свою линию в полнейшем соответствии с требованиями эпохи. Новое, что вскрыли перед нами опубликованные в «Ленинском сборнике» программные споры внутри редакции «Искры», заключается именно в том, что с опубликованием этих материалов перед нами в полный рост встала гигантская фигура Ленина, который не только в вопросах политики и практики, но и в вопросах программы уже тогда фактически стоял во главе, и шел и в программных вопросах впереди Плеханова. Тов. Ваганьян весьма подчеркивает, что «Ленин унаследовал от Плеханова основные элементы своей грядущей аграрной политики», но он совершенно проходит мимо того, что Ленин дал такую постановку аграрной проблеме в России, до которой не поднялся, да и не мог подняться Плеханов. Еще в 1899 году в своей статье «Проект программы нашей партии» Ленин отмечал, что в нашей программе должна найти полное выражение та «особенность России», которая выражается «особой постановкой крестьянского вопроса» [1]). И характеризуя особенности постановки крестьянского вопроса в России в отличие от Запада, тов. Ленин, между прочим, подчеркивает, что на Западе «промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни», а в России он «связан еще с деревней» [2]). В той же статье Ленин пишет: «В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на р а б о ч и х - к р е с т ь я н, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, ездят туда. Вопрос о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате — живо интересует сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, например, рабочих, в среду которых тоже начала проникать с.-д. пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для с.-д-тов и сознательных рабочих, попадающих в деревню» [3]). Одновременно с этим Ленин отмечал также и особенности в положении крестьянства в России и писал так: «Рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, п р о й т и м и м о тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западно-европейские крестьяне при низвержении абсолютизма,—это вопрос, на который история еще не дала от-

[1]) См. Ленин. Собрание сочинений, том V, стр. 382.
[2]) Там же, стр. 387.
[3]) Там же, стр. 396.

вета. Если не сумеют,—социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (м. б. не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют,—то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию» [1]). Особо Ленин отмечал, что «мы должны выделить революционное содержание народничества» [2]). Сопоставьте все это с тем, что мы знаем теперь о позиции Ленина при обсуждении проекта партийной программы, и станет отчетливо ясным то новое, в точке зрения Ленина, что поднимало его над всей редакцией «Искры». И какими курьезными, смешными, ничтожными после этого кажутся попытки тов. Ваганьяна превратить Ленина в какого-то подражателя «каучуковой» тактики Каутского. Тов. Ваганьян вполне доказал своим изложением позиции Ленина, что он ничего не понял в ленинизме, что он «глух» и «слеп» к ленинизму. Он доказал также, что для изложения Ленина мало обладать «смелостью» и элементарным умением изложения чужих мыслей. Надо еще уметь понимать их. «С м е л о с т ь» в соединении с н е п о н и м а н и е м превращаются в легкомысленную развязность, ведущую к грубейшему извращению основного в рассматриваемом вопросе. И так как тов. Ваганьян полагает, что Ленин находился под сильным влиянием «немецких теоретиков» и Эрфуртской программы, то придется остановиться и на этом вопросе. И чтобы не отягощать читателя изобилием цитат, придется прежде всего лишь указать на то, что Ленин в своей, уже цитированной мною, статье «Проект программы нашей партии» подчеркивал, что проект программы русских социал-демократов, изданный группой «Освобождение труда», не потерял своего значения и для настоящего момента и «стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории» [3]). И на странице 379 Ленин в небольшом абзаце дает исчерпывающую мотивировку тому, почему он считает правильным такую оценку программы группы «Освобождение труда». В этой характеристике затронуты буквально все вопросы, в том числе и вопрос о диктатуре пролетариата, а как известно в программе группы «Освобождение труда» 1887—8 года этот вопрос сформулирован совсем не плохо, и не только для того времени, но и вообще для революционно-марксистской постановки этого вопроса. Далее, в той же статье тов. Ленин в таких выражениях определяет свое отношение к Эрфуртской программе: «Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же о с н о в н ы е процессы развития капитализма, те же о с н о в н ы е задачи социал-

[1]) Там же, стр. 389.
[2]) Там же, стр. 395.
[3]) Там же, стр. 379.

демократов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы». Для всех и каждого ясно, что здесь тов. Ленин намерен подражать «хорошему» в Эрфуртской программе и в то же время ни в коей мере не собирается заниматься простым «списыванием» с нее. Зачем же тов. Ваганьяну понадобилось изображать дело так, что Ленин находится чуть ли не в плену именно у «каучуковой» стороны программы Каутского.

Подчеркивая необходимость отражения в программе нашей партии особенностей России, Ленин в программных спорах 1902 года с особенной настойчивостью выдвигал вопрос «о специально-русском капитализме», настаивая на том, что мы должны выступить «с прямым об'явлением войны именно русскому капитализму». Одновременно с этим, Ленин тоже с исключительной настойчивостью отстаивал конкретность основных формулировок тенденций капиталистического развития, т.-е. требовал наибольшей резкости характеристик основных тенденций капитализма, об'ективно подготовляющих социалистическую революцию.

И если тов. Ленин был намерен подражать некоторым «немецким теоретикам», именно в этом направлении, а это было именно так, то это лишний раз подчеркивает правильность позиции тов. Ленина и выбивает у тов. Ваганьяна всякую почву для защиты его столь легкомысленных умозаключений. Ленин еще в 1899 году имел намерение, при разборе программы группы «Освобождение труда», особо выделить и «очертить основную тенденцию капитализма», в таком понимании этой тенденции, какое изложено было им и в программных спорах 1902 года (см. стр. 380—81, том V, соч. Ленина). Но тов. Ваганьян не удовлетворяется теми искажениями, которые были допущены им при характеристике точки зрения тов. Ленина в разобранных мною выше вопросах.

В своей книге он пишет: «И Ленин, и Мартов находили проект абстрактным, слишком отвлеченно-теоретическим и, что важнее всего, они обвиняли Плеханова в том, что он уделяет слишком много внимания полемике с Бернштейном» [1]). Прочитав это, прямо руками разводишь перед той... бесшабашной лихостью, которую обнаруживает здесь тов. Ваганьян.

Ленин первым начал «стрелять» в Струве. Ленин из Сибири поднял знамя борьбы против cred'изма. Ленин в своих статьях из сибирской ссылки в 1899 году неоднократно подчеркивал важность и необходимость борьбы с бернштейнианцами, подчеркивая правильность тактики Плеханова, подвергавшего «беспощадной критике «новейшую» критику «Бернштейна». Ленин в переписке, относящейся к 1900—1 гг., которую я выше цитировал, неоднократно и весьма определенно высказывался по этому вопросу. И, наконец, в программных спорах 1902 года Ленин стремится к такой формулировке нашей программы, чтобы она дала «базис в войне и с «критиками», и с ин(огими) др(угими)». И тут же он неоднократно, весьма конкретно, совершенно определенно и резко формулирует свою точку зрения в этом вопросе (см. стр. 72, 78, 86-87 и 132-33).

И после этого приходит Ваганьян и, ничтоже сумняшеся, с видом весьма развязным, заявляет,—а ведь Ленин, как оказывается, в 1902 году обвинял Плеханова в том, что тот слишком энергично борется с Бернштейном. В своей книге о Плеханове тов. Ваганьян в полной мере показал, что он не понял и до сих пор не понимает Ленина. Тов. Ваганьян, очевидно, в дни своей юности встал на колени перед Плехановым, и его книга показывает, что и до сих пор он не изменил этой позы. Коленопреклоненный перед Плехановым, тов. Ваганьян, не в состоянии правильно оценить Плеханова. Одновременно он лишен возможности понять и Ленина. Для того, чтобы написать хорошую, большевистскую книгу о Георгие Валентиновиче Плеханове, надо было тов. Ваганьяну не заниматься неумеренным подчеркиванием плехановского «учительства» в отношении Ленина. Это факт общеизвестный. Ленин начинал не на пустом месте, он имел предшественников, в число их несомненно стоит и Плеханов. Это, повторяю общеизвестно. Тов. Ваганьяну именно для изучения Плеханова, раз уж он взялся писать о нем книгу, надо было тщательно, со всем вниманием, добросовестно изучить и, главное, понять (а Вам этого-то и не дано, тов. Ваганьян), понять самостоятельную ленинскую линию еще в «доискровский» и «искровский» период развития нашей партии и революционного марксизма в России. И надо было показать, какие плехановские «уклончики» привели Плеханова—«искровца» к Плеханову—меньшевику. Архивы уже сейчас дают нам материал для такого изучения. Надо было этим воспользоваться и дать партийной молодежи такую книгу, по которой она сумела бы, как следует, по-большевистски, понять и Плеханова и научиться понимать ленинизм. Коленопреклоненный перед Плехановым, Ваганьян не дал и не мог дать такой книги. Он дал такую книгу, в которой исказил роль Ленина в важнейший период в истории русского марксизма. Тов. Ваганьян не понимает того, что Ленин приехал из сибирской ссылки за границу, имея все данные политического вождя. В 1900—1901 гг. заграницей он прошел через такой опыт, который сделал его вождем. И надо понять, что с этого момента во главе революционной пролетарской партии и революционного марксизма в России стоит уже не Плеханов, а Владимир Ильич Ленин. Он идет во главе партии, он, то кропотливо и настойчиво, то громадными шагами двигает вперед передовую революционную теорию нашей эпохи. Кто не поймет этого, тот ничего не поймет в истории русского марксизма и нашей партии с начала XX столетия.

[1]) См. В. Ваганьян, там же, стр. 363—353,

Книга В. Ваганьяна дает образец такого непонимания. Она, безусловно, возникла под знаком «ревизионистского» отношения к Ленину и ленинизму, и в полной мере несет на себе этот отпечаток.

В. В. Носановский. Конспект курса политической экономии. Изд. «Советская Мысль». В. Устюг. 1924 г., стр. 83.

За последнее время нашими центральными издательствами было выпущено довольно большое количество всякого рода «очерков», «курсов» и «учебников» по обществоведению и политэкономии, к сожалению, далеко не всегда удовлетворяющих требованиям элементарной марксистской выдержанности и грамотности. Об'яснение этому заключалось в первую очередь в нашей бедности марксистскими силами. Совершенно очевидно, что на

изданиях наших губернских издательств, в несравненно большей степени страдающих отсутствием грамотных марксистов, это обстоятельство не могло не сказаться.

«Конспект» В. В. Носановского, как рекомендует его сам автор, рассчитан не на массового читателя, это «не учебник и руководство для первоначального ознакомления с марксистской политэкономией», а «пособие для лекторов, руководителей марксистских кружков, слушателей рабфака и совпартшколы».

Посмотрим, однако, что же представляет из себя это «пособие для лекторов». В каком виде это пособие преподносит основные категории политической экономии.

Вот образец мудрости автора «конспекта»:

6. «*Трудовой стоимостью* (*ценностью*) продукта называется количество труда, затрачиваемое на изготовление данного продукта».

4. «Труд, затрачиваемый на изготовление общественно-необходимого (!) продукта, называется *общественно-необходимым трудом*, а время, затрачиваемое на изготовление этого продукта, называется *общественно-необходимым временем*».

3. «...Капиталист уплачивает рабочему за его труд в виде заработной платы только (!) стоимость *общественно-необходимого продукта*, присваивая себе стоимость всего продукта, произведенного рабочим, в том числе (!) и стоимость *прибавочного продукта*».

9. «*Рабочий день включает в себя общественно-необходимое рабочее время* (т.-е. общественно-необходимый труд по терминологии самого же автора. К. Р.)... *и прибавочное время*», (т.-е. прибавочный труд. К. Р.) и, наконец:

7. «*Общественно-необходимой стоимостью* называется количество труда, затрачиваемое на изготовление общественно-необходимого продукта». (Везде курсив автора. К. Р.).

Не знаешь собственно с какого конца начать распутывать эту невероятнейшую путаницу.

Начнем с того, что автор неверно определяет трудовую стоимость (3). Стоимость по Марксу определяется количеством *общественно-необходимого труда*, а не труда вообще, как пишет Носановский; запомнив это, попробуем разобраться в глубокомысленных определениях автора «конспекта».

«Капиталист уплачивает рабочему за его труд в виде заработной платы только (!) стоимость *общественно-необходимого продукта* (что, между прочим, означает этот термин «общественно-необходимого продукта»—неизвестно). «Труд, затрачиваемый на изготовление общественно-необходимого продукта, называется *общественно-необходимым трудом*», а «*общественно-необходимой стоимостью* (что означает здесь понятие «*общественно-необходимая*»—тоже неизвестно), называется количество труда, затрачиваемого на изготовление общественно-необходимого продукта».

Таким образом, по «конспекту» Носановского получается, что рабочие, с одной стороны, создавая стоимость (известное количество общественно-необходимого труда), в то же время получают от капиталиста эту же стоимость *целиком* обратно в виде «*общественно-необходимого продукта*», представляющего из себя «общественно-необходимую стоимость».

Автор «конспекта» попадает в порочный круг, из которого он не в состоянии выбраться в объяснении, откуда же капиталист получает прибавочную стоимость, если он оплачивает рабочему *только* (!) стоимость *общественно-необходимого труда*.

Надо, впрочем, отдать справедливость автору, что и выпутывается-то из неловкого положения он весьма неловко.

«Рабочий день включает в себя общественно-необходимое рабочее время... и прибавочное время». Автор забывает, что он сам на этой же странице пишет, что общественно-необходимым временем или трудом называется время или количество труда, затрачиваемое на изготовление «общественно-необходимого продукта», а количество труда, затрачиваемое на «общественно-необходимый продукт» называется «общественно-необходимой стоимостью». Таким образом, либо «общественно-необходимое» время (Маркс, в отличие от автора «конспекта», называет это время просто «необходимым») совпадает со стоимостью, как это утверждает автор, и тогда прибавочное время будет составлять какую-то сверхстоимость, какую-то надбавку к «общественно-необходимой стоимости» (одни определения чего стоят!), либо стоимость покрывает как «общественно необходимое», так и «прибавочное» время, но в таком случае стоимость превращается в «количество труда», затрачиваемого на изготовление «общественно-необходимого продукта», а «общественно-необходимый» продукт принимает вид заработной платы и «прибавочный продукт» исчезает на глазах удивленного читателя «конспекта».

«Доказав», таким образом, помимо (мы не сомневаемся) своей воли отсутствие эксплоатации в капиталистическом обществе, автор совершенно неожиданно заявляет: «Обычная (!) норма эксплоатации в капиталистическом обществе 100—150 процентов»(!).

Откуда автор «пособия для лекторов» взял эту цифру «обычной» нормой эксплоатации—известно, вероятно, только одному автору. И, наконец, заканчивая этот раздел главы о распределении, автор пишет:

«При исчезновении эксплоатации... прибавочный продукт сольется с общественно-необходимым продуктом, прибавочный продукт (уже слитый? К. Р.) станет могучим стимулом непрерывного развития общества». «При коммунизме исчезнет даже различие между прибавочным и «общественно-необходимым продуктом», как и различие между продуктами производства и продуктами потребления (!)».

«В коммунистическом обществе не будет существенной разницы между продуктами производства и продуктами потребления (!!), так как не будет паразитических классов, все будут производители, а продукты потребления производителей могут быть рассматриваемы, как продукты производства».

Любопытны рассуждения автора о налогах.

«К числу нетрудовых доходов в капиталистическом обществе относятся налоги. *Источником этого вида нетрудового дохода, как и всех нетрудовых доходов, является прибавочная стоимость* (курсив наш. К. Р.).

И дальше автор поясняет:

«Обложение при косвенных налогах продуктов потребления создает *кажущуюся* (курсив наш. К. Р.) видимость

обложения зарплаты. В действительности источником косвенных налогов является прибавочный продукт, так как повышение цен на товары, обложенные акцизом и пошлиной, увеличивает стоимость рабочей силы»...

На фоне вульгарно-примитивного «закона» увеличения зарплаты утверждение автора, что налоги идут исключительно за счет нетрудового дохода, за счет прибавочной стоимости, за счет нетрудовых классов,—принимает характер совершенно очевидной глупости. Класс капиталистов пользуется налогами, как орудием всеэкономической эксплоатации, и кто этого не понимает, тому не следовало бы браться за писание «конспектов»—«пособий для лекторов».

Приведем, наконец, наиболее достойные образцы мудрости автора «конспекта»:

«Ловкость является одним из главных факторов производительности труда. Для достижения наибольшей ловкости труда применяется так называемая система Тэйлора.

«Сущность разделения труда и заключается в том, что при нем в деле производства продуктов выделяются распорядители и исполнители».

«Средства или продукты производства (это «или» превосходно!) отличается от продуктов потребления тем, что заключенный в них сконцентрированный труд возобновляется во вновь произведенных продуктах, их трудовая стоимость переходит в стоимость вновь созданных продуктов; продукты же потребления тратятся (расходуются) безвозвратно».

Мы готовы держать пари, что кроме автора (в лучшем случае) никто не поймет сокровенного смысла этой фразы.

Автор безоговорочно принимает лассалевский «железный закон» заработной платы и в этой же главе так определяет сущность профсоюзов:

«Профсоюзом называется экономическое об'единение рабочих с целью защиты своих экономических интересов».

Это определение не профсоюзов, а тред-юнионов, но автор удовлетворяется, очевидно, своим об'яснением и никаких дополнительных пояснений не делает.

Нам думается, что читатель уже получил впечатление о научной ценности «пособия для лекторов», поэтому ограничимся наиболее характерными деталями.

«Трудовое хозяйственное предприятие преследует цель получения наибольшего «валового дохода», а «капиталистическое предприятие»—«чистого дохода».

Или:

«потребительная стоимость рабочей силы, способность к труду, создает надбавку к трудовым стоимостям постоянного капитала».

Или, наконец, чего стоит утверждение автора, что «заработная плата при баснословно растущих прибылях капиталиста во время промышленных кризисов, уменьшается на 50 и 90%, увеличивается в период под'ема промышленности в общем не более, чем на 3%».

«Историческая номинальная заработная плата повышается, реальная же заработная плата стремится к понижению и, если увеличилась, то в общей сложности не больше, чем на три процента».

Откуда в голову нашего высокоученого автора попали эти совершенно вздорные ни с чем не сообразные цифры? Нельзя же в самом деле предполагать, что квалифицированному читателю, на которого рассчитан конспект, не бросятся в глаза такие очевидные глупости, как твердо установленные проценты уменьшения и повышения зарплаты в периоды кризисов и под'емов промышленности.

Подводя итоги разбора «конспекта» Б. В. Носановского, мы пришли, в основных положениях, к таким выводам:

1) смешав понятия необходимого и общественно-необходимого труда и приняв необходимый труд, как выражение стоимости, заставив капиталиста уплачивать рабочему не стоимость его рабочей силы, а стоимость «общественно-необходимого труда», автор «конспекта» уничтожил эксплоататорский характер капиталистического производства, превратив прибавочную стоимость в безобидную «надбавку» к «общественно-необходимой стоимости»;

2) автор произвел «революцию» в представлениях о налоге, превратив налог из способа эксплоатации трудящихся масс, из способа выжимания из заработной платы добавочного дохода класса капиталистов в лице капиталистического государства,—в благотворительное самообложение капиталистов «на государственные общеклассовые издержки».

Таким образом, вместо того, чтобы вскрыть существо и механику капиталистической эксплоатации, как экономической (в производстве), так и вне-экономической (налогами), автор «конспекта» приходит к отрицанию эксплоататорского характера капитализма вообще. Если к этому прибавить, наконец, еще явно меньшевистское понимание роли и значения профсоюзов, то «конспект» теряет вид безобидного творчества полуграмотного «теоретика» политической экономии и превращается в очевидно недопустимую и вредную книжку, которая ни в какой мере не может и не должна служить пособием для лекторов совпартшколы и рабфаковцев.

К. Розенталь.

Бенедикт Каутский. Экономические проблемы современности. С предисловием проф. В. В. Святловского. Перев. В. В. Салиган. Изд. Т-во «Книга» 1924. Стр. 118.

Об «экономических проблемах современности» в этой книжке говорится очень немного, собственно только на последних 18 страницах, где дается очень поверхностное об'яснение причин мирового кризиса 20—21 года на основе общей теории кризисов. Здесь читатель не найдет ни многих (да и вообще никаких), цифровых данных, ни яркого описания хода кризиса, зато найдет в изобилии убогую оппортунистическую мораль, слегка подслащенную фразами о классовой борьбе в духе $2^1/_2$-ного Интернационала. Книжку Б. Ка-

утского можно рассматривать только, как популярный очерк основ марксистской экономической теории. Мы бы не стали подробно рассматривать ее с этой стороны, если бы не та рекомендация, которая дается книжке в предисловии, написанном проф. В. В. Святловским. И само по себе это предисловие заслуживает некоторого внимания.

«Бенедикт Каутский,—читаем мы в этом предисловии,—марксист, и притом, как некоторые глубоко и основательно изучившие сочинения Карла Маркса,—марксист хороший и солидный. Поэтому все общие теоретические суждения Бенедикта Каутского, *особенно* его суждения о стоимости, об органическом составе капитала... о норме прибыли и норме прибавочной стоимости и проч., изложены точно, правильно, вполне ортодоксально. В подходах ко всему теоретическому конструированию общих главнейших проблем ясно чувствуется твердая, кристально-ясная мысль писателя, проникшегося острою и отточенною методологиею Маркса... Главное его кушание, основное, теоретическое, изготовлено хорошо. Но тем обиднее, тем досаднее экскурсии этого автора в область прикладной экономики, в сферу современной экономической политики и его детские суждения из области живой житейской действительности. Тут перед нами не марксист, а жалкий обыватель, притом начиненный ходячими предрассудками социал-демократизма. «Подливка» при кушании неудачная» (стр. 8, курсив наш).

Эта аппетитная характеристика совершенно неверна. Неопытный читатель, скушав «солидное» теоретическое блюдо, рискует отравиться социал-демократической фальсификацией марксизма, проникающей книжку почти во всех его частях, а там, где ее нет, он просто ничего не получит.

Теорию стоимости Б. Каутский излагает крайне «упрощенно». Вот пример теоретической «солидности» этой части книжки. «Прежде всего он (Маркс—Д. Л.) впервые дал полное и согласующееся с остальной экономической теорией *об'яснение денег* и их замечательных явлений. Он говорит, что *деньги в сущности ничем (!) не отличается от других товаров*». (Стр. 26, курсив автора). Но «отточенная методология» нашего автора выступает во всей красе в главе V («Изменения нормы прибыли и их причины»). В разделе этой главы, носящем название: «Возрастание эксплоатации», анализируются методы увеличения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Здесь мы находим следующее утверждение: «*Реальная заработная плата и эксплоатация могут, следовательно, возрастать одновременно* (курсив автора), *это при господстве капиталистической системы является для обеих сторон самым выгодным положением*»... (стр. 60, курсив наш—Д. Л.). Как видит читатель, из теории относительной прибавочной стоимости делается вывод, диаметрально-противоположный выводу Маркса: классовые противоречия не обостряются, а притупляются к выгоде «обеих сторон». Значение этого вывода, не умаляемое следующими за ним оговорками, вывода, сделанного после десятка комплиментов Марксу, не нуждается в особых комментариях.

Теория империализма излагается под заголовком «Внешняя торговля» (!). Империализм Б. Каутский определяет, как «политику капиталистического завоевания неразвитых стран» (стр. 66). Какую роль он придает империализму, лучше всего можно видеть из следующих замечательных строк: «Мы пришли к выводу, что шовинистическая колониальная и военная политика правительства, защищавшего интересы картелей, тяжелой индустрии и банков, создала роковое *настроение*, благодаря которому могла возникнуть мировая война» (стр. 85, курсив наш). «Речь шла в этой войне отнюдь не об империалистических только спорах, как утверждают люди, которые представляют себе и толкуют политические и экономические явления чисто схематически. Проблемы демократии, национальный вопрос, милитаризм и абсолютизм,—все те вопросы, которыми в течение столетия занята европейская политика, и которые столь же долго ждут своего разрешения, играли здесь роль»... (стр. 68). Итак, империализм создает «настроение» (в другом месте, на стр. 67 сказано—«злосчастную атмосферу»), но война возникла все же из-за «проблемы демократии» и т. д. Очень чувствительная теория империализма!

Можно было бы привести еще несколько примеров «солидарности» и прочих достоинств предподносимого нам «теоретического кушания». Но и сказанного достаточно для характеристики книжки Б. Каутского. Теперь несколько слов о предисловии проф. В. Святловского. Преисполненный самой пламенной симпатией к коммунизму и столь же сильным презрением к социал-демократизму сей профессор, однако, как оказывается, вовсе не случайно восхищается «теоретическим кушаньем» Б. Каутского.

«Попытаемся, — пишет В. Святловский,—точнее определить разницу между социал-демократизмом,—в его наиболее распространенной (?) форме—*германском социал-демократизме* и его рабской русской копии меньшевизма и коммунизмом или, как он еще точнее определяется, современным ленинизмом». (Стр. 6, курсив автора).

Вот как он определяет эту разницу.

«Следовательно вопрос сводится не к «программам» и «теориям», в которых социалисты и коммунисты кладут в основу своей теории нечто весьма сходное друг с другом, во многом совершенно тождественное, а в стремлении к действию, в той программе, в той практике и в той политике дел, которые их глубоко раз'единяют» (стр. 6).

«Таким образом, перед нами, при общей *сходной*, даже иногда *вполне тождественной теоретической конструкции* и теоретических предпосылках, логически строго выведенных из теории Карла Маркса,—*глубокое различие в практической программе*, т.-е. в практике и поведении руководимого ими (?) пролетариата» (стр. 7, курсив наш).

Итак, у социал-демократизма и ленинизма *теория одна и та же*: *Разница только в практике*. Это пишет в 1924 г. профессор—«марксист», историк социализма и рабочего движения? Пишет в то время, как тысячи рабочих кружков и школ политграмоты изучают *теорию* ленинизма, как марксизма новой империалистической эпохи. Пишет после того, как два последних конгресса Коминтерна дебатировали *теоретический* вопрос о программе Коминтерна... Возможно ли себе представить более медвежью услугу сотням тысяч рабочих, занятых лени-

ской учебой, чем «предисловие» проф. Святловского? И удивительно ли, что он в книжке Б. Каутского увидел «солидную», «методологически—отточенную» теорию?

Резюмируем. Книжка Б. Каутского удостоилась перевода на русский язык по недоразумению. Сама по себе, она частью бесполезна, частью вредна. С предисловием же В. Святловского она становится прямо вредной, способной внести в голову читателя-учащегося настоящую кашу.

Дав. Лурье.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский

СОДЕРЖАНИЕ.